

БОЗРЕВАТЕЛЬ BSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

**Философское осмысление принципа диссимметрии
в вопросах о возникновении Земли**

О.БОЙЦОВА

О.ЛЕОНОВА

**«Общественный договор» –
основа доверия к власти**

**Евразийский союз:
два проекта**

С.ТИШКОВ

А.ГУСЕВ

**Международное право
в миротворческих акциях**

**Экологическая политика
Европейского союза**

**Ирано-турецкое сотрудничество
в Закавказье**

Содержание номера

- Наша победа (Стихотворение) А.Цветков 6
- Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего А.Фурсов 7
- Философское осмысление принципа диссимметрии в вопросах о возникновении жизни В.Некрасов, М.Пляшкевич 20
- Евразийский союз: два проекта О.Леонова 29
- Россия – Узбекистан: сотрудничество в интересах мира и процветания Г.Рудов 36
- Ирано-турецкое соперничество в Закавказье С.Дружиловский 43
- Общественный договор – основа доверия к власти О.Бойцова 50
- Существо демократии в западной политической мысли конца XX – начала XXI в. А.Сытин 59
- Реализация принципов международного права в миротворческих акциях С.Тишков 68
- Цивилизационные аспекты развития Европейского союза Ю.Бойко, Э.Садыкова 76
- Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития А.Гусев 88
- Мировые СМИ – инструмент политического влияния В.Крикунова 101

Рецензии

- Концепция «устойчивого развития» – идеология и практика утверждения нового мирового порядка Г.Авцинова 109
- Основные этапы и векторы внешней политики Перу Зб.Ивановский 117

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИД-ЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

АРИСТОВ В.В.	– член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б.А.	– доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А.П.	– президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В.	– заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г.	– директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В.В.	– Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С.	– первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г.	– президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
КРЕМЕНЮК В.А.	– заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И.	– вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л.	– заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
ПЕТРАКОВ Н.Я.	– директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С.	– директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М.	– академик РАН
СУХАРЕВ А.Я.	– советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л.	– директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В.	– ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К.Г.	– генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А.	– директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В.Ф.	– советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Наша Победа

Анатолий Цветков

Когда в семнадцатом суровом
Народ низвергнул капитал,
Мы оказались в жизни новой,
Какой никто еще не знал.

Но Запад с этим не смирился,
Решил Советы сокрушить,
Взрастив фашизм, он оживился,
Стал демократию душисть.

Потом по воле толстосумов
Был брошен Гитлер на восток,
Который сделал ход безумный
И, проиграв, навек умолк.

Нам нелегко далась Победа,
Ведь миллионы полегли,
Спасибо безответным дедам,
Что нашу Родину спасли.

Победа миру доказала –
Народной власти жить в веках,
Фашизм – отродье капитала,
С позором был повержен в прах.

Победа – наше достоянье,
Мы не дадим ее отнять,
Она как вечное сиянье,
Народов мира благодать.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – Член Союза писателей России. E-mail: anatoly2010@mail.com

Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего*

История и современность

Андрей Фурсов

Смуты и революции – рычаги, пружины и блоки

Участники дискуссии называют различные факторы, блокирующие или, напротив, ускоряющие смуту.

Так, В.Д.Соловей согласен с мыслью Дж.Голдстоуна о том, что «государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революции снизу»¹.

Н.В.Асонов, напротив, подчеркивает значение поддержки власти со стороны народа как фактор, позволяющий не до-

пустить смуту. Историк фиксирует, что благодаря опричнине Ивану Грозному удалось:

- подавить деструктивную оппозицию в лице «полужидовствующих», политическая идеология которых ставила целью разрушение православной государственности в России;
- «нестяжателей», вставших на позиции «терпения» и «кротости» в отношении «развратников веры Христовой»;

ФУРСОВ Андрей Ильич – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). E-mail: rusint@bk.ru

Ключевые слова: смута, революция, русская история, внутренние и внешние факторы, современная Россия.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2012. № 3.

– сторонников удельно-княжеской управленческой модели, мечтающих вернуть власть великим родам, а также приверженцев республиканско-вечевых традиций.

Московское государство не только избежало раскола и более кровавых религиозных войн, поразивших западно-европейский мир, но и сохранило себя в качестве оплота славяно-православной цивилизации, обеспечив ее последующее выживание¹. Решающую роль в этой блокировке смуты Асонов отводит не царю, а народу, который принял курс самодержавной соборности и понял значение опричнины как вынужденной временной меры.

Думаю, сегодня трудно сказать, понял ли народ опричнину как чрезвычайную и размышлял ли он в таких категориях. Скорее всего, нет. Но то, что народ действительно воспринимал курс Грозного как соборный и поддерживал царя против «утеснителей-бояр», сомнения не вызывает, иначе страна взорвалась бы не в 1600-е, а в 1570-е годы. Более того, именно опричина заложила фундамент тех институтов, которые так и не удалось разрушить в смуту предателям-боярам, возводившим на престол Владислава и мастырившим свой княжеско-олигархический строй, и которые полностью восстановились к середине XVII в.

На прочность государственных институтов, созданных в XVI в., указывает и Д.В.Лисейцев, подчеркивая, что российская государственность не только не была разрушена смутой, но именно эта прочность способствовала преодолению смутного времени².

И главное – опричина не вызвала системного кризиса и не довела противостояние власти и народа до крайней точки справедливо отмечает В.П.Булдаков, смута/революция не состоится, пока системный кризис не достигнет

своего апогея, приняв форму открытого противостояния народа и власти¹.

Впрочем, некоторым участникам дискуссии вопрос о народе как субъекте смуты/революции представляется не таким простым, как кажется на первый взгляд.

Например, А.В.Чертищев отмечает, что в 1917 г. действовали не классы, а массы³, причем люмпенизированные, маргинализированные¹, короче – толпообразные.

Это, кстати, перекликается с мыслью В.П.Булдакова о том, что, поскольку российская история не создала устоявшихся структур и этнических общностей, смута непременно примет охлократический характер¹. Правда, здесь возникает вопрос к Булдакову: китайская и французская истории создали устоявшиеся структуры и этнические общности, но рискнет ли кто-либо утверждать, что в революциях в этих странах не было охлократии?

И вопрос к Чертищеву, который считает низкий культурно-образовательный уровень фактором, способствующим превращению масс в объект манипуляции.

А разве события перестройки и послеперестроечное десятилетие не продемонстрировали, что и население с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем легко превратить в манипулируемое стадо? Думаю, все мы помним это время и поведение многих наших коллег из «ученого цеха».

Рассуждая о механизме возникновения предпосылок революций, нельзя не согласиться с В.П.Булдаковым, А.Ильюховым, А.И.Колгановым в том, что эти предпосылки создаются прежде всего господствующим слоем.

«Несомненно, что смуты провоцируются верхами, не умеющими адекватно реагировать на внешние вызовы», – пишет Булдаков¹ (я бы добавил: и внутреннее).

По мнению Ильюхова, революцию провоцировала косная правящая элита¹. И далее: «...революцию готовят и делают не революционеры, а «олигархи» разной социальной принадлежности»*.

Ильюхов приводит весьма интересную и точную, на мой взгляд, характеристику одним немецким публицистом деятельности П.А.Столыпина: «Столыпин сделал все для подавления революции прошлой, но очень мало для предотвращения революции будущей». Я бы сказал точнее: Столыпин своей реформой сделал немало для приближения будущей революции.

Впрочем, вряд ли можно предъявлять исторический счет одному Столыпину. Он был выдающимся представителем определенной властно-классовой системы, которая на рубеже XIX–XX вв. загнала себя в цугцванг. У этого цугцванга было два аспекта.

Важную черту первого отметила Ю.А.Жердева, зафиксировавшая коллапс крестьянского патернализма имперской системы: «неразрешимое «мирным» путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект** патерналистской опеки государства... и непреодолимыми требованиями индустриально-городской культуры, требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании»¹. Не будучи способной решить вопрос в интересах крестьянства и в то же время ликвидировать этот слой, императорская власть тормозила его решение, откладывала – и дооткладывалась, получив крестьянские вилы в бок.

Иными словами, речь идет о том, что логика развития промышленно-городского общества, капитализма требовала

ликвидации крестьянства как слоя. Позднее самодержавие, хотя противоречия между ним и крестьянством нарастали, сделать этого не могло в силу своей классовой и властной природы. А вот советский режим в 1929–1933 гг. сделал.

Как тут не вспомнить А.А.Зиновьева, заметившего как-то, что самое страшное – это власть народа над самим собой, ничем не опосредованная, прямая. Т.е. барин мужика может пожалеть, а мужик мужика вряд ли; с такой мыслью вполне мог согласиться Н.С.Лесков, она проходит красной нитью сквозь его произведения, достаточно вспомнить «Тупейного художника».

Второй аспект заключается в том, что самодержавие не могло разрешить проблему не только «треугольника» «самодержавие – крестьянство – капитализм», но и треугольника «самодержавие – дворянство – буржуазия», будучи не в силах разорвать ни с дворянством ради буржуазии, ни с буржуазией ради дворянства.

Эту проблему решили большевики, взорвав систему позднесамодержавного Тянитолкая.

Ситуация, технологически весьма похожая на положение в России начала XX в., складывается сегодня, столет спустя. Власть, с одной стороны, не может отделить себя мирным путем от «олигархов» (из этой же «оперы» решение проблемы коррупции как системообразующего фактора, по признанию самой власти), с которыми образует корпорацию-государство. Подобного рода отделение возможно лишь как результат введения чего-то, похожего на неоопричнину. С другой стороны, власть не может отказаться от сохранения населения в качестве объекта квазипатернализма.

* Как тут не вспомнить Л.Д.Троцкого с его фразой о том, что настоящие революционеры современного мира сидят на Уолл-стрит. Троцкий имел в виду Фининтерн.

** Думаю, в тексте опечатка, – по логике речь должна идти об объекте.

Во-первых, поскольку это население своей хозяйственной и социальной деятельностью удерживает экономику от серии техногенных катастроф, а социум – от хаоса. Это одна из его главных, хотя и не прокламируемых функций системы, так как техногенные катастрофы и хаос автоматически ломают систему извлечения прибыли и властвования.

Аналогичным образом коллективы институтов в системе РАН сохраняются отчасти для физического наполнения и поддержания функционирования материальных объектов собственности как важнейших активов для реализации групповых, и опять же отчасти государственных, интересов – например, в качестве госгарантий при получении международных займов.

Во-вторых, население – какой-никакой электорат, и хотя опора власти – не все население, а население определенных регионов страны, определенная численность для содержания «зоны охоты» (М.Б.Ходорковский), явки на выборы, а в случае необходимости – демонстрации Западу некой массы со своими интересами, необходима.

Возникает треугольник «власть – олигархи – население», проблемы которого мирным, эволюционным путем неразрешимы, при том что развитие ситуации в стране и мире требует скорейшего решения, которое власть тормозит, оттягивает. Результат, похоже, может быть таким же, как в 1917 г.

К факторам, работающим на революцию, следует добавить разложение системы управления, тесно связанные с этим коррупцию и непрофессионализм управленцев.

Об этом состоянии Российской империи на рубеже XIX–XX вв. писали многие, в том числе весьма ярко и красноречиво Н.Е.Врангель в своих воспоминаниях. Эти черты и особенности поздней имперской России полностью, причем в гротесково-фарсовом виде,

воспроизвелись Белым движением в зоне его контроля.

«Все характерные черты «второй русской смуты», – пишет С.В.Карпенко, – проявились в истории Белого движения. Среди них – управленческая анемия «верхушки» Белого движения, вспышка частного и корпоративного эгоизма, деморализация в среде бюрократии и буржуазии и т. д.»⁴. То есть перед нами недееспособность власти и части общества (верхов), их неадекватность в реагировании на эти факторы как причины обеих смут – начала XVII в. и начала XX в., – указывает В.В.Шелохаев⁵.

Частный и корпоративный эгоизм, деморализация бюрократии и буржуазии, коррумпированность верхов – все эти характеристики поздней имперской и Белой России вполне применимы к России сегодняшней, словно списаны с ее реалий. И неслучайно ряд участников дискуссии, размышляя о смутах и революциях, затронули наши дни.

Так, А.И.Селиванов подчеркнул, что смутные времена продолжаются и в наши дни, образ благоденствия в России всего лишь симулякр реальности, сформированный политиками и СМИ. В то же время, предупреждает участник дискуссии, не надо скатываться в деконструктивность эмоционально-панических настроений¹.

Причину нынешних смутных времен Селиванов видит в разладе народа и власти, в расхождении интересов народа (страны, цивилизации) с интересами власти, элит и других групп, влияющих на принятие государственных управленческих решений.

С одной стороны, угроза российской государственности, отмечает Селиванов, исходит от многих представителей власти в стране. Это:

- коррумпированные чиновники;
- представители крупного отечественного капитала, ставшего вненациональным;

- криминальные структуры;
- различные этнические и общественные группы и слои, не несущие в себе российских ценностей;
- большинство СМИ¹.

С другой – силы и субъекты, находящиеся за рубежом: зарубежные политические и финансовые центры, ТНК и МНК, чьи интересы по отношению к России в целом совпадают с интересами российских коррупционеров и компрадорных и обслуживающих их представителей медийных и научных структур.

Селиванов верно указывает на классовый и антицивилизационный по отношению к российской цивилизации блок внешних и внутренних сил, который можно назвать «либерально-интернациональным». Этот термин не мое изобретение, им активно пользуется «тихая американка» британского происхождения Фиона Хилл*.

Как отмечает А. Левченко, в свое время Хилл курировала подготовку двух аналитических докладов – «Альтернативные сценарии развития России до 2017 года» и «Стратегия США на Кавказе и в Черноморско-Каспийском регио-

не». Наиболее желательным для США сценарием Хилл считала приход к власти в России «либеральных интернационалистов» во главе с Немцовым, Явлинским, Каспаровым и Ходорковским. В докладе констатировалось, что у либерал-интернационалистов практически нет шансов победить в России конституционным путем. «В связи с этим не исключался их приход к власти с помощью цветной революции».

За исключением Ходорковского, все остальные либерал-интернационалисты – фасад либерального клана «старосемейных» (засветились на Болотной и на Сахарова). Кстати, сегодня правые глобалисты (они же: либерал-интернационалисты) в блоке с западным финансовым капиталом пытаются сделать с Россией то, к чему в 20-е – 30-е годы в союзе с Фининтерном стремились левые глобалисты и что им не позволил красный император Сталин.

Сейчас вопрос стоит аналогичным образом: Россия – либо сырьевой элемент глобальной системы, либо импероподобное образование, противостоящее этой системе в союзе с другими импероподобными образованиями.

Забывтый внешний фактор

Тема внешнего фактора в русских смутах практически не получила звучания в дискуссии. Ее вскользь и не самым удачным образом коснулся только один из участников дискуссии – А.А.Ильюхов. Он заметил, что тезис об английском следе в февральско-мартовских событиях ошибочен, поскольку англичанам как союзникам в войне не надо было дестабилизировать Россию¹.

Трудно сказать, чего здесь больше – наивности, незнания реальных фактов

или недостаточного их осмысления. Тезис о том, что поскольку Россия – союзник британцев, то они не заинтересованы в ее дестабилизации, типологически напоминает мне рассуждения, услышанные мною от одного деревенского дедка.

Говорил он (это был 1981 г.) следующее: «Рейган – артист, поэтому он с нами (СССР) сосуществовать не будет, артисты – мирные люди».

Ну а если серьезно, то посмотрим на военную ситуацию в декабре 1916 – январе 1917 г.

* В настоящее время – директор Центра США и Европы Института Брукингса, до этого – руководитель секции по России и Евразии в Национальном Совете по разведке США.

Союзникам было ясно: Германия истощена, война выиграна, даже если она продлится еще год, Германия перешла к стратегической обороне, русские планируют Босфорскую операцию на март-апрель 1917 г., и тогда взятие ими Константинополя, контроль над проливами и свободный выход в Средиземное море станет *fait accompli*, т.е. Россия силой подкрепит и так обещанное союзниками, прежде всего британцами, и этого уже не отыграть. Но – не отыграть, если Россия останется среди победителей, если не ослабеет резко или вообще не развалится, перестав быть организованной геополитической целостностью.

В 1934 г. канцлер Венгрии граф Иштван Бетлеи заявил: «Если бы Россия в 1917 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги».

Возможно, дунайские страны и не стали бы областями России, а лишь превратились бы в зону ее влияния, как это произошло после в результате Второй мировой войны, – и этого вполне достаточно. Главное в другом – в выходе России в Средиземноморье и Центрально-Восточную Европу. Напомню, что именно ради недопущения этого британцы затеяли Крымскую войну, а для того чтобы не было русского щита на вратах Царьграда впопыхах организовали в апреле 1915 г. и Галлиполийскую операцию по захвату Дарданелл и Стамбула – лишь бы не пустить туда русских. Сорвалось, – операция, организованная Черчиллем, провалилась.

В 1917 г. возникла реальная угроза не только восстановления геополитических позиций России в духе времен Ни-

колая I, но и существенного усиления их. Ясно, что допустить этого британцы не могли. Ну а в условиях грядущей победы и возможного вступления в войну США (и в любом случае при наличии помощи с их стороны) такой потребности в России, как в 1914–1915 гг., уже не было.

Отсюда задача: вычеркнуть Россию из числа победителей. Сделать это можно было единственным способом – резким ослаблением или даже разрушением России, что существенно ослабляло позицию России по отношению к союзникам. Ну а если к власти в России некие силы приходили при помощи союзников, прежде всего британцев, то поддержки этого прихода было достаточно в качестве платы за участие России в войне, в качестве средства геополитического размена уже без всяких территориальных призов – *tout simplement*. Ну а дальше возможны манипуляции новичками от власти. Так оно и вышло.

Разумеется, без наличия внутренних сил, готовых к дворцовому перевороту (который и открыл «кладезь бездны») – высшего генералитета, руководства кадетов и октябристов, части буржуазии и даже части царской семьи, – все это было бы невозможно. Но мы в данном случае говорим о наличии британского интереса в дестабилизации России; он не только мог, но должен был быть – и был.

Союзники поощряли заговорщиков – об этом немало свидетельств.

И В.И. Ленин был абсолютно прав, написав: «Весь ход февральско-мартовской революции показывает, что английское и французское посольства с их агентами и «связями»... непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова».

Не нравится Ленин? Не верите ему? Ну что же, послушаем генерала Жане-

на – главу французской военной миссии в Петрограде.

Генерал рассказывал, как ему докладывали о том, что британские агенты платили солдатам запасного Павловского полка (Павловский полк, конечно, не Волынский, где служил фельдфебель Кирпичников, но свою роль в событиях он сыграл, и весьма немалую) по 25 руб. только за то, чтобы они не покидали казарм и отказывались подчиняться офицерам.

Это столько, сколько в конце XIX в. в Петербурге брали за ночь высокочеловеческие шлюхи; разумеется, к 1917 г. рубль просел, но 25 руб. все равно оставались деньгами.

Наконец, последнее по счету, но далеко не последнее по значению соображение – очень простое. Неужели можно помыслить, что серьезный, хорошо продуманный и осуществленный в несколько этапов в течение 10 дней (23 февраля – 4 марта) во время войны заговор был возможен без одобрения и поддержки союзников, прежде всего британцев?! Это просто невозможно.

Показательно, что человек, сыгравший решающую роль в заговоре и дальнейшей дестабилизации России – А.Ф.Керенский – в октябре 1917 г. будет вывезен именно на специально присланном крейсере «Генерал Об» британцами и именно в Лондоне окончит свои дни, чуть-чуть не дотянув до 90-летия. Ему повезет меньше, чем другому разрушителю России/СССР Горбачеву; этому плохищу буржуины отметят 80-летие, причем тоже в Лондоне – в городе, куда он ездил на смотрины западной верхушки перед тем, как занять кресло генсека (ведь сказала впоследствии М.Тэтчер: «Это мы сделали Горбачева генсеком»).

Во время кризисов (смут, революций), т.е. во время разбалансировки, система приобретает характер открытый или как минимум полуоткрытый (впрочем, и этого достаточно, поскольку в

кризисных ситуациях первой рушится подсистема защиты – безопасность, ведь именно в ней сконцентрированы все слабости и пороки системы, а следовательно, и их персонификаторы). В системе, открытой иным, в том числе и более крупным, системам, в условиях кризиса возникают хаотические колебательные процессы, которые невозможно объяснить только внутренними регулярностями: резко увеличивается мощь внешних воздействий, которые, если речь идет о кризисе социальных систем, могут быть результатом целенаправленной деятельности внешних сил.

Строго говоря, в открытой слабобалансированной системе различие факторов внутренних и внешних (равно как каузальности – случайной и необходимой) стирается или становится всего лишь пунктирным. В таких ситуациях субъектный фактор может доминировать над системными (не путать с субъективными и объективными факторами: субъектный и системный факторы в равной степени объективны), а наилучшие шансы в борьбе, как правило, имеют «внутренние» Властелины Хаоса с хорошей «внешней» подпиткой, если не поддержкой.

Повторю, жаль, что в дискуссиях о смуте и революции в России не был масштабно затронут вопрос о роли внешнего фактора, как в сфере тайной политики, т.е. формирования тайных союзов бояр/чиновников/номенклатуры с западными государствами, наднациональными структурами и капиталом, прежде всего финансовым, так и прямой интервенции.

Все русские смуты включали интервенцию: первая и вторая – военную, последняя – финансово-информационную, с помощью которой советский сегмент глобальной корпоратократии и разрушил СССР. Но это была интервенция в новой форме, поскольку решающие способы разрушения социальных систем и

государств в конце XX в. приобрели финансово-экономический и информационно-психологический характер.

Действие этих сил и факторов продолжается до сих пор, то затихая, то уси-

ливаясь и таким образом работая на продолжение смуты, на перевод ее в русло развала теперь уже Российской Федерации. Собственно, А.И.Селиванов назвал эти силы.

Интервенция 90-х годов: правовая, партийно-политическая, идеологическая

Интервенция может быть не только военной или финансово-информационной, но и правовой, причем с весьма тяжелыми последствиями. Этот вопрос затрагивает С.В.Ткаченко, демонстрируя, сколь разрушительным для государственно-правовой системы страны, а следовательно, дестабилизирующим власть, может быть внедрение чуждой правовой системы.

Он отмечает, что в 90-е годы у нас объем заимствований из западного права приобрел такие масштабы, которых еще никогда до этого не было, и это привело к столь разрушительному характеру для российского правосознания. Перенос западного права Ткаченко называет самой настоящей юридической эпидемией.

Нынешняя правовая система, пишет он, «в принципе не отвечает интересам большинства российского населения, отлучив его от реального участия в политической и экономической жизни страны»¹.

Так для того и переносилось западное право, добавлю я, чтобы отсечь бульшую часть населения от «общественного пирога», – и отсекли, причем во всем бывшем европейском социлагере.

Если в 1989 г. в Восточной Европе, включая Европейскую часть СССР, за чертой бедности жили всего 14 млн чел., то в 1996 г., всего за одну пятилетку ельцинщины, эта цифра выросла до 168 млн!

Результатом переноса западного права стало, считает Ткаченко, закрепление Конституцией РФ создания своеобраз-

ных политико-правовых уродцев, состоящих из разноплановых по своему характеру «иностраннных правовых институтов, плохо подогнанных друг к другу, не приспособленных к российским условиям и способных отрицательно влиять на возможный процесс модернизации государства и общества в целом.

Так, при построении «правового государства» государственной властью создан западно-русский правовой гибрид «президентская монархия», который характеризуется феноменом «передачи власти». К настоящему времени стало очевидно, что институт не дал положительных результатов для укрепления государственности. Конечно, он вполне справился и продолжает справляться со своей основной задачей – окончательное закрепление власти за определенной политической силой, что, в принципе, и являлось основной задачей правовых реформ 90-х годов»¹.

Современная государственно-правовая система, заключает Ткаченко, работает только в пользу правящей элиты, но не в пользу российского общества в целом, т.е. противоречит национальным интересам России.

Если С.В.Ткаченко считает чуждыми русской реальности и вредными для нее заимствованные с Запада правовые нормы, то С.Ю.Разин аналогичным образом оценивает партии, формально скроенные по западному образцу, и сам феномен многопартийности⁶.

Многопартийность и партогенез в истории России Разин прочно увязывает с ее кризисным ритмом: «Российскую многопартийность следу-

ет рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее (многопартийности. – Авт.) существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX в. она сыграла разрушительную роль политической и идеологической антисистемы, которая отнюдь не являлась олицетворением так называемых альтернатив развития социума, а воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век исторической формы российского имперства»¹.

Разин цитирует мысль Булдакова о том, что российская многопартийность – воплощение доктринальной шизофрении интеллигенции, а не национального целого; но это воплощение способно провоцировать смуту.

И вывод Разина, с которым не могу не согласиться: «Возрождение Империи в ее новой форме... неминуемо приведет к ликвидации аморфной отечественной многопартийности»¹.

Иными словами, многопартийность в российском социуме есть мера его кризиса, «смутности» и властного регресса. Это – внешний и чуждый по отношению к культурно-исторической сути России феномен, а точнее – эпифеномен.

По справедливому мнению П.П.Марчени, аналогичными качествами внешности и чуждости характеризуются вестернизированные либерально-демократические идеологемы: они являются внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания населения России¹, и оно отвергает их как чуждые. Главный урок смут Марченя видит в том, что они ясно показывают, какой **не** должна быть власть, демонстрируют народный негативизм по отношению к чужой и чуждой власти¹.

Воспоминания о будущем, или Что день грядущий готовит строю «наемных менеджеров»?

Возникает вопрос о будущем режима «западных прагматичных менеджеров», или менеджеров, как говорят у нас.

Во время первой смуты русские отвергли антидержавные прозападные действия элит, а во второй снесли романовскую империю, а затем либерально-демократические декорации и их персонификатора – Временное правительство, этого «самозванца, коллективного Лжедмитрия», а большевики лишь инструментализировали стихию масс¹.

Исходя из такого подхода, Марченя убедительно аргументирует тезис о том, что русский бунт – беспощадный, но вовсе не бессмысленный, а смута – это не inferнальная череда, которую иные стараются объяснить эпилептоидностью и психопатологичностью *Homo rossicus'a*. Все это вполне рационально и функционально вписывается в имперский контекст.

Смуты в интерпретации Марчени суть периоды своеобразной «переоценки ценностей» в имперской истории; эта переоценка связана с обновлением комплекса идеологем,¹ сначала разрывом, а затем восстановлением единства между Народом и Властью. Разумеется, если эта Власть и ее идеологемы не чужды и не враждебны народу, а воспринимаются им как свои, в данном случае – имперские.

Марченя считает неслучайным воспроизводство в 30-е годы XX в. имперской по сути модели единения власти и народа, поскольку эта модель соответствует национальным и цивилизационным кодам. А вот западные прагматичные менеджеры, пишет он, это не стиль исторической русской власти, и они никогда не будут привлекательны для народа, чающего Воли и Идеи.

Этим вопросом задается В.Д.Соловей в выступлении на круглом столе⁷ и в обобщающей статье «Есть ли будущее у русской революции», которая идет сле-

дом за статьей Б.Ф.Славина «Революция не завершилась».

– Он выделяет пять условий революции:

- финансовый кризис;
- делегитимацию государства;
- раскол в элите;
- массовую мобилизацию;
- связь революционной мобилизации общества с элитой, т.е. с выступлениями элиты против режима.

Этих условий в реальности, какой она была в России в 2009 г., Соловей не находит и заключает: фундаментальные структурные факторы революции отсутствуют, что не отменяет возможности масштабного государственного кризиса¹, вероятность которого повышается в случае экономического кризиса.

Кризисные явления в экономике, считает В.Д.Соловей, и так поставили под сомнения обе стороны дуалистического режима В.В.Путина, который к обездоленным обращен патерналистской риторикой, а глазам преуспевающих предстает как менеджер миллионеров¹.

Однако и это, по мнению Соловья, не подталкивает Россию к революции, поскольку общество в витальном плане слабее элиты: если царская и позднесоветская элиты были слишком старомодны и размягчены по сравнению с обществом, то постсоветская элита является более современной, более динамичной и жесткой, чем общество.

Внешне точка зрения В.Д.Соловья кажется верной. Однако есть нюансы и детали.

Во-первых, его оценка носит импрессионистский характер – никто еще не изобрел измеритель витальности; к тому же витальность – штука непостоянная: сегодня она больше, завтра меньше.

Казавшееся спокойным в середине 80-х годов XVIII в. французское общество в 1789 г. вспыхнуло так, что мало не показалось. Кроме того, для революции

вовсе не надо, чтобы все общество было витальным, достаточно ударных социальных групп, которые, кстати, в условиях кризиса могут возникать стремительно.

Весной 1917 г. над ленинским «есть такая партия» смеялись, а осенью уже было не до смеха.

Я уже не говорю о том, что кабинетно-интеллигентские представления о состоянии общества, особенно по части его витальности, весьма нередко ошибочны, поскольку абсолютизируют состояние определенного социального слоя и переносят его на группы с иной социальной (и даже биосоциальной) природой.

Во-вторых, конкретные исследования не подтверждают тезис Соловья.

Как показало исследование UBS AG (крупный международный швейцарский банк) и Campden Media, 90% предпринимателей России, оборот компаний которых составляет более 100 млн долл., не планируют передачу своего бизнеса своим детям.

В 2009 г. 84% респондентов видели перспективы развития бизнеса, в 2011 г. – только 40%.

Я согласен с теми аналитиками, которые видят в этом разрушение механизмов наследия материальных благ и статуса в крупном российском бизнесе и утрату более чем половиной его представителей перспектив развития. Это – со стороны элиты.

А теперь со стороны населения. Согласно докладу «20 лет реформ глазами россиян» (Институт социологии РАН), 34% жителей России (и 60% жителей Москвы) **постоянно** испытывают желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов, а еще 38% жителей РФ **иногда** имеют желание перестрелять указанных гадов.

70% русских и 60% нерусских испытывают неприязнь к людям других национальностей, а 40% одобрили бы насильственное выселение представителей других национальностей.

Разумеется, намерение еще не означает дело, но история, особенно русская,

показывает, что подобные намерения в определенной ситуации быстро и легко превращаются в конкретные действия, и весьма витальные.

Наконец последнее.

Витальность первого поколения элиты России не означает автоматически витальности второго. К тому же здесь мы видим немало признаков вырождения – психопатологии, ацефалии и дегенеративизма. А с другой стороны, есть такая незлитарная витальная часть населения, как криминалитет. Я согласен с точкой зрения тех аналитиков, которые считают, что в стране бизнес-верхушка обладает слабой волей к сопротивлению и имеет плохие перспективы социального воспроизводства перед лицом значительной части населения, готовой к насилию над ней, к экспроприации. Кстати, такой вариант совпадает с одним из мировых трендов – конфискацией «молодых» денег. Так что с витальностью элиты и невитальным населением вопрос очень и очень спорный.

В-третьих, как показывает реальность, острая социальная борьба низов и верхов может развиваться в иных формах, чем революции, и в иных сферах.

В качестве иллюстрации могу привести фильмы «Бригада» и «Елена». Разумеется, те формы социального конфликта, которые мы в них увидели, далеки от революционности, а вот те формы субъектности, которые показаны там, при определенных обстоятельствах, элементарно оборачиваются витальностью (см. «Дубровского» Пушкина).

Витальная слабость общества, считает Соловей, есть отражение состояния демографического упадка русского этноса¹, сегодня у него нет той социобиологической основы, которую имела революция, большевистская модернизация и которая была ключевым ресурсом Великой Отечественной войны, а именно огромная масса людей в возрасте до 20 лет¹.

Такой подход вполне логично объясняет значительный процент в постсоветских верхах нерусских: евреев, выходцев с Кавказа и из Средней Азии. В любом случае перечисляемые Соловьев факторы – низкий энергетический уровень постсоветского общества, его плохая психическая форма, социальные патологии¹ – делают, по его мнению, революцию маловероятной.

Аналогичный прогноз дает А.И. Колганов: российское общество в его нынешнем состоянии может существовать еще 15–20–25 лет, и только приход нового поколения обострит конфликт⁸.

Думаю, Колганов – большой оптимист.

10 лет для нынешней России – это более чем оптимистичный прогноз, да и для мира в целом в его нынешнем состоянии; «кто не слеп, тот видит», как говаривал один крупный деятель нашей истории.

Кто не слеп, не может не видеть, что, по сути, уже проедено материальное наследие советской эпохи; кстати, все серьезные изменения происходили в русской истории тогда, когда проедалось наследие предыдущей эпохи – удельно-ордынской к 1565 г. (введение опричнины Ивана Грозного) и российско-имперской – к 1929 г. (начало сталинского «великого перелома»).

На сегодня исчерпана та экономическая модель, в рамках которой Россия существовала последнее десятилетие: цены на нефть растут, а доходы населения нет – социальные и коррупционные издержки налицо.

Куда ж нам плыть? Не ясно.

Но что плыть в прежнем режиме недолго, со всей ясностью продемонстрировали события декабря 2011 – февраля 2012 гг., как бы к ним ни относиться. Что же касается нового поколения, то оно уже пришло, будем надеяться, не как нечто неприличное из анекдота, заявив-

шее о себе скромно: не толстый, а полный – вот и пришел. Впрочем, эти темы выходят за рамки данной дискуссии.

Завершая, отмечу, что дискуссия была весьма интересной и умной, ее организаторов надо поблагодарить и поздравить, хотя не обошлось и без ложки дегтя. Ю.М.Антонян исполнил «песню русофобского гостя» в духе ненавистников России *a la* Бжезинский, политический спекулянт на исторические темы Янов и Новодворская в одном флаконе.

Антонян утверждает, что власть в России в 1917 г. «захватила орда варваров и преступников», «безграмотная клика», а «революция развязала силы зла». Ну а дальше хоть стой, хоть падай: «на долгие годы было остановлено экономическое развитие общества», «без интеллигенции страна скатилась в каменный век». «Каменный век» – это, по-видимому, об успехах СССР в 30-е годы и позднее.

Затем следует обвинение коммунистического режима, который, сотрудничая (*sic!*) с гитлеровским нацизмом, вернул страну в войну, к коей СССР не был готов. Этот пассаж порадует многих ненавистников России, которые стремятся возложить равную вину за развязывание Второй мировой войны на Третий рейх и СССР и приравнять фашизм к коммунизму; кстати, Антонян прямо говорит: коммунизм и фашизм – одно и то же¹.

По вопросу о неготовности СССР к войне можно рекомендовать Ю.М.Антоняну работы последнего десятилетия, в частности, «200 мифов о Великой Оте-

чественной войне» А.Б.Мартиросяна и целый ряд других работ последних лет. Поражения летних месяцев были связаны не с неготовностью, а совсем с другим. И еще вопрос: какая из европейских стран была готова к нападению Гитлера?

Большевизм, который Антонян ненавидит (обычно такой ненавистью пыщут либо бывшие члены КПСС, либо бывшие сексоты КГБ, но я, разумеется, ничего не утверждаю), объясняется им с точки зрения психоанализа и аналитической психологии – как прорыв инфантильного бессознательного, именуемого Тенью (почему не гаррипоттеровским Волдемортом или Завесой Мрака из толкиновского «Властелина колец»? Было бы круто).

Кроме большевизма виноваты у Антоняна народ и православие («идеология большевизма как нельзя более полно совпадала с идеологией русского православия»¹). Народ – что оказался не готов к свободе¹, а православие – своим сходством с большевизмом, а также тем, что в отличие от протестантизма, который, по-видимому, нравится Антоняну, не стимулирует частную инициативу, т.е. не ведет к капитализму.

Вот ведь православно-русское дурачье, не ведает о капиталистическом счастье, – жаль, не случился вовремя «мудрый» Антонян, не указал дорогу, не перестроил русское сознание. Ничего не поделаешь. А вот организаторы конференции поделаться могут: приглашать выступать только адекватных людей, способных аргументировать свою позицию и, самое главное, без теней в голове и без склонности к кликушеству.

В целом, повторю, дискуссия прошла на высоком научном уровне и представляется мне событием не только в научной, но и в общественной жизни. В ней четко зафиксирована гражданская, государственно-патриотическая позиция подавляющего большинства участников дискуссии, пытающихся дать ответы на главные вопросы русской истории. Хочу надеяться, что дискуссия, вызвавшая изложенные выше размышления – лишь начало большого разговора о русской истории и ее переломах. Это своевременный разговор, ведь «век вывихнут», и чтобы понять, как его

вправлять, надо осознать, почему и как он был вывихнут и что (или кого) для этого нужно вывихнуть.

Важно, чтобы мы сами дали ответ на важнейшие вопросы нашей истории, поскольку в последние два – два с половиной десятилетия различные добродетели извне и их шестерки у нас пытаются, превратив нас в цивилизацию-мишень, навязать нам такие ответы, из которых следует, что вся наша история – неправильная и все, что нам остается делать – это каяться, а покайся за то, что мы есть, бежать, задрать штаны, за Западом, который сам летит в пропасть.

Упаси Бог от билета на западный «Титаник», укрепи в самостоянии мысли и ясности видения.

В науке это достигается только с помощью правильной теории, помноженной на гражданско-патриотическую позицию и национальную гордость.

Иных вариантов нет.

Примечания

¹ Народ и власть в российской смуте: Сб. науч. ст. участников Междунар. круглого стола / под ред. П.П.Марченя и С.Ю.Разина. М.: ВВА им. Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина, 2010. Вып. 1 // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930>. С. 267, 48, 86, 289, 87, 144, 112, 253, 255, 138, 274, 279, 236, 237, 202, 197–198, 201–202, 200, 272, 267, 271, 268, 33, 38, 30.

² Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 2 // Власть. 2010. № 5. С. 13.

³ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 6 // Власть. 2010. № 9. С. 18.

⁴ Цит. по: Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 5 // Власть. 2010. № 8. С. 10.

⁵ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 292.

⁶ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 4 // Власть. 2010. № 7. С. 12.

⁷ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 1 // Власть. 2010. № 4. С. 16–17.

⁸ Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте». Ч. 3 // Власть. 2010. № 6. С. 14.

Философское осмысление принципа диссимметрии в вопросах о возникновении жизни

Владимир Некрасов
Мира Пляшкевич

Важнейшее направление в современной науке – это исследование биосферы и человека в ней как геометрического субстрата, заполненного и объединенного двумя формами энергии, обладающими свойствами левизны-правизны и диссимметрии.

Такие великие философы, как Кант и Гаусс также напрямую подходили к вопросам о левизне-правизне в пространстве. Луи Пастер, Пьер Кюри и В.И.Вернадский предполагали, что причиной возникновения диссимметрии в веществе является наличие подобного явления в окружающем пространстве.

История развития вопроса о геометрическом устройстве и диссимметрии биосферы

Рассматриваемая система мировоззрения создана на основе новых знаний о геометрии пространства биосферы Земли; о биосферной диссимметрии и ритмах ее изменения; о значении формы в любых энергетических взаимодействиях. Критерием истинности но-

вой концепции выступает соответствие ее положений реальности: не гипотетическим заключениям, а конкретному опыту. К точному эмпирическому знанию более близко не абстрактное представление о геометрии пространства и тел, а представление о геометрической

НЕКРАСОВ Владимир Алексеевич – доктор биологических наук, академик РАЕН, РАМТН, ЕваЕН, президент академии НП МАТЭЗ. E-mail: nekrasov2008@mail.ru

ПЛЯШКЕВИЧ Мира Леонардовна – медицинский физик, исследователь, руководитель направления, ученый секретарь НП МАТЭЗ. E-mail: miraleon@yandex.ru

Ключевые слова: диссимметрия, левизна-правизна, поле формы, Золотое сечение, биосферные патогенные зоны, левые и правые биологические типы, Концепция организации здоровой и безопасной жизни, В.И.Вернадский, Л.Пастер.

неоднородности реальности, которая порождается энергетической диссимметрией, обнаруживаемой в биосфере.

В начале XX в., выдвигая гипотезу о наличии в биосфере энергии левизны-правизны (о значении левизны-правизны в биосфере), В.И.Вернадский (1863–1945 гг.) писал: «В первой половине прошлого столетия, со времен Канта и Гаусса стало ясно, что правизна-левизна есть геометрическое свойство пространства. Ясно и другое. Она не может быть выведена из аксиом, на которых построена геометрия Эвклида, но должна быть, так или иначе, включена в аксиомы или постулаты. Геометрия не может дальше игнорировать это чисто геометрическое явление. Правизна-левизна не связана только с материальной средой. Она проявляется и в энергетических процессах, и в физическом реальном вакууме»¹.

Чтобы создать концептуально полную теорию организации пространства, необходимо практически обнаружить и описать новое, универсальное поле, способное объединить известные науке виды взаимодействий.

Философы и математики XVIII–XIX вв.: И.К.Кант и К.Ф.Гаусс в своих работах большое внимание уделяли геометрическому устройству пространства, заполненного энергией. Но путь геометризаци, начатый еще Р.Клиффордом и продолженный Д.Гильбертом, впоследствии поддержанный его учениками Г.Вейлем и А.Эйнштейном*, не учитывал важнейшего значения явлений левизны и правизны, так ярко проявляющихся в реальном мире; не учитывал явления диссимметрии как основной движущей силы, характерной для мира живой материи; не учитывал первостепенного значения самой геометриче-

ской формы как источника особого поля. Это послужило причиной того, что всевозможные абстрактные физико-математические теории оказались далеки от мира живой материи, а значит, от реальной природы.

Краеугольные камни будущего научного знания о геометрии пространства; левизне и правизне, первичном значении геометрической формы были заложены Л.Пастером и П.Кюри³.

Именно эти ученые открыли для науки новые пути изучения свойств форм и пространства, особенностей распределения форм в биосфере, которые, как мы можем сегодня убедиться, оказались подчинены единому геометрическому закону.

Л.Пастер стал первым ученым, который экспериментально обнаружил, описал и дал название явлению **«диссимметрия»**.

Это явление было открыто как уникальное неравновесие левых и правых форм молекул в живом веществе.

В.И.Вернадский писал об этом так: «С половины XIX века, почти до конца его, Л.Пастер был почти одиноким мыслителем, который понял космическое значение диссимметрии и основное проявление левизны-правизны в живых организмах, в строении химических соединений протоплазмы»⁴.

В целом к 20-м годам прошедшего столетия была подготовлена определенная научная платформа для создания единой геометризованной теории поля, которая способна объединить все четыре вида взаимодействий и мир живой материи. Но понятие диссимметрии, введенное Л.Пастером, не заняло своего места в системе научного знания прошедших столетий.

Следующим за Л.Пастером ученым, поднявшим тему диссимметрии в веще-

* А.Эйнштейн посвятил проблеме геометризации физики около 30 последних лет жизни².

стве и поле, был П.Кюри, который сформулировал ее основные свойства и *принцип диссимметрии*.

Кроме Канта и Гаусса, Пастера и Кюри философом, изучавшим вопросы явления левизны-правизны и диссимметрии в энергетическом устройстве и геометрии пространства, был великий мыслитель XX в. В.И.Вернадский. Это один из немногих ученых-естествоиспытателей, обладавший философски целостным взглядом на совокупность явлений микро- и макромасштаба, который рассматривал жизнь в биосфере как космическое явление.

К вопросу о значении геометрии формы живого вещества в первой половине XX в. близко подошел известный российский ученый-биофизик А.Г.Гурвич. Этот вопрос он широко раскрывает в монографиях⁵⁻⁷.

А.Г.Гурвич стал настоящим революционером в биологии. Именно он в 1912 г. впервые ввел в биологию понятие «поле», сделав попытку синтеза научного знания, внедрив в нее понятия и методы, используемые в физике. Он понимал биологическое поле как «единый фактор, определяющий направленность и упорядоченность биологических процессов»⁷.

А.Г.Гурвич доказал, что функцию клетки в первую очередь, определяет ее геометрическая форма. При этом значению электромагнитного поля он отводил вторичную роль. Придавая решающее значение самой направленности тех или иных процессов в живом веществе, он тем не менее не разделял в поле клетки строго явления левизны-правизны и диссимметрии.

Самое важное положение, к которому он пришел в теории биологического поля, состоит именно в том, что существуют особые стерические условия *какого-то решающего для локализации внешнего фактора*.

В своей последней монографии «Принципы аналитической биологии и

теории клеточных полей» он отмечал, что: «Основным понятием биологии является, вполне естественно, форма, т.е. закономерность чисто пространственных параметров живых систем»⁷.

Дав биологическому полю геометрическую трактовку, А. Г. Гурвич определил его значение как универсального биологического принципа.

Идея о направленности, или «векторности», присущей всем формам живых организмов, о которой также писал и В.И.Вернадский, в работах А.Г.Гурвича выражается так: «В каждой точке пространства внутри или в ближайшем окружении живой системы существует поле, охарактеризованное вектором, являющимся результатом геометрического сложения векторов индивидуальных клеточных полей»⁸.

К сожалению, со времен В.И.Вернадского и А.Г.Гурвича в научной философии немногие авторы уделяли внимание вопросам геометрии биологического пространства и наличия в нем определенной направленности, или векторности. В узкой специализации науки XX в. был утрачен целостный системный подход в изучении свойств биосферы Земли. Учеными не учитывались особенные взаимосвязи и общие закономерности в организации молекул и клеток живого вещества в связи с геометрическими свойствами их биологического пространства, которые напрямую определяются свойствами окружающей среды.

Л.Пастер, обнаруживший молекулярную диссимметрию, признавал возможность разного состояния биологического пространства, заполненного живым веществом.

Что стоит понимать сегодня под «левым» и «правым» пространством по В.И.Вернадскому? Мы привыкли понимать пространство как совокупность материальных форм в виде элементарных частиц или же в виде волновых функций и других абстрактных моделей. Приня-

то считать, что поля порождаются частотами (независимо от того, обладают они массой или нет).

Предлагается рассмотреть совершенно иную модель поля и новый вид взаимодействий, открытый В.А.Некрасовым. Обнаруженные в пространстве биосферы силы и энергетические проявления, связанные с левизной и правизной, привели автора открытия к построению **теории поля формы**, в которой материальная субстанция не первична, а первична сама геометрия пространства.

Как считает В.А.Некрасов, в рамках новой теории стало возможным объединение четырех фундаментальных взаимодействий в одном едином поле геометрической формы.

Найденные свойства нового поля говорят о том, что это поле несет в себе

упорядоченную энергию, связанную с явлениями левизны-правизны и диссимметрии. Возвращаясь к миру живой материи, в котором непременно должно быть явление диссимметрии, мы обнаруживаем, что для поддержания формы живого объекта необходима энергия, источником которой служит геометрическая форма, обладающая соответствующей энергетической диссимметрией. Условимся называть эту энергию **энергетическим питанием**.

В настоящее время разрабатывается концепция, позволяющая осмыслить феномен происхождения жизни и биологического пространства на планете Земля с учетом взаимодействий и эволюции полей, главная характеристика которых – левизна-правизна и диссимметрия.

Гармоничное пространство и биосферные патогенные зоны

В XVIII–XIX вв. такими великими математиками, как К.Гаусс, Н.И.Лобачевский и Г.Риман, широко разрабатывались вопросы, которые можно свести к основному: «какая именно геометрия описывает реальное физическое пространство?»

По этому поводу В.И.Вернадский писал: «Мы знаем, что геометрия Евклида и Лобачевского – две из бесчисленного множества возможных. Они распадаются на три типа (Евклида, Лобачевского и Римана), и в настоящее время идет разработка общей геометрии, всех их охватывающей»⁴.

Сегодня, говоря о геометрии пространства биосферы Земли, необходимо понимать наличие в нем строгой энергетической геометрической структуры. Это пространство частично занято телами живых организмов, частично – объектами неживой природы, но повсюду заполнено различными полями формы, обладающими такими свойствами, как энергия левизны-правизны и диссимметрия⁹. Пространство, занятое жи-

вым организмом с характерным для него полем формы, следует называть *биологическое пространство (особое состояние пространства)* по Кюри).

Полярность собственных векторов, характеризующих клеточные и полевые «геометрические структуры» живых организмов, задается их собственной молекулярной диссимметрией, которая, в свою очередь, еще на этапе зарождения задается величиной и направлением энергетической диссимметрии в пространстве биосферы. Можно графически представить закон распределения биосферной диссимметрии, названный **«Поле Формы Земли»** (ПФЗ), а также закон распределения левых и правых биологических типов людей по земному шару.

Некоторые свойства Поля Формы Земли проявляются в следующем:

- энергетические процессы в любом виде материи стремятся проявлять левовинтовую или правовинтовую направленность в зависимости от места их прохождения в биосфере;

– в пространстве биосферы присутствует энергетическая диссимметрия, проявляющаяся затем в веществе в виде молекулярной диссимметрии;

– молекулярная и энергетическая диссимметрии распределены в пространстве биосферы по строгому геометрическому закону, они являются основными параметрами ПФЗ и любого биологического пространства;

– структуру ПФЗ составляют ячейки с размерами, зависящими от широты и высоты местности, в которых всегда присутствует энергетическая диссимметрия левого или правого знака и в которых соблюдаются соразмерности, связанные с пропорциями Золотого сечения (например, $5/3$; $8/5$; $13/8$ и т. д.)⁸.

Закон распределения в биосфере Земли энергетической диссимметрии обусловил строение и развитие живого вещества на всех уровнях организации материи в период возникновения жизни на планете во всем разнообразии ее *левых и правых форм*.

Поле Формы Земли – необходимое условие возникновения и поддержания жизни на планете.

Еще в глубокой древности человечеством было замечено, что все живое на планете стремится существовать в рамках Золотого сечения и связанных с ним пропорций.

Например, соразмерности Золотого сечения или связанного с ним ряда Фибоначчи проявляются в организме человека на всех уровнях организации и функционирования всех систем, включая геометрию молекул и клеток; пропорции жидкостей; динамику работы сердца; биоритмы мозга¹⁰. Любой живой организм стремится создать такую морфологическую оболочку, которая гармонично бы взаимодействовала с окружающими ее полями формы.

Проведенные исследования в местах раскопок древних культур на территории Египта, Греции, Турции и Болгарии пока-

зывают, что строители со времен XVI–XIV вв. до н.э. оставили нам важные артефакты. В частности, основания зданий (фундаменты) строго привязаны к ячейистой структуре ПФЗ, в которой соблюдаются пропорции Золотого сечения. Следует предположить, что в строительстве жилищ и других объектов древние люди преднамеренно использовали эти знания в целях создания гармонии с геометрией окружающего пространства^{9–11}.

Явления левизны-правизны и диссимметрии в структурах ПФЗ, обнаруживаемые как на вещественном, так и на энергетическом уровнях, обладают геометрическими характеристиками, связанными с соразмерностями золотого сечения, и эта геометрия является основой существующего миропорядка. Геометрия Космоса организует пространство, проявляясь и во всем живом, отображая единство Мира.

В пространстве биосферы Земли В.А.Некрасовым обнаружено, что кроме полей формы, геометрия которых соответствует пропорциям Золотого сечения, находятся участки, в которых эти пропорции нарушены. Эти места представляют собой конусообразные лучи (зоны), проходящие через биосферу сверху вниз к поверхности Земли и проникающие в грунт на глубину до 50–60 и более метров. В пространстве, занятом этими зонами, нарушен гармоничный закон; отсутствует диссимметрия и ярко выражена полярность: левая или правая. Понятно, что в таких местах все живое лишено необходимого энергетического питания, в результате чего угнетаются жизненные функции организмов^{9–11}. Такое пространство биосферы является для человека патогенным (вызывающим болезнь).

Любое «здоровое» пространство можно искусственно сделать «больным», внося в него источник патогенного поля формы. Наиболее ярким тому примером может служить интегральная микросхе-

ма мобильного телефона, которая пере-страивает «здоровое» пространство вокруг себя в «болезнь». Именно этот эффект приводит к нарушению физиологических процессов в живом организме, итогом чего является его ускоренное старение и болезнь. Пространство биосферы, в котором соблюдается Золотая пропорция, является для человека здоровым,

Диссимметрия в пространстве биосферы и ее принцип во Вселенной

В конце XIX в. П.Кюри выдвинул принцип, который гласит: «В основе всякого явления, обладающего диссимметрией, должна лежать причина с такой же подобной диссимметрией»¹².

Обнаружено, что структура ПФЗ связана прежде всего с явлением *энергетической диссимметрии*.

Явление энергетической диссимметрии доказывает, что диссимметрия живого вещества в его биологическом пространстве, знак ее направленности (правый или левый) и ее величина предопределяются геометрией пространства биосферы. Молекулярная диссимметрия в живом организме – вторичное явление. В свою очередь молекулярная диссимметрия порождает энергетическую диссимметрию собственного биологического пространства.

Становится ясно, что действующим началом в зарождении и существовании организма является энергетическая диссимметрия биосферы как фундаментальное явление природы.

Диссимметрия, безусловно, является источником и причиной всякого движения во вселенной, проникая во все явления любого пространства – от макромира до микромира. Принцип вселенской диссимметрии, порожденный двумя противоположностями: левизной и правизной, может стать основополагающей категорией новой философии, еще одним подтверждением дуальной поляр-

так как он сам построен по этому принципу.

Исследования в местах раскопок древних культур также показали, что люди в те времена не строили своих жилищ и других объектов в патогенных зонах и не прокладывали там дороги⁹. Данные участки получили название – **биосферные патогенные зоны**.

ности мира.

П.Кюри предугадал это свойство диссимметрии: «...диссимметрия порождает действие, если диссимметрии нет, то явление невозможно».

Именно благодаря диссимметрии появилась и высокоорганизованная материя в биосфере Земли, в которой энергетическая диссимметрия Космоса определяет все явления и ее свойства: от молекулярного состава до энергетических взаимодействий с пространством биосферы. Явление диссимметрии пронизывает всю Вселенную, поэтому принцип диссимметрии универсален в любой точке Космического пространства.

К сожалению, со времен В.И.Вернадского и практически до начала XXI в., в научном мировоззрении не фигурировал принцип диссимметрии, т.е. наука не принимала его во внимание. Кризис идей, постигший науку конца XX в., иллюстрирует прежде всего то, что она на протяжении долгих лет была отдалена от фундаментальной основы – философии, утратив свою направляющую силу, и стала несколько отдаленной от жизни, хотя в ней и присутствуют некоторые тенденции поиска новых путей развития. Со времени создания **теории поля формы** стало возможным глубже и всесторонне понять и изучить принцип диссимметрии, вывести его основные свойства.

Диссимметрия биологического пространства и ритмы ее изменения

Мы живем в биосфере Земли, законы устройства которой задаются геометрией космоса, отраженной в нашем организме в виде определенных форм: молекул, клеток, занимающих вместе со своим полем формы некое биологическое пространство. Теория поля формы дает ключи к пониманию механизма устройства биологического пространства, свойства которого напрямую определяются диссимметрией биосферы. Неравенство левых и правых явлений в организме проявляется и на уровне конституции самого организма, и на уровне клеток, молекул, структур двойных спиралей ДНК.

Спиральный характер структуры молекулы ДНК влияет на создаваемое ею поле геометрической формы, которое будет иметь подобную спиральную геометрическую характеристику. В каждой точке биологического пространства, создаваемого молекулами и клетками организма, образуется своя собственная энергетическая диссимметрия, которая будет складываться согласно принципу суперпозиции, а весь организм унаследует суммарный вектор, выраженный в конкретном знаке и величине диссимметрии.

В порожденных этими формами полях, в сумме создающих *биогеометрическое поле* целого организма, отражается левизна и правизна, заложенная в энергетической диссимметрии первичных полей формы. Преобладание левых или правых сил во время формирования структуры живого организма приводит к тому, что все развивающиеся подструктуры способны избирать направление роста: правое или левое. То есть левый или правый знак энергетической диссимметрии в биосфере в месте формирования эмбриона определяет зарождение *левого или правого биологическо-*

го типа организма.

В естественных науках мы привыкли наблюдать компактные формы записей: периодическая таблица химических элементов; выражения и неравенства, заключенные в формулы. Биология – исключение. С каждым годом мы обнаруживаем все новые и новые формы жизни, при этом классификация носит в основном описательный характер. Можно сказать, что явление диссимметрии, обнаруживаемое во всех живых системах, в их биологическом пространстве, должно послужить основой для записи искомого алгоритма классификаций живого вещества, так как явление диссимметрии характерно для всего живого, объединенного этим уникальным свойством.

В 1979 г. В.В.Налимов писал: «Теоретическая биология становится не блagим пожеланием, а насущной необходимостью. Наука о живом оказалась в таком состоянии, когда вдруг открылась взору мера нашего незнания в узкой, но существенной области»¹³.

Как развивалась биология в XX в.? Перенос физических и математических категорий в мир живого вещества не упростил описание процессов или предсказание возможных событий, а, напротив, увел на 100 лет в сторону с пути, который начал прокладывать еще Л.Пастер. Значение диссимметрии и ее морфологический характер были восприняты лишь незначительным количеством ученых. И сегодня очень важно для биологии, что этот путь Л.Пастер начал биологическим экспериментом, а не гипотетическими построениями.

В середине XX в. биофизики вновь вспомнили о левизне и правизне в живых организмах.

Здесь необходимо отметить работы В.А.Кизеля¹⁴. В книге «Физические при-

чины диссимметрии живых систем» он, ссылаясь на опыты Л.Пастера и П.Кюри, предпринял попытку анализа возможных механизмов возникновения и поддержания диссимметрии в живом веществе, начиная с молекулы и кончая живой системой в целом.

В.А.Кизель, рассматривая свойства диссимметрии, сформулированные еще П.Кюри, главное из которых звучит так: «...диссимметрия в веществе возникает в результате наложения двух различных полей», делает полный анализ со всеми известными в XX в. полями и взаимодействиями. Не получив убедительного объяснения механизма диссимметрии в рамках признанных полевых теорий и не отдавая предпочтение ни одной из них, он оставляет этот вопрос открытым.

Открытие автора статьи, касающееся нового вида взаимодействия и его основного свойства – энергетической диссимметрии, сегодня можно заложить в фундамент теоретической биологии. Теория поля геометрической формы способна раскрыть механизмы формирования живой и неживой материи; объединить влияние левых и правых сил в их диссимметричном соотношении на формирование спиральных форм, наблюдающихся повсюду – от галактик до зародышей растений и животных, до их структур ДНК.

Диссимметрию среды, либо косной, либо биологической, мы распознаем благодаря *оптической активности вещества*.

Оптическая активность есть частное проявление свойства гиротропии, что, в свою очередь, является проявлением пространственной дисперсии, т. е. нелокальности физических связей в системе. В изотропных средах гиротропия проявляется во вращении плоскости поляризации света, проходящего через среду¹⁴. Для появления гиротропии, как мы теперь понимаем, необходимо наличие

определенной энергетической диссимметрии. Можно показать, что для живых сред способность вращать плоскость поляризации света, т.е. оптическая активность, порожденная диссимметрией, ответственна за возникновение «коллективных эффектов», значение которых так важно для теоретической биологии.

Таким образом, ценное свойство биологических систем – способность к кооперативному изменению свойств – существует как раз благодаря коллективным эффектам, которые ранее без учета такого параметра, как диссимметрия, объяснялись только влиянием случайных факторов и маловероятных событий.

Это также доказывает, что появление организованных структур живой и развивающейся материи обязано характеристической морфологической диссимметрии как основного проявления поля геометрической формы.

До сих пор ни одна из теорий полей (до открытия поля геометрической формы) не могла объяснить наличие явлений левизны-правизны и диссимметрии в пространстве микро- и макрокосмоса. Наличие парных явлений, включая силы притяжения-отталкивания (например, гравитационное взаимодействие), можно объяснить влиянием энергии левизны-правизны и ее диссимметрии на взаимодействия макротел в масштабах Вселенной. Это также объясняет механизм образования спиральных макроструктур подобно тем же «коллективным эффектам», наблюдаемым в мире живой материи.

Во Вселенной существует энергетическая диссимметрия, образованная двумя взаимосвязанными силами: левизной и правизной, которые как две противоположности находятся в ритмической зависимости, постоянно изменяя свой знак и величину. Все процессы, происходящие во Вселенной, в каждое мгновение времени подчинены и напря-

мую связаны с ритмами изменения энергетической диссимметрии, поэтому невозможно дать исчерпывающее объяснение биологическим ритмам, если не связывать их с переменным значением энергетической диссимметрии в пространстве биосферы Земли⁹.

Все открытые автором ритмы изменения биосферной диссимметрии имеют синусоидальную форму, т.е. представляя собой гармонический процесс. Две

противоположные силы: энергия левизны и энергия правизны – поочередно увеличиваются и уменьшаются, сменяя друг друга и процессы, происходящие в биосфере и в Космическом пространстве.

В результате и левизна, и правизна находятся в неразрывном единстве как две противоположности одного целого и при этом всегда в неравновесном состоянии. Их диссимметрия порождает любое движение.

Заключение

Создание теории поля формы значительно расширяет наше представление о пространстве биосферы Земли и возможности построения единой картины Мира. С открытием этих знаний Вселенная представляется нам взаимосвязанной, развивающейся по единым законам на всю глубину от макро- до микромира. Единство энергетических условий *тонкополевого* взаимодействия для левой и правой жизни в биосфере Земли обуславливает единство и других видов взаимодействия в пространстве биосферы и во всем космосе^{9-11,15}.

Осмысление Вселенского принципа диссимметрии сегодня становится основой концепции мироздания и неизбежно должно стать достоянием большинства людей на планете. Овладение этими знаниями – путь к гармоничному существованию и здоровому долголетию.

На открытые В.А.Некрасовым законам в устройстве биосферы Земли построена новая концепция по организации здоровой и безопасной жизни¹².

Примечания

¹ Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М., 1994.

² Визгин В.П. Единые теории поля в первой трети XX века. М., 1985.

³ Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Химия и жизнь. 1986. № 12. С. 83–88.

⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991.

⁵ Гурвич А.Г. Теория биологического поля. М.: Советская наука, 1944.

⁶ Гурвич А.Г. Теория биологического клеточного поля. М.: Советская наука, 1947.

⁷ Гурвич А.Г. Принципы аналитической биологии и теории клеточных полей. М.: Наука, 1991.

⁸ Цит. по: Коробко В.И., Коробко Г.Н. Золотая пропорция и человек. М.: МАСВ, 2002.

⁹ Некрасов В.А. Поле формы, биосферные патогенные зоны и здоровье человека. М.: Тверь: Триада, 2009.

¹⁰ Некрасов В.А. Новые способы достижения здоровья и долголетия // Родная Ладога. 2011. № 4.

¹¹ Некрасов В.А. Жизнь на Земле. Сер. «Тайны природы и открытия века». М.: Тверь: Триада, 2004.

¹² Кюри П. Избранные труды. М.: Л.: Наука, 1966.

¹³ Налимов В.В. «Теоретическая биология? Ее все еще нет...» М., 1979.

¹⁴ Кизель В.А. Физические причины диссимметрии живых систем (Совр. пробл. физики). М.: Наука, 1985.

¹⁵ Некрасов В.А. Новая концепция организации здоровой жизни. Федеральный справочник. М.: ЗАО Родина-Про, 2009. № 22.

Евразийский союз: два проекта

Ольга Леонова

В первые два десятилетия XXI в. происходит уточнение контуров глобального мира и формирования его иерархии. Основными структурными уровнями такой иерархии выступают центры силы, претенденты на центры силы, экономические, политические, военные полюса, а также региональные державы.

Представлявшийся ранее единым и монолитным, глобальный мир на практике оказался дисперсным и фрагментированным.

Интеграционные процессы, интенсивно идущие на всех континентах, не стремятся к единому центру силы, а образуют собственные концентричные круги – крупные региональные системы, такие как Евросоюз, Азиатско-Тихоокеанский регион, Южный конус в Латинской Америке, Арабский мир (зона Персидского залива), две крупные системы складывающиеся в Африке, центрами которых становятся ЮАР и Нигерия, и т. д.

Страны мира встраиваются в формирующиеся макрорегиональные системы или создают собственные, становясь мощными региональными державами. Каждая крупная страна уже имеет или работает над созданием своего регионального проекта.

На постсоветском пространстве объективно есть все условия для формирования региональной системы, в том числе:

- потребности независимых республик в гарантии собственной безопасности и стабильности политических режимов;
- потребности в энергетическом сотрудничестве, развитии экономических связей, заключении преференциальных торговых соглашений, привлечение инвестиций со стороны регионального лидера.

ЛЕОНОВА Ольга Георгиевна – доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ им. М.В.Ломоносова, профессор факультета глобальных процессов МГУ. E-mail: politolga@gmail.com

Ключевые слова: глобальный мир, региональная система, Евразийский союз, проект.

Данные шаги ожидаются от страны, претендующей на лидерство в региональной системе, и в итоге способствуют упрочнению регионального единства и повышению его до уровня интеграционного сообщества.

Проект Евразийского союза имеет особо важное значение для дальнейшей судьбы России. Его реализация может стать основой формирования нового единого геополитического пространства и мощной региональной системы, объединяющей богатейшие ресурсы входящих в нее государств.

Впервые идея создать на пространстве СНГ «качественно новое интеграционное объединение – Евразийский союз государств» была озвучена в выступлении президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в МГУ им. М.В.Ломоносова (март 1994 г.)^{*}.

Проект Н.Назарбаева получил высокую оценку среди политической и интеллектуальной элиты России, но в то же время его практическая реализация в силу сложных внутривосточных процессов, происходящих в Российской Федерации, была отложена.

Данный евразийский проект президента Казахстана очень интересен по содержанию и имеет несомненные достоинства.

Во-первых, проект имел практическую направленность, в нем реально видна сложившаяся в то время ситуация на постсоветском пространстве и адекватно оцениваются реальные возможности и желание государств – потенциальных участников Евразийского союза участвовать в этом интеграционном объединении. Поэтому данная концепция получила название «практическое евразийство».

Во-вторых, проект не предполагал какой-то коренной ломки сложившейся системы, но имел «восстановительный» характер. Он мог помочь избежать или смягчить неизбежный после распада

СССР экономический кризис в постсоветских республиках.

В-третьих, концепция «практического евразийства» была сформулирована в условиях глобализации и с учетом дальнейшего развития глобализационных процессов. Это определило содержание проекта и усилило актуальность создания крупного регионального объединения. Назарбаевский евразийский проект разрешает внутренние противоречия, возникающие между объективным усилением глобальных взаимосвязей стран формирующегося многополярного мира и неизбежной его фрагментацией, в основе которой лежит создание крупных региональных систем.

В-четвертых, идея евразийства Н.Назарбаева имела явно выраженный цивилизационный аспект и делала акцент на общей идентичности стран региона. Принадлежность к евразийской цивилизации и евразийскому пространству, общий исторический путь развития, наличие общих культурно-исторических традиций рассматривалась как важный фактор объединения этих государств и народов.

В-пятых, Евразийский союз (ЕАС) – это фактически проект конфедеративного союза государств с единым экономическим, политическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным

^{*} Содержание проекта создания Евразийского союза (ЕАС) Н.Назарбаев изложил в своей книге «Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997»¹. В 1997 г. эта книга была издана в России Фондом содействия развитию социальных и политических наук и содержала 479 стр.

пространством. Предполагалось, что вначале в Союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могли присоединиться другие государства – Армения, Узбекистан, Украина и др.

В-шестых, был четко определен главный принцип реализации проекта – равноправное сотрудничество всех постсоветских стран для достижения поставленной цели. Отличительная черта проекта Н.Назарбаева состоит в том, что данная концепция основывается на равноправном участии в Евразийском союзе всех стран без выделения центра и периферии.

В-седьмых, концепция «практического евразийства» имеет четкую структуру и измерения, она в некотором отношении схожа с проектом Европейского союза, но учитывает реалии и специфические особенности именно постсоветского пространства.

План Н.Назарбаева предусматривал создание наднациональных органов управления ЕАС и имел три аспекта:

- экономический;
- военно-политический;
- культурно-гуманитарный.

В целом концепция «практического евразийства» отражала объективную логику развития постсоветского пространства на многие годы вперед и необходимость для постсоветских стран сохранить экономические, политические и культурные связи.

Назарбаев провидчески определил наиболее актуальный тренд развития постсоветского пространства. Он первый осознал роль ЕАС как мощного и эффективного механизма адаптации новых суверенных государств к процессам глобализации, гаранта их стабильного существования и условия их дальнейшего эффективного развития.

Данная концепция была разработана и представлена в 1994 г., но тогда осо-

бой заинтересованности у российского руководства она не вызвала.

С течением времени государства все более стали осознавать, что сотрудничество на постсоветском пространстве необходимо, что это веление времени и их адекватный ответ на вызовы глобализации. Поэтому концепция «практического евразийства» стала приобретать все большую актуальность.

Новый проект Евразийского союза был представлен в статье В.В.Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня»².

Интеграционный проект, назван автором статьи «исторической вехой.... для всех государств на постсоветском пространстве», и он должен логически перерасти в создание мощной макрорегиональной системы – Евразийского союза.

В статье четко определены этапы развития интеграции. Первым таким этапом является **Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана**.

Благодаря Таможенному союзу «мы делаем шаг к единому экономическому пространству. Создаем колоссальный рынок с более чем 165 млн потребителей, с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы», – пишет В.В.Путин.

Вторым этапам проекта является создание **Единого экономического пространства (ЕЭП)**.

На третьем этапе и, соответственно, более высоком уровне интеграции благодаря координации экономической и валютной политики, расширения круга участников Таможенного союза и Единого экономического пространства станет возможным создать **Евразийский экономический союз** как «полноценный экономический союз». Формирование Евразийского союза планируется за

счет постепенного слияния Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Данный интеграционный проект хотя и является инициативой российской политической элиты, в случае своей успешной реализации получит широкую поддержку как российского бизнеса, так и граждан страны. У него есть множество несомненных достоинств.

ЕЭП – Единое экономическое пространство – «будет базироваться на согласованных действиях в ключевых институциональных областях», в том числе макроэкономике, а это значит, что он не будет зависеть «от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры».

Это будет действенный стимул для повышения эффективности производства, снижения его издержек, модернизации экономики, совершенствования рыночных отношений, привлечения инвестиций.

Строительство Евразийского экономического союза, учитывая опыт Европейского союза и других региональных объединений, сможет избежать ошибок и развиваться более динамично.

Помимо экономических результатов создание Евразийского экономического союза принесет и весомые политические дивиденды всем его участникам. Пока еще достаточно рыхлое геополитическое постсоветское пространство выстроится в масштабную региональную систему с собственной геополитической осью: Белоруссия – Россия – Казахстан.

Предполагаемое создание надгосударственных структур отсылает к истории создания Европейского союза, который сегодня стал одним из центров силы глобального мира.

Реализация такого в хорошем смысле слова политически амбициозного проекта – создания Евразийского экономического союза как мощного наднаци-

онального объединения может привести к возникновению не только еще одного полюса многополярного мира. Суммирование ресурсов динамично развивающихся стран – его членов, дает реальную возможность такому наднациональному объединению стать новым центром силы глобального мира и одним из ведущих авторов сценария его развития.

Суммарная мощь Евразийского союза, состоящая из объединенных природных ресурсов, капиталов и человеческого потенциала, как считает В.В.Путин, позволит ему «быть конкурентоспособным», стать «ключевым игроком» наряду с такими «региональными структурами, как ЕС, США, Китай, АТЭС», активно участвовать в обеспечении устойчивости глобального развития.

Однако данный проект, к сожалению, не лишен некоторых неточностей и просчетов.

Во-первых, проект Евразийского союза на первом своем этапе будет сконцентрирован на «развитии торговых и производственных связей» участвующих в нем стран, прежде всего государств СНГ.

В статье выражается надежда, что это будет «привлекательный для граждан и бизнеса устойчивый и долгосрочный проект».

Однако, как показывает практика, российский бизнес ориентирован, в основном на Запад, туда же устремлен и вектор движения российского капитала. К сожалению, за последние годы ни в рамках ЕврАзЭС (странах СНГ), ни в рамках ШОС не удалось реализовать ни одного крупного многостороннего проекта, за исключением, может быть, нефте- и газопроводов.

Правда, происходящая в западных странах рецессия может означать со-

крашение деловой активности и падение объема торговли, в том числе и с Россией. Надеемся, что это объективно будет способствовать переключению интересов российского бизнеса на страны СНГ.

Во-вторых, ряд нерешенных институциональных проблем, в том числе проблема коррупции, ставит под сомнение возможный позитивный эффект данного огромного открытого рынка для бизнеса. По крайней мере, надежда на то, что «каждая из компаний наших стран в любом государстве – члене ЕЭП... будет пользоваться всеми преимуществами отечественного производителя, включая доступ к госзаказам и контрактам», при существующей масштабной коррупции является весьма призрачной.

В-третьих, из содержания статьи не совсем ясной является дальнейшая судьба СНГ.

В тексте говорится, что «было бы ошибкой противопоставлять Евразийский союз и Содружество Независимых Государств. У каждой из этих структур есть свое место и своя роль на постсоветском пространстве». Однако складывается впечатление дублирования многих функций этих двух организаций. Помня принцип «Боливар не вынесет двоих», можно с достаточной уверенностью прогнозировать, что одна из этих двух структур постепенно станет менее актуальной и превратится в аутсайдера интеграционных процессов. Поэтому необходимо разъяснение роли и места каждой из организаций в перспективном геополитическом проекте.

В-четвертых, в СНГ планируется запуск ряда привлекательных программ «в сфере энергетики, транспорта, высоких технологий» и т. д.

Однако Россия, пожалуй, опоздала с этими программами, а инициатива на пространстве Центральной Азии в этой

сфере уже принадлежит Китаю, который постепенно занимает место приоритетного экономического партнера этих центральноазиатских стран. Запоздали и программы гуманитарного сотрудничества в науке, культуре, образовании, взаимодействия в сфере регулирования рынков труда, создании цивилизованной среды для трудовой миграции. И если проблемы миграции сегодня оказались в центре внимания власти и входили в предвыборную программу большинства кандидатов в президенты России на выборах (март 2012 г.), то остальные сферы гуманитарного сотрудничества нуждаются в срочной активизации и повышении эффективности, так как иначе идущая стремительными темпами дерусификация в ряде стран СНГ сделает все эти гуманитарные программы не востребоваемыми.

В-пятых, заявление в рассматриваемой статье о том, что «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов», может сыграть роль антистимула для центральноазиатских стран, чья стабильность гарантирована авторитарными режимами, а идеология апеллирует к ценностям ислама.

В-шестых, весьма неубедительно звучит тезис о том, что членство в Таможенном и в дальнейшем Евразийском союзе позволит его членам стать «участниками диалога с ЕС».

Вызывает недоумение и положение о том, что «вхождение в Евразийский союз... позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу».

Вряд ли странам СНГ нужен некий посредник в их диалоге с Европейским союзом, каковым, очевидно, желает вы-

ступить Россия. Опыт прямого взаимодействия и сотрудничества с Европейским союзом есть у каждой центрально-азиатской страны.

Например, Таджикистан присоединился к программе НАТО «Партнерство ради мира». В Душанбе были открыты посольства Франции, Великобритании, Японии, подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Таджикистаном и ЕС, а в аэропорту столицы размещены несколько самолетов французских ВВС и французские военнослужащие.

И вопрос о целесообразности «интеграции» в цивилизационно и культурно чуждую для них Европу при наличии интересных вариантов на геополитическом пространстве Азии каждая страна будет решать самостоятельно.

Идея «создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока», «от Атлантики до Тихого океана» грешит явным идеализмом.

В-седьмых, открытым остается вопрос о «подключении к работе Киргизии и Таджикистана», а также других потенциальных участников проекта.

Для постсоветских государств Центральной Азии последние 20 лет стали временем получения международного признания и постепенного расширения пространства стратегического выбора. Активизировались их отношения с США, Китаем, Ираном, Индией. В то же время отличительной чертой многовекторной внешней политики этих стран остается хроническая напряженность в отношениях с ближайшими соседями. В этих условиях союз с Россией имеет для них, несмотря на возрастающие амбиции национальной политической элиты, стратегическую и экономическую необходимость. Хотелось бы, чтобы это понимали не только в России.

В перспективе независимые государства Центральной Азии – бывшие республики СССР можно рассматривать в качестве стратегических партнеров России.

Было бы некорректно сравнивать евразийские проекты В.В.Путина и Н.А.Назарбаева хотя бы потому, что они создавались в разное время, их разделяет 17 лет, поэтому они отражают конкретную ситуацию соответствующего этапа. Оба проекта разные и по объему*.

Тем не менее можно попытаться сопоставить проекты если не в деталях, то с точки зрения общей концепции.

В проектах интеграции евразийского пространства В.В.Путина и Н.А.Назарбаева есть много *общих черт*:

- оба проекта имеют одинаковое название – Евразийский союз;

- принимается во внимание поливариантность интеграции, разные темпы, неоднородность и разновекторность в развитии государств СНГ;

- Евразийский союз рассматривается как интеграция суверенных государств с целью укрепления их стабильности и безопасности, ускорения социально-экономической модернизации в постсоветском пространстве и создания механизма адаптации к процессу глобализации и его вызовам.

Однако оба проекта имеют и существенные различия.

Так, оба проекта учитывают влияние процессов глобализации. Но проект Н.А.Назарбаева предстает как ответ на вызовы глобализации, а проект В.В.Путина – как способ занять достойное место в глобальной иерархии («войти в число лидеров глобального роста...», «стать одним из полюсов современного мира...»).

* Книга Н.Назарбаева включает 479 страниц, тогда как концепция В.В.Путина изложена в сравнительно небольшой газетной статье.

Проект Евразийского союза Н.А. Назарбаева предусматривал создание фактически конфедеративного союза государств, проект В.В. Путина – региональную систему (а это одна из ступеней глобальной иерархии) со своим ядром – региональной державой, в качестве которой будет выступать Россия.

Проект Н.А. Назарбаева построен на принципе равноправного участия всех стран без выделения центра и периферии, но с учетом роли Казахстана как срединного государства. Проект В.В. Путина – «россицентричный». В нем Рос-

сия рассматривается как ядро евразийского интеграционного пространства, инициатор интеграционных процессов и посредник между членами Евразийского союза и Европой.

Проект Н.А. Назарбаева не потерял своей актуальности и сегодня, что он и отмечает в своей статье «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»³.

Объединение наиболее сильных сторон двух концепций, несомненно, послужит условием успешной реализации идеи Евразийского союза.

Несмотря на эти некоторые просчеты и неточности, проект создания Евразийского союза назрел давно. Его реализация объективно необходима не только для России и Казахстана, но и для желающих получить собственный статус в иерархии глобального мира независимых государств СНГ как уважаемых и полноправных участников в системе международных отношений.

Не лишена веских оснований надежда В. В. Путина на то, что в случае реализации проекта, несмотря на вероятную ревность и сопротивление глобальной державы – США, неизбежно будет развиваться сбалансированное партнерство двух ЕС – Евразийского союза и Европейского союза. Такое партнерство действительно будет «способно создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента» и будет иметь бы «несомненный позитивный глобальный эффект».

Конечный планируемый результат проекта сможет вдохновить и стимулировать его потенциальных участников, поскольку Евразийский союз – это «тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI в. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания»².

Примечания

¹ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук. 1997.

² Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 окт. // URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>

³ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт. // URL: <http://www.izvestia.ru/news/504908>

Россия – Узбекистан: сотрудничество в интересах мира и процветания

Георгий Рудов

2012 г. – особый в отношениях России и Узбекистана. 20 лет назад, 20 марта 1992 г., Российская Федерация признала Республику Узбекистан. В тот же день были установлены дипломатические отношения. Спустя два месяца, 30 мая 1992 г., между нашими странами был подписан Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве.

Этот большой период в рамках новейшей истории, когда время чрезвычайно ускоряется, а пространства сжимаются, был насыщен событиями, по истине, эпохального значения. Наши страны пережили трудности трансформации политического пространства, переформатирования экономических отношений, вхождения в совершенно новую – постбиполярную – систему международных отношений. Мы оказались перед вызовами таких угроз эпохи глобализации, как международный терроризм, расширение наркотрафика, криминализация целых сфер экономики, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения, торговля людьми и человеческими органами, радикализация протестных настроений и многое другое.

Однако, несмотря на все выпавшие на долю наших народов испытания, которые мы преодолевали и продолжаем преодолевать совместными усилиями, Россия и Узбекистан построили прочный фундамент суверенной государственности и с уверенностью смотрят в будущее. Двусторонние отношения между нашими странами обрели за прошедшие годы характер доверительного и конструктивного диалога как между стратегическими партнерами и союзниками.

Современные российско-узбекские отношения характеризуются целым рядом особенностей.

Как отмечают российские аналитики, это, *во-первых*, регулярное согласование позиций – некая «сверка часов» и

РУДОВ Георгий Алексеевич – доктор политических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. E-mail: georgi_rudov@mail.ru

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, экономическое и политическое сотрудничество, международный терроризм, наркотрафик.

внесение предельной (насколько это возможно) ясности в планы сторон по целому комплексу вопросов двустороннего, регионального и международного сотрудничества: от развития двусторонних и многосторонних форм взаимодействия (водно-энергетические вопросы, сотрудничество в газовой сфере, политика ШОС и ОДКБ в отношении Афганистана и угроз региональной безопасности, поиск идей по экономической интеграции и коллективным усилиям по смягчению последствий мирового финансового кризиса) до координации усилий в диалоге с внешними силами, в первую очередь США и НАТО.

Во-вторых, принципиально значимым являются попытки сторон развивать двустороннее экономическое сотрудничество, где в качестве локомотива выступают стратегические по своему характеру связи в нефтегазовой отрасли.

В-третьих, безусловно, сильны взаимные ожидания от развития сотрудничества в военной сфере и по вопросам безопасности, военно-промышленной кооперации. Однако здесь многое будет зависеть от того, удастся ли Москве предложить Ташкенту долгосрочные формы взаимодействия по проблемам Афганистана, формированию эффективной системы региональной безопасности, развитию военно-промышленных связей.

На уровне диалога лидеров двух стран (включая, безусловно, премьера-министра России В. В. Путина) эти отношения традиционно отличались и отличаются высоким уровнем откровенности, готовности доверительно обсуждать самые острые и сложные вопросы. При этом даже не соглашаясь друг с другом, до конца отстаивая свою позицию, но не обостряя при этом личных отношений.

На уровне общей политики данные отношения всегда отличались более четким пониманием как общности интересов, так и сохраняющихся различий в подходах, а также специфики ведения

переговоров и выстраивания связей друг с другом. Иначе эти отношения можно назвать диалогом партнеров, при этом, безусловно, учитывающих вес своих стран в международных и региональных вопросах, понимающих принципиальную важность и ценность укрепления двусторонних контактов, но в то же время уважающих право друг друга на реализацию своих национальных интересов¹.

Современный мир – прагматичный мир. Любое уважающее себя государство, думающее о будущем строит двусторонние и многосторонние отношения исходя из приоритетов национальных интересов, первоосновой которых служит экономическое сотрудничество. Как говорил классик, «политика есть самое концентрированное выражение экономики». В этом смысле политическое сотрудничество между нашими странами имеет прочный экономический фундамент.

Россия остается крупнейшим торговым партнером Узбекистана.

Доля России в товарообороте республики за прошлый год составила более 30%.

Объем экспортно-импортных операций между Узбекистаном и Россией за прошлый год по сравнению с 2010 г. увеличился почти на 6% – до 5 млрд долл.

С 1997 г. активно работает Межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией.

Постоянно развивается инвестиционное сотрудничество.

«В настоящее время на территории республики действуют 807 предприятий с участием российского капитала. Общий объем российских инвестиций при формировании их уставного капитала превысил 1 млрд долл. В республике аккредитованы представительства 138 фирм и компаний России.

В свою очередь, на территории Российской Федерации созданы 354 предприятия с участи-

ем резидентов Узбекистана. В 15 регионах России работают представительства узбекской авиакомпании «Узбекистон хавой уллари». Открыты представительства и филиалы «УзДЭУ», Ташкентского авиапредприятия, Навоинского и Алмалыкского горно-обогатительных комбинатов, внешнеторговых и отраслевых компаний республики»².

Однако очевидно, что далеко не весь имеющийся потенциал экономического сотрудничества активизирован. Одним из неиспользованных ресурсов двустороннего инвестиционного сотрудничества является его недиверсифицированный характер. На протяжении последних лет свыше 98% прямых российских инвестиций в экономику Узбекистана приходится в основном на топливно-энергетический комплекс и сферу телекоммуникаций и лишь около 2% – на все остальные отрасли. Так что перспективы развития сотрудничества между нашими странами поистине огромные. Особенно это важно в период перехода на инновационную, постсовременную экономику, экономику будущего.

Залогом достижения очередного прорыва в сотрудничестве между Россией и Узбекистаном может стать интенсификация обмена ценной информацией научного, технологического, экономического и аналитического характера, консолидация интеллектуального капитала наших стран. Хотя при этом не следует забывать и об особой роли Узбекистана в мировой экономике, которую он играет благодаря природным ресурсам.

На территории республики выявлено более 2700 месторождений и перспективных рудопроявлений, различных полезных ископаемых, включающих около 100 видов минерального сырья, из которых более 60 уже вовлечены в производство.

Разведано более 900 месторождений, в которых подтвержденные запасы оцениваются в 970 млрд долл., а общий минерально-сырьевой потенциал оценивается более чем в 3,3 трлн долл. (*sic!*).

Кроме того, в недрах республики находятся огромные залежи нефти и газа, причем около 60% территории республики являются перспективными для их добычи.

Узбекистан располагает также крупными залежами угля.

По запасам золота республика занимает четвертое место в мире, по уровню его добычи – седьмое; по запасам меди – десятое; урана – седьмое-восьмое (по его добыче – одиннадцатое); по запасам меди и урана входит в первую десятку стран мира.

Помимо этого, в настоящее время в республике разведано 40 месторождений драгоценных металлов, выявлено 20 месторождений мрамора, 15 – гранита и габбро. Многие месторождения декоративного камня, различного по расцветке – от белого до черного, представляют собой уникальные природные кладовые и являются крупнейшими во всей евроазиатской зоне.

Все эти богатства, особенно в условиях усиливающейся борьбы за ресурсы, естественным образом порождают стремления определенных сил оказывать влияние на руководство республики, дестабилизировать ситуацию в регионе по сценарию так называемых «цветных революций». Россия оказывается под аналогичным давлением. Поэтому В.В.Путин в одной из своих программных статей совершенно справедливо подчеркнул: «Мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью»³. Это в полной мере относится и к Узбекистану. Только сильное государство способно обеспечить свой суверенитет, независимость, устоять перед угрозами и вызовами.

Будучи значимым региональным игроком, Узбекистан четко и целенаправленно отстаивает свою позицию в отношении злободневных международных проблем. Важно, что взгляды и позиции России и Узбекистана по проблематике угроз и вызовов безопасности совпадают.

Так, наши страны, как активные участники антитеррористической коали-

ции, плодотворно работают над укреплением региональной безопасности и стабильности, над созданием глобальной системы всестороннего сотрудничества в борьбе с международным терроризмом.

Как неоднократно отмечал Президент Узбекистана И.А.Каримов, «сегодня всем должна быть ясна одна истина: естественно, что ни один человек, ни одно государство не могут остаться в стороне от борьбы во имя искоренения этого зла, угрожающего всему человечеству»⁴.

Узбекская сторона также убеждена, что учрежденная в Ташкенте Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества является важным компонентом глобальной антитеррористической системы, открытой к взаимодействию с другими соответствующими структурами.

Серьезную угрозу стабильности во многих регионах мира несет экстремизм во всех его проявлениях. Пропаганда религиозного экстремизма представляет собой идеологическую подготовку к вовлечению в ряды организаций прямого террора. Неслучайно деятельность такой организации, как «Хизб-ут-Тахрир», нацелена, прежде всего, на подрастающее поколение. И, как показали события «арабской весны», основой протестных движений и даже уличных боев была именно молодежь. Именно поэтому наши страны должны максимально плотно сотрудничать по предотвращению подобных сценариев, заниматься не только «целенаправленной просветительской и образовательной работой среди молодежи в целях выработки у нее устойчивого иммунитета против экстремистской идеологии»⁴, но и модернизировать экономику, создавать новые рабочие места, развивать инфраструктуру досуга и формировать комфортные зоны повседневности.

Не менее серьезной угрозой, тесно связанной с международным террориз-

мом, остается оружие массового уничтожения и стремление террористических сил получить к нему доступ.

В условиях глобализации, возрастающей взаимозависимости и одновременной взаимоуязвимости современного мира, широкого распространения и доступности технологий двойного назначения эта угроза приобрела транснациональный характер, затронув национальную безопасность многих государств и международную стабильность в целом. Россия и Узбекистан выступают за неукоснительное соблюдение всеми государствами глобального режима ядерного нераспространения.

Угрожающие масштабы на постсоветском пространстве приобретает потребление наркотиков, объем производства которых увеличивается в последние годы почти в геометрической прогрессии. Наркомафия превратилась в глобальную силу с огромным экономическим потенциалом. Ее финансовые возможности значительно превышают бюджеты многих стран мира.

Доходы от трафика только афганского героина в Россию и Европу оцениваются в 800 млрд долл. в год.

Эти средства, за исключением незначительной суммы, оседающей в карманах производителей и курьеров, поступают на счета транснациональных преступных и террористических организаций. По своему финансовому потенциалу преступные сообщества уже сегодня способны на геополитические решения.

Ведущие аналитические центры России рассматривают наркоэкспансию в пределы нашей страны в числе главных угроз безопасности государства, вплоть до введения в оборот понятия «массированная наркоагрессия». Очевидно, что международной наркомафии как новому глобальному игроку выгодны неста-

бильные территории, новые очаги локальных конфликтов и перманентная политическая и социально-экономическая напряженность. Любая дестабилизированная страна – это «надежный рынок» и «надежный трафик» для наркобизнеса.

Как известно, сегодня в Афганистане производится в два раза больше наркотиков, чем 10 лет назад во всем мире, вместе взятом.

Ежегодно от афганского зелья погибает около 100 тыс. чел., больше, чем от атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Только в России афганский героин каждый год пожирает 30 тыс. молодых жизней.

Основная масса наркотика через Турцию идет в Европу и оттуда попадает в Россию. Прямая же транспортировка героина в нашу страну осуществляется по так называемому «северному маршруту» – через Таджикистан и Киргизию.

Эксперты утверждают, что во второй половине 90-х годов маршрут был скорректирован. В частности, киргизский Ош уступил часть объемов таджикскому Худжанду (бывший Ленинабад), который стал новым узловым пунктом наркотрафика.

Началось объединение криминальных группировок разных стран с целью создания транснациональных структур и раздела территорий.

Второе за десятилетие серьезное изменение основных путей транзита наркотиков произошло после вторжения НАТО в Афганистан, в котором до этого момента промышленного производства опиатов не было вообще.

С 2001 г. основными направлениями их транспортировки становятся Шуробадское, Московское, Пянджское и Шаартузское, через которые в Таджикистан нелегально перемещалось до 80% наркотиков из приграничных районов Афганистана. «Примерно с 2003 г. ак-

тивно осваивается нелегальный канал поставок через Серахс, Кушку (приграничные с Ираном поселки), Мары, Теджен, Ашхабад и порт Туркменбаши на Каспии – в Азербайджан и Россию.

Другой маршрут проходит через бывший Чарджоу и далее вдоль Амударьи через Узбекистан и Казахстан – в Россию.

Узбекский маршрут проходит из Термеза через Карши, Бухару, Ургенч – в Нукус и далее в Казахстан и Россию»⁵.

Но большая часть наркотиков попадает в Узбекистан все-таки с территории Таджикистана.

Важно понимать, что такие огромные потоки наркотиков возможны только через зоны слабого государства, зоны вооруженных конфликтов разной степени интенсивности. Таким образом, поддержание нестабильности в интересах международных криминальных структур.

Вариантов развития сложившейся ситуации может быть только два.

Первый. Продолжающаяся деструкция управленческих структур, криминализация органов государственной власти приведет к созданию в регионе наркотеррористических государств по примеру Афганистана. Именно этот сценарий позволит значительную часть населения посадить (в буквальном смысле) на иглу и заставить довольствоваться самым малым, в то время как ТНК совместно с международными ОПГ займутся освоением ресурсов. Уверен, что этот сценарий может быть реализован только в случае ухода из региона России.

Второй вариант основан на тесной интеграции центральноазиатских стран с Россией, на полном взаимопонимании, на убежденности в том, что сохранить себя мы сможем только вместе, опираясь на здоровый генофонд наших народов. Этот вариант способен привести к

созданию в Евразии зоны устойчивого развития суверенных государств.

Поэтому самое тесное сотрудничество России и Узбекистана должно стать одним из краеугольных камней в фундаменте новой региональной системы безопасности. Причем помимо экономических и стратегических интересов наши страны имеют глубокие культурно-исторические связи.

Культурно-гуманитарное сотрудничество между Россией и Узбекистаном развивалось на основе Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19 марта 1993 г.; программ в области культуры, науки и образования (на правительственном уровне).

20 апреля 2010 г. сторонами была подписана комплексная Программа сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан в культурно-гуманитарной сфере на 2010-2012 гг. Однако самым значимым фактором в развитии культурного сотрудничества между нашими странами является наличие русской и узбекской диаспор соответственно в Узбекистане и в России, а также роль и значение русского языка как важнейшего средства коммуникации и развития в самом Узбекистане.

Сегодня в Узбекистане проживает около 1 млн граждан, идентифицирующих себя как русские, но помимо этого есть еще две группы граждан, тесно связанные с русским языком и культурой. Около 35 % населения составляют русскоязычные представители других национальностей: татары, корейцы, армяне, казахи, киргизы, турки, евреи, грузины и другие. Как правило, свой

родной язык представители этой группы населения знают намного хуже, чем русский. К этой же группе можно отнести узбеков, получивших образование на русском языке и владеющих узбекским как разговорным. Нужно иметь в виду, что к этой группе относятся люди, успевшие получить образование до реформы узбекского языка. Помимо этого в Узбекистане сложилась довольно обширная группа, так называемые билингвы, говорящих как по-русски, так и по-узбекски. Это примерно 30–40% населения⁶.

В республике действует Русский культурный центр, который структурно объединяет областные и городские общественные культурно-просветительские русские объединения.

Действуют 785 школ с русским языком обучения, в том числе 128 только с русским языком. Все вузы страны имеют русскоязычные группы.

Ежегодно в республике на русском языке издаются 50 учебников и учебной литературы в количестве 1,4 млн экз., 82 газеты и 20 журналов.

В Ташкенте функционирует представительство Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

В последние годы успешно развивается сотрудничество в области образования, здравоохранения, науки и техники.

В Узбекистане на протяжении ряда лет действует филиал Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова, а в сентябре 2006 г. в Ташкенте был открыт филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

13 января 2007 г. вышло Постановление Президента Узбекистана «Об организации деятельности филиала Российского государственного университета нефти и газа имени И.М.Губкина в Ташкенте».

Кроме того, ежегодно представителям Узбекистана предоставляется около 200 стипендий на бесплатное обучение в вузах России в рам-

ках узбекско-российского сотрудничества в области образования.

Значимым является и проект создания радиоастрономической обсерватории на плато

Суффа, который выполняется академиями наук обеих стран совместно с Центром по науке и технике при кабинете министров Республики Узбекистан².

Говоря об основных задачах внешней политики, Президент Узбекистана И.А.Каримов в своем выступлении на совместном заседании законодательной палаты и Олий Мажлиса (сената) 27 января 2010 г. отметил: «В сложных геополитических условиях, складывающихся в регионе и мире в целом, нам предстоит решать задачи обеспечения безопасности, стабильности страны, сохранения мира на нашей земле и целый ряд других ответственных и масштабных задач, от успешного решения которых зависит сегодняшний и завтрашний день нашей страны, наших детей»⁷.

Формируя свою программу как кандидата в Президенты России, практически о том же писал В.В.Путин: «Нашу задачу на предстоящие годы вижу в том, чтобы убрать с дороги национального развития все то, что мешает нам идти вперед. Завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят единый, живой, постоянно развивающийся, и одновременно – устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм, способный безусловно гарантировать суверенитет России и процветание граждан нашей великой державы на десятилетия вперед. Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду и доверие в отношениях государства и общества»⁸.

Так что цели и задачи у нас одинаковые, тревоги и проблемы общие, а значит, решать их нужно совместными усилиями, крепя нашу дружбу и сохраняя национальную уникальность.

Примечания

¹ *Парамонов В.В.* Россия – Узбекистан: к новым горизонтам сотрудничества // URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/9827>

² Узбекско-российские отношения // URL: http://www.uzembassy.ru/uzb_rus.htm

³ *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // РГ. 2012. 20 февр.

⁴ Современные международные проблемы и позиция Узбекистана // URL: <http://www.uzembassy.ru/positions.htm>

⁵ *Князев А.* Опиум для народов // Однако. 2010. № 12 (28).

⁶ *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* Среднеазиатский узел противоречий // Свободная мысль. 2010. № 10. С. 42.

⁷ Цели и задачи внешнеполитического курса Узбекистана // URL: <http://www.uzembassy.ru/fpobjectives.htm>

⁸ *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв.

Ирано-турецкое соперничество в Закавказье

Сергей Дружиловский

Турция и Иран – давние исторические соперники в Закавказском регионе. После развала СССР их противоборство здесь вспыхнуло с новой силой. Однако к началу 90-х годов возможности этих стран по заполнению образовавшегося вакуума в Центрально-Азиатском и Закавказском регионах оказались сильно ограниченными, и они не смогли использовать отведенные им историей 3–4 года, в течение которых провозгласившая независимость Россия самоустранилась от участия в делах новых постсоветских республик.

Иран к этому времени лишь начал преодолевать последствия 8-летней ирано-иракской войны, в которой полный крах потерпела концепция «экспорта исламской революции», что со всей очевидностью указывало на невозможность использовать ее в отношении других соседних с Ираном государств. Экономические и финансовые возможности ИРИ в этот период также не позволяли надеяться на успешную экспансию в сопредельные государства. Определенные надежды, которые Иран мог возлагать на шиитскую принадлежность соседнего Азербайджана, также не вошли в арсенал внешнеполитических преимуществ ИРИ на закавказском направлении, так как сепаратистские настроения

иранских азербайджанцев, составляющих до 25% населения этой страны, были хорошо известны иранскому руководству и неоднократно проявляли себя настолько радикальным образом, что в 20-е и 40-е годы XX столетия выступления азербайджанских сепаратистов вполне могли привести к отделению азербайджанского анклава от Ирана.

В 1990 г. уже националисты бывшего тогда в составе СССР Азербайджана взломали советско-иранскую границу и в массовом порядке устремились на территорию иранского Азербайджана. Потребовались серьезные дипломатические усилия двух стран, чтобы восстановить порушенный статус-кво на советско-иранской границе. После провозгла-

ДРУЖИЛОВСКИЙ Сергей Борисович – кандидат исторических наук, профессор (МГИМО(У) МИД России). E-mail: englishstudent@mail.ru

Ключевые слова: Иран, Турция, Закавказье, влияние, безопасность, урегулирование, Россия, компромисс.

шения независимости Азербайджана возглавивший его в 1992 г. президент А.Эльчибей неоднократно озвучивал идею о необходимости объединения территорий, населенных преимущественно азербайджанцами, в единое государство. Излишне говорить, что в отношении христианских Грузии и Армении шансов для исламской пропаганды у ИРИ было крайне мало.

Политика Турции к моменту развала СССР была более эффективной, особенно на азербайджанском направлении. Тот же Эльчибей заявлял о предпочтительности турецкой модели развития и выдвинул лозунг «Два государства – одна нация», подразумевая при этом стремление к тесному сотрудничеству с Турцией. О своей заинтересованности в расширении отношений с Турцией как светским государством, но в то же время интегрированным в ряд авторитетных международных организаций, и прежде всего в НАТО, стали заявлять и новые руководители независимой Грузии. На первых порах казалось, что даже на армянском направлении своей внешней политики Турция может сделать прорыв, после провозглашения независимого армянского государства. Известно, что в 1992 г., после того как тогдашний президент Армении Левон Тер-Петросян заявил об отсутствии территориальных претензий к Турции и запретил деятельность на территории Армении националистической антитурецкой организации «Дашнакцутюн», оба государства высказались за установление дипломатических и торговых отношений. Однако переговоры зашли в тупик после того, как Армения отказалась официально признать нерушимость своих границ с Турцией и Азербайджаном, на чем настаивала турецкая сторона.

Позиции Турции в первые годы существования независимых закавказских государств усиливались также в силу

того, что Запад, в том числе США, в этот период больше волновала судьба «демократических» реформ в России, чем процессы, происходившие в других странах СНГ. Поэтому их вмешательство во внутриполитические процессы в Закавказье и других странах СНГ было минимальным.

В этих условиях Турция в 1992 г. добилась от президента США Дж.Буша очень важного для себя обязательства о том, что непосредственно материальную и финансовую помощь закавказским и центральноазиатским республикам СНГ будет оказывать Турция, но при этом она получит компенсацию своих затрат от США и других западных стран, в том числе через предоставление ей этими странами торговых льгот. На первых порах избранная Турцией тактика принесла ей несомненный успех, в том числе в вопросе укрепления своих экономических и военно-политических позиций в Закавказье. В эти годы Турция явно потеснила Иран и даже Россию в этом регионе.

Однако начиная с 1994 г. ситуация резко меняется. Россия заявляет о своих особых интересах на пространстве бывшего СССР и начинает активно влиять на развитие ситуации в закавказских республиках явочным порядком, в том числе через размещение своих войск, обозначая свои приоритеты в армяно-азербайджанском конфликте, а также в Южной Осетии и Абхазии.

В скором времени и западные государства во главе с США начали стремиться стать активными игроками на постсоветском пространстве. Понятно, что после этого роль Турции в решении проблем Закавказского региона пошла на убыль. Роль Ирана, наоборот, стала возрастать, во-первых, в силу его однозначного антиамериканизма, при кото-

ром ИРИ, осознав опасность вторжения США в соседний с ней регион, предприняла меры для блокирования американских устремлений, в частности пойдя на беспрецедентное сближение с соседним христианским государством – Арменией, а во-вторых, заявив о совпадении ее интересов в Закавказье с интересами России и готовности объединить усилия двух стран для отпора стремлению внешнерегиональных держав распространить свое влияние в Закавказском регионе.

Например, Иран официально заявляет о своей солидарности с Россией в вопросе недопущения расширения НАТО еще дальше на восток, всеми силами противодействуя вступлению в эту организацию закавказских республик.

При этом ресурсы, которыми обладает Иран для усиления своего влияния на закавказские республики, можно считать достаточно значительными.

Прежде всего – это энергоресурсы.

Известно, что Грузия и Армения лишены сколь-либо значимых запасов энергетического сырья и получение его извне по доступной цене является приоритетным в политике этих стран. Но даже Азербайджан, владеющий значительными запасами нефти и газа, всегда был готов закупать энергетическое сырье у своих соседей для его дальнейшего реэкспорта. В этом отношении Иран представляет собой идеального партнера прежде всего из-за территориальной близости и наличия трубопроводов, готовых к широкомасштабным поставкам энергетического сырья. Кроме поставок энергоресурсов в республики Закавказья Иран готов осуществлять транзит энергетического сырья через их территорию. Причем речь идет как о поставках собственно иранских нефти и газа, так и подключении в единую трубопроводную систему энергетических ресурсов других прикаспийских государств. Считается, например, что

известный газовый проект «Nabucco», призванный обеспечивать Западную Европу природным газом в обход территории России, может быть реализован только в случае подключения к нему Ирана.

Кроме транзита энергоресурсов, ИРИ довольно привлекательно выглядит в качестве транзитного коридора для поставок товарной продукции закавказских республик на рынки стран Ближнего Востока и Южной Азии, а для Армении, особенно после южноосетинского конфликта, Иран, по сути, превратился в единственные надежные ворота во внешний мир.

Второе – это значительные финансовые возможности Ирана, которые, в отличие от Турции, вынужденной закупать почти все необходимое ей энергетическое сырье, основываются на постоянных и достаточно стабильных нефтяных доходах, позволяющих этой стране осуществлять инвестиции в серьезные проекты, в том числе и зарубежные.

Например, иранская сторона неоднократно заявляла, что в случае с Грузией готова взять на себя до 85% инвестиций в любой совместный проект и довести общую сумму инвестиций в эту страну до 1 млрд долл. (сейчас эта сумма не превышает 50 млн долл.).

Уже сегодня ИРИ реализует целый ряд экономических проектов на территории Армении, а частные иранские фирмы активно действуют на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Кроме того, Иран заявляет, что готов выступить эффективным посредником в урегулировании кризисов в горячих точках региона, прежде всего Нагорно-Карабахском, ссылаясь при этом на свой опыт успешного участия в урегулировании межтаджикского конфликта.

ИРИ имеет хорошо оснащенные современными оружием вооруженные

силы, которые в состоянии нанести сокрушительный удар по стратегическим объектам на территории любой из закавказских республик, поэтому возможная конфронтация с Ираном для этих республик имеет определенные пределы.

Например, грузинские эксперты постоянно указывают на то, что в случае предоставления грузинских аэродромов американцам для нанесения авиационного удара по Ирану, последний немедленно подвергнет эти аэродромы ответному удару.

Можно напомнить и события 2001 г., когда азербайджанское судно с представителями *British Petroleum* на борту было выдворено из спорного сектора Каспийского моря иранскими боевыми катерами при поддержке авиации, что принудило Азербайджан отказаться от дальнейших планов нефтедобычи в этом районе.

Что касается Турции, то у нее тоже достаточно значительный арсенал воздействия на закавказские республики, однако, в отличие от Ирана, ее возможности ограничены почти полным выпадением Армении из сферы турецкого влияния. В то же время Турция является для республик Закавказья самыми близкими воротами в Европу. Это касается и Армении в случае урегулирования армяно-турецких отношений.

Известно, что в начале 90-х годов практически все американские проекты альтернативных поставок каспийских энергоресурсов предполагали прокладку трубопроводов через территорию Армении в Турцию. Турция сразу же после развала СССР позиционировала себя в качестве моста для соединения Европы и Азии в обход России. Секуляристская модель государственного устройства Турецкой Республики намного более привлекательна для закавказских республик, чем иранская модель исламской республики, и Турция немало сделала для успеха государственного строительства, особенно в Азербайджане.

Тюркский фактор в качестве инструмента воздействия на политические процессы используется Турцией не только в отношении Азербайджана, где в начале 90-х годов даже предпринималась попытка объявить государственным языком турецкий, но и в отношении Грузии, на территории которой, в частности в Тбилиси, проживает большое количество тюрков.

Окрестности грузинской столицы – это сплошь тюркские селения (их более 40), расположенные в районах Карели и Каспи. Кроме того, в Турции проживает большое количество абазин – выходцев из Абхазии, что позволяет Турции косвенно влиять на происходящие здесь события.

Турция – член НАТО, имеющая мощные вооруженные силы и первую по величине армию среди европейских членов этой организации, поэтому ее роль в создании новых вооруженных сил Азербайджана и Грузии оказалась достаточно велика. Кроме того, с точки зрения руководства этих двух республик, Турция является той страной, которая может поддержать их стремление к вступлению в Североатлантический блок.

Турция не имеет своих значительных свободных финансовых средств, но зато у нее есть возможность привлекать средства крупнейших западных компаний для реализации различных региональных проектов, в которых заинтересованы закавказские республики.

Ярким примером этого является привлечение зарубежных инвесторов для строительства дорогостоящего трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, экономическая целесообразность которого вызывает большие сомнения, но зато это первый пример альтернативного (в обход России) нефтяного проекта бывших советских республик, который замыкается на Турцию.

В настоящее время Турция активно лоббирует идею создания «*Nabucco*» – магистраль-

ного газопровода из прикаспийского региона в Европу через территорию закавказских республик и Турцию, стоимость строительства которого может превысить 5 млрд долл.

При любом развитии ситуации в Закавказье деструктивное вмешательство Ирана и Турции, при условии сохранения нынешнего состояния отношений России с этими странами, а тем более в случае их дальнейшего улучшения, представляется маловероятным, поскольку и Иран, и Турция в настоящее время ставят значимость своих отношений с Россией выше, чем с любой другой страной на постсоветском пространстве.

Доказательством этому служит отказ Ирана от идеи деструктивного вмешательства в дела мусульманских анклавов на постсоветских территориях, что, в частности, позволило урегулировать внутриадажикский кризис в конце 90-х годов и избежать негативного воздействия ИРИ на чеченские события после признания Ираном чеченского кризиса внутренним делом России.

Со своей стороны Турция хотя и не отказывается от проведения «особой» политики в отношении тюркских республик СНГ, в настоящее время явно отошла от пантюркистских претензий на объединение всех тюркских народов под своей эгидой и так и не позволила тому же Азербайджану, несмотря на все его усилия, привлечь себя к участию в военном решении карабахской проблемы, понимая, что этим самым она неминуемо войдет в конфронтацию с Россией.

Однако в случае ухудшения отношений с одной из вышеназванных стран, например, при дальнейшей эскалации антииранских акций со стороны России, в том числе в рамках предпринимаемых против Ирана международных санкций, последний может негативно повлиять на развитие ситуации в Закавказье, в

частности через поддержку враждебных России сил, как это он делает, например, сегодня в отношении враждебного ему Израиля, поддерживая антиизраильские режимы и военно-политические группировки в Сирии, Ливане и Палестине.

То же можно сказать и в отношении Турции, которая в случае осложнения отношений с Россией может инициировать размещение американских или натовских систем ПРО на своей территории и выступить за распространение натовской программы «Активные усилия» на акваторию Черного моря, выйдя из программы «Блэксифор» и «Блэк-си-гармония» по поддержанию безопасности в Черноморском регионе силами самих причерноморских стран.

Естественно, перечисленными примерами возможные угрозы России со стороны Ирана и Турции могут не исчерпываться.

В то же время надо отметить, что и Иран, и Турция искренне заинтересованы в урегулировании ситуации в Закавказье.

Доказательством этому служат неоднократные попытки этих стран выступить миротворцами или посредниками в вопросах стабилизации положения в регионе. При этом их видение формата для урегулирования региональных проблем, а также предлагаемые субъекты и объекты такого урегулирования существенно отличаются.

Иран уже давно выступает с предложением заменить Минскую группу на формат 3 + 3, т. е. задействовать в обсуждении нерешенных вопросов все три закавказские республики плюс Россию, Иран и Турцию. В то же время Иран постоянно заявляет о готовности своего персонального посредничества в азербайджано-армянских переговорах по Нагорному Карабаху.

Турция, как известно, выступила с идеей «Кавказской платформы мира», которая должна состояться в формате 3 + 2, т. е. при участии трех закавказских республик, а также России и Турции. Иран при этом из списка участников «Платформы» демонстративно исключается.

Также демонстративно обе страны в своих призывах к урегулированию обходят тот факт, что теперь в Закавказье появились еще две независимые республики.

Однако важно, что и та, и другая страна безоговорочно указывают на необходимость участия России в переговорах, а также на то, что конечной целью любых переговоров должна стать стабилизация положения в регионе через урегулирование всех существующих здесь спорных проблем. Но надо при этом понимать, что обе страны стремятся к стабильности на Кавказе по разным причинам. Для Турции это прежде всего возможность свободно и беспрепятственно использовать территории закавказских республик для транзита товаров и услуг, восстановив давние функции Великого шелкового пути, который в свое время превращал Турцию в узловой пункт поставок основной товарной массы из Европы в Азию и обратно.

Например, турецкие экономисты подсчитали, что только приграничная торговля с Арменией обеспечит товарооборот до 500 млн долл.

в год в случае открытия границы между двумя государствами.

Поэтому конечной целью Турции является открытие надежных торговых и транзитных путей из Азии в Европу, минуя Россию. При этом не стоит забывать, что, несмотря на все трения с Западом, проявляющиеся в последние годы, Турция остается членом НАТО и ассоциированным членом ЕС, стремящимся к полной интеграции с этой организацией, так что влияние Запада в Закавказье напрямую или через Турцию (в случае повышения ее роли в региональных делах) будет сохраняться. Поэтому стоит задуматься о возможных негативных последствиях турецкого посредничества в Закавказье.

Что касается Ирана, то для него урегулирование закавказских проблем означает резкое сужение возможностей внерегиональных сил по вмешательству во внутренние дела закавказских республик. При этом Иран, как и Турция, рассчитывает использовать территорию Закавказья для направления товаропотоков, прежде всего энергоносителей, в Европу. Однако с Ираном России будет легче договориться, чем с Турцией, о своем участии в региональных торгово-экономических проектах, так как Иран никогда не скрывал своей заинтересованности в участии в них Российской Федерации.

Из всего вышесказанного следует, что Россия для достижения урегулирования в Закавказье может активнее задействовать потенциал и возможности как Турции, так и Ирана.

На настоящем этапе, пока все еще кипят страсти вокруг южноосетинского конфликта и практически нет подвижек в решении карабахского вопроса, представляется малопродуктивным пытаться вступать в прямые переговоры с Грузией или убеждать Азербайджан в правильности российской политики в Закавказье.

Что касается Армении, то она сегодня, по сути, находится в безвыходном положении и вынуждена в целом опираться на помощь и авторитет России при отстаивании своих интересов, но и она вряд ли довольна своей все возрастающей зависимостью от нашего государства.

Поэтому, каждый последующий наступательный шаг России в Закавказском регионе скорее всего, будет встречать все большее сопротивление входящих в него государств.

В то же время попытка переложить часть российского бремени в закавказских делах на соседние Турцию и Иран может оказаться более конструктивной, но для этого потребуются выработать с этими странами общую платформу или договориться с каждой из них по отдельности о совместных действиях на закавказском направлении.

Очевидно, что при этом придется быть готовым пойти на определенные компромиссы, причем необязательно связанные с Закавказьем как таковым.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель—Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@ru.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Общественный договор – основа доверия к власти

Легитимизация консенсусных стратегий в неoinституционализме

Ольга Бойцова

Плюрализм и проблема легитимности

Вторую половину XX в. можно без преувеличения назвать переломным моментом в гуманитарном знании, эпохой, когда рушились устоявшиеся представления о целях, задачах, релевантных методах науки, да и о сущности и перспективах самой науки*. К этому времени философские дискуссии о рациональности, вызванные кризисом естествознания на рубеже XIX–XX вв., уже существенно трансформировали классическое представление о научном познании. «Эпистемологический разрыв» с традиционными формами познания, оформившийся в постпозитивизме

и постмодернизме, поставил под сомнение легитимность рациональности как таковой – независимо от того, применялась ли она при получении научного знания, обосновании ценностей или просто как фундамент здравого смысла.

В качестве альтернативы был выдвинут принцип глобального плюрализма, связанный с отказом от признания абсолютной значимости каких бы то ни было авторитетов и ценностей, со стремлением к стиранию всех границ и условностей, с попыткой выхода за пределы бинарной логики к смысловой многозначности.

БОЙЦОВА Ольга Юрьевна – доктор политических наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: olga.boitsova@gmail.com

Ключевые слова: власть, государство, нормативизм, неoinституционализм, политические ценности, легитимизация, контрактualизм, теория справедливости.

* Безусловно, основанием таких революционных изменений послужили глобальные изменения в обществе, происходившие на протяжении XX в. Несмотря на очевидную значимость данной темы, в данной статье она «вынесена за скобки».

Столь радикальные перемены не могли не оказать воздействия на политическую мысль конца прошлого столетия. Изменения в этой сфере гуманитарного знания были столь существенны, что исследователи, описывая их, говорят о революции в политической науке.

Например: В русло «плюралистического поворота» полностью вписывается сомнение в релеванности трактовки государства как политического актора и, следовательно, значимого объекта исследования.

Или в таких отраслях политической науки, как социальная политика, теория международных отношений и компаративистика, в качестве субъектов политического действия чаще выступают отдельные институты, соперничающие в борьбе за возможность реализовать собственные интересы.

Фундаментальная плюралистическая установка неизбежно ставит вопрос о том, как должно осуществляться взаимодействие «сущностно конкурирующих концепций»*, разнонаправленных мировоззренческих ориентаций в условиях, когда ни одна из них не может претендовать на исключительную легитим-

ность. Вопрос этот имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, ведь стратегии социальных действий, нацеленные на реализацию различных ценностных позиций, как и институты, упорядочивающие процесс их осуществления, в данном случае признаются – в отличие от монистической позиции – если не равноценными, то в равной степени приемлемыми.

В итоге на теоретическом горизонте вновь появляется феномен «гоббсовского страха», который уничтожает саму основу социума и лишает государство доверия, «причитавшегося» ему как гаранта социального мира и согласия. Ситуация «войны всех против всех» требует разработки новых стратегий согласования интересов и путей достижения консенсуса в отсутствие «главного арбитра», каковым в политико-правовой мысли Нового времени являлось наделяемое абсолютным суверенитетом государство. Более того, выработанная консенсусная стратегия должна быть каким-то образом легитимизирована.

Неоинституциональный контрактualизм Дж.М.Бьюкенена

Решение данной задачи осуществляется различными способами. Среди них особое место принадлежит институциональным теориям, разрабатывающим в новых условиях проблематику контрактualизма. Примером служит экономическое направление в неоинституционализме, ведущим представителем которого является Джеймс Макджилл Бьюкенен². Это направление претендует на создание универсальной «теории общественного выбора», способной объяснить и функционирование институциональной среды, и создание ин-

ституциональных соглашений, и конкретные акты политического поведения в контексте институциональной практики.

Бьюкенен исходит из того, что существование институтов объясняется определенной потребностью, а их значение – способностью эту потребность удовлетворять.

Нормативные системы, образующие политическую институциональную среду, рассматриваются в качестве «правил и ограничений, в рамках которых принимаются политические решения»³, т.е.

* «Сущностно конкурирующие концепции» – термин английского политического философа У.Б.Гэлли¹.

«правил игры», определяющих рамки маневров субъектов политического действия. Признавая, что невозможно полностью отождествлять рынок и политику, представители данного направления убеждены, что «причина различия результатов функционирования рыночной и политической систем кроется в их неодинаковой структуре, а не в разных мотивах людей, занятых в этих сферах»³, т.е. специфичным фактором являются не мотивы поведения, а институциональная среда.

Возможность политического консенсуса Бьюкенен связывает с реформой политических институтов. При этом сами политические институты трактуются как предельно устойчивые образования: их изменение, влекущее за собой переориентацию и переосмысление всех стратегий, с экономической точки зрения крайне неэффективно и невыгодно, поскольку требует существенных затрат. Но в то же время именно институциональные изменения выступают в качестве наиболее действенного средства оптимизации политики; изменение «правил игры» в целом соответствует интересам всех игроков, а ориентация на улучшение стратегий отдельных участников при простое «правил игры» не может привести их к консенсусу. Поэтому, полагает Бьюкенен, «реформировать надо не политику как таковую, а *конституцию политики*»³.

Задача выработки такой конституции, которая, собственно, и представляет собой институционально закрепленный консенсус, в принципе решаема, считает Бьюкенен, поскольку субъекты политической деятельности рациональны, а их действия носят стратегический характер. Это означает, что предпочтения политических акторов осознанны и иерархически выстроены по принципу приоритетности. Тем самым предпочтения оказываются объединенными в не-

кий дифференцированный комплекс, в пределах которого каждое из них занимает жестко определенное место. Критерий, согласно которому определяется порядок предпочтений, остается неизменным: с точки зрения экономического направления этим критерием является максимизация выгоды в процессе обмена деятельностью. А это означает, что «политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных»³.

В любой институциональной среде индивиды будут действовать исключительно в собственных интересах и стремиться к максимально эффективным шагам, т.е. к предельно возможному в данных обстоятельствах удовлетворению своих потребностей при минимальных издержках.

При анализе институциональной практики можно выявить основания политического выбора: установить воздействие институтов на множество действий, возможных для каждого участника политического процесса, на структуру доступной ему информации и на последствия принятых им решений и осуществленных действий.

Конституция политики – результат такого стратегического выбора, но не индивидуального, а коллективного.

В качестве необходимого условия такого выбора Бьюкенен рассматривает не только рациональность, но и автономность участвующих индивидов. Коллективным выбором Бьюкенен считает принятие решения индивидом, находящимся в составе группы, об установлении совокупности норм, регулирующих политическое поведение всех. Такое решение принимается на договорной основе и в силу этого приобретает легитимность.

В самом институциональном строительстве он выделил два этапа: до начала реализации решения и в процессе такой реализации.

С точки зрения Бьюкенена, выделение первого этапа – этапа «конституционного выбора» – необходимо для понимания процедуры «выбора правил игры», т.е. достижения группой людей соглашения о том, на каких основаниях будут приниматься решения и как будут

обеспечиваться совместные действия. В процессе самой «игры» у политических акторов уже должны быть алгоритмы консолидированных решений, т.е. консенсусные стратегии уже должны быть определены именно на основе норм, установленных в ходе «конституционного выбора». Поэтому выбор политического курса на основе принятых «правил игры» Бьюкенен рассматривает как «постконституционный».

Проблема легитимации в неoinституционализме

Основная проблема связана с обоснованием легитимности такой институциональной активности. Сделать конституционный выбор, создать «конституцию политики» невозможно, если не определены легитимные субъекты данного выбора.

Таким образом, прежде чем выбор «правил игры» будет сделан, должны быть определены полномочия политического актора, делающего такой выбор. Это ставит проблему предконституционного выбора; но выбор правил выбора не может быть произвольным, он тоже требует определенных правил, и так до бесконечности. В результате любая «точка отсчета», т.е. любое решение, предшествующее конституционному выбору, оказывается неконституционным, а его легитимность – необоснованной.

Бьюкенен видел единственный способ избежать «дурной бесконечности» предконституционного выбора во введении аксиомы – принципа единогласия.

Согласно этому положению, если решение принято единогласно, то оно легитимно независимо от процедуры его принятия.

«Таким образом, – пишет Бьюкенен, – представляется возможным дать оценку самой политической системе независимо от результатов ее функционирования. Для этого нужно определить, в какой мере правила реализации государственных решений соответствуют уникально-

му правилу единодушия, гарантирующему эффективность политического обмена. Если признать, что искомым критерием оценки является эффективность, то это означает, что степень улучшения политической системы обусловлена тем, насколько полно воплощается в жизнь принцип единодушия»³.

Однако принятие данного положения, разрешая одно важное затруднение, порождает другие.

Например, является ли требование единогласия абсолютным, т.е. теряют ли силу достигнутые договоренности при одном воздержавшемся?

Как избежать подлога в условиях, когда из-за отсутствия нормативных установлений любые действия не запрещены и не наказуемы?

Как избежать «информационной асимметрии», в результате которой более осведомленные «игроки» проводят решение в собственных интересах, и пр.

Кроме того, непонятно, кто будет принимать решение о том, что подобное единогласие имеется. Ведь для того чтобы убедиться в наличии единогласия и на основании этого признать легитимность решения, нужно достоверно определить, что каждый человек добровольно сделал выбор, что выбор каждого индивида совпал с выбором любого другого члена общности и что все потомки всех членов сообщества согласятся с этим выбором. Огромные «транзакционные

издержки» делают такую процедуру невозможной, оставляя проблему оснований коллективного выбора нормативных принципов политической деятельности открытой.

Более того, если принять аксиоматические посылки экономической версии неоинституционализма, то придется согласиться и с тем, что для рационально мыслящего и стратегически действующего в собственных эгоистических интересах человека вообще нет оснований кооперироваться с другими ради достижения общих целей. С одной стороны, оно связано с существенными «издержками» – добровольным принятием ряда ограничений и тем самым ужесточением условий своей деятельности, а с другой – «продукт» такого сотрудничества по сути своей является «общественным», а это значит – одинаково доступным и одинаково полезным и тем, кто принимал участие в их создании и «делал вклады», и тем, кто не участвовал в соглашениях и не нес никаких затрат.

Увеличение «издержек» при одинаковом уровне «выгод» означает резкое снижение эффективности действий каждого отдельного участника процесса, т.е. для индивида рациональным будет решение воздержаться от участия в коллективном действии. Это в корне подрывает оптимизм относительно экономического обоснования консенсусных стратегий в политике.

В то же время сфера институциональных соглашений налицо – в политической реальности постоянно заключа-

ются коллективные соглашения и совершается коллективный выбор. Это ставит теорию общественного выбора перед необходимостью решения проблемы несоответствия предложенной объяснительной модели и результатами эмпирических исследований реального политического процесса.

Бьюкенен выходит из ситуации посредством тезиса о совпадении эффективности со справедливостью.

С его точки зрения консенсус относительно положений «конституции политики» может быть найден, потому что индивид способен сознательно выбрать правило, которое в отдельных случаях даже может привести к нежелательным для него последствиям. Индивид поступит так, если ему заранее известно, что удовлетворение его интересов будет зависеть в конечном счете от основного закона, действующего в течение длительного времени, а не от отдельных краткосрочных государственных мер... Индивид понимает, что действие конституционных правил рассчитано на несколько исторических периодов, в течение которых не одно поколение сделает свой выбор. Поэтому невозможно определить последствия влияния любых правил на интересы конкретного человека.

Следовательно, основой для выбора конституции должны быть всеобщие принципы справедливости, использование которых является гораздо более эффективным путем к согласию, нежели реализация личных интересов каждого человека в отдельности»³.

Консенсус как основа легитимности в теории Дж. Ролза

Последнее утверждение свидетельствует о близости позиции Бьюкенена хорошо известной в отечественной политической науке либерально-философской концепции Джона Бордли Ролза (1921–2002 гг.)⁴, в которой общее согласие также выступает основным кон-

ституирующим принципом институциональной среды и достижение консенсуса также связывается с установлением общественного договора.

Это признавал и Бьюкенен: «...мой собственный подход близок к известной философской модели Дж. Ролза, который, применив

нравственные критерии к анализу проблемы неопределенности в политике, создал новые принципы социальной справедливости, исходящие из концепции достижения всеобщего согласия на основе контрактов, что должно предшествовать стадии выбора политической конституции»³.

Согласно концепции Ролза, в обществе существуют первичные блага – класс вещей, необходимых для реализации любого рационального жизненного плана: основные права и свободы, доход, равные возможности, материальный достаток. Обладание ими обеспечивает человеку самоуважение и автономию, поэтому они воспринимаются как цель, к которой индивиды стремятся в своей деятельности.

Получение доступа к благам лежит в основе интересов субъектов деятельности: блага распределяются между индивидами на основании их взаимных требований, а объективный дефицит ресурсов обуславливает столкновение и даже конфликт этих интересов. Поэтому именно способ распределения ставит вопрос о справедливости: «обстоятельства справедливости возникают всякий раз, когда люди выдвигают конфликтующие притязания на дележ социальных преимуществ в условиях умеренной скудости»⁵.

Итак, в полном соответствии с либеральной традицией, Ролз трактует справедливость в дистрибутивном и процессуальном ключе. С его точки зрения, справедливость заключается в обеспечении максимально возможного равенства в процессе распределения первичных благ и обеспечивается наличием определенных нормативных ограничений, т.е. институциональной средой.

Однако признавая нормативную систему, регулирующую распределение благ, основой общества, Ролз углубляет анализ по сравнению с классическим формальным нормативизмом. Он ставит вопрос о формировании институци-

ональной среды, соотнося ее не только с классическими идеями общественного договора, но и с проблематикой индивидуального и коллективного выбора.

С точки зрения Ролза, консенсусная стратегия связана с принятием нормативных ограничений, обеспечивающих справедливый порядок, т.е. с волевым усилием членов сообщества, с общим решением построить социальные отношения на принципах справедливости. Эти принципы и являются одновременно и важнейшими нормативными ограничителями политики, и основой консенсуса по фундаментальным политическим вопросам.

Подобно Бьюкенену, Ролз анализирует основания «конституционного выбора» и обращается к проблеме единогласия. Определяя способ выбора, Ролз вводит понятие «рефлексивного равновесия», которое призвано зафиксировать способ поиска консенсусного решения при выборе основополагающих принципов институционального строительства.

Суть «рефлексивного равновесия» заключается в рациональном прояснении содержания принимаемых принципов, рассуждений и отборе наиболее сильных аргументов в их пользу и тем самым придания им легитимности, т.е. достижения «надежного согласия» в том, что именно они являются оптимальными, общезначимыми и общепризнанными.

«Это – равновесие, – пишет Ролз, – потому что наши принципы и суждения совпадают, и оно рефлексивно, потому что нам известно, каким принципам отвечают наши суждения, а такжесылки их вывода...»⁵.

Сходство с теорией общественного выбора усиливается и тем, что Ролз также считает необходимыми условиями такого выбора автономность и рациональность индивидов. Первое предполагает, что индивиды независимы друг от друга и не заинтересованы ни в чьих

интересах, кроме своих собственных, а второе – что они способны делать осознанный, разумный выбор. Различие проявляется в мотивации: если для Бьюкенена таким основанием служила максимизация собственной выгоды, то у Ролза в этом качестве выступает стремление осуществить идею общего блага.

Кроме того, аксиоматически снимая проблему влияния информационной асимметрии на выбор, остро стоящую в концепции Бьюкенена, Ролз добавляет к требованиям автономности и рациональности еще одно условие – равенство индивидов в доступе к информации об институциональной среде конституируемого общества. Именно оно уравнивает всех и позволяет делать выбор «честно».

«Принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга»⁵.

Элиминация корыстных мотивов вынуждает индивидов делать выбор, результаты которого имеют всеобщую значимость (публичны) и общее признание (окончательны), универсальны в применении и способны упорядочить конфликтные ситуации, т.е. служить в качестве легитимной основы консенсусных стратегий. В качестве таких принципов, по мнению Ролза, и выступают принципы справедливости.

Сами принципы справедливости в концепции Ролза не равноценны, они выстроены в строгую иерархию:

- на первом месте стоит принцип равных свобод;
- на втором – принцип дифференциации;

– на третьем – принцип равных возможностей.

В случае возникновения противоречий между ними приоритет все же отдается свободе: свобода должна быть максимизирована, ее ограничение может быть оправданно только ради ее лучшей защиты. При этом, в отличие от теоретиков экономической ветви неинституционализма, Ролз утверждает, что в качестве ценности, имеющей нормативное значение для политической деятельности, справедливость (принятое на основе консенсуса «честное равновесие возможностей») важнее эффективности, понимаемой как максимизация выгоды субъекта политической деятельности.

Однако нельзя не отметить, что в данном случае различие не столь принципиально, как может показаться на первый взгляд. Согласно Ролзу, человек в исходной позиции неизбежно выберет общество, в котором наименее преуспевающие окажутся в положении, наилучшем из возможных, именно потому, что это обезопасит его в случае неблагоприятного для него стечения обстоятельств, т.е. если человек сам окажется в уязвимом положении.

Таким образом, каждый выбирающий на деле руководствуется если и не максимизацией своих выгод, то уж наверняка минимизацией потерь.

В концепции Ролза общество, построенное на принципах справедливости, обозначается понятием «хорошо организованное общество», т.е. общество, в котором есть фундаментальное согласие по институциональным основам. Такой консенсус обеспечивает соблюдение принимаемых на основе договора принципов, что и означает реализацию принципов социальной справедливости при решении конкретных проблем. А это, по мнению Ролза, и является подлинной целью политики.

Модель легитимации власти в неoinституционализме

Безусловно, в «формально-позитивной» концепции Дж.Бьюкенена и «ценностно-нормативной» теории Дж.Ролза хорошо просматриваются параллели в моделях легитимации власти. Прежде всего обе они носят номиналистический характер, т.е. исходной точкой в них выступает индивид, обладающий определенными интересами и совершающий обмен действиями с другими индивидами или с другими структурами с целью удовлетворения этих интересов.

Теории Бьюкенена и Ролза отличаются общим аксиоматическим допущением – признанием субъектов политической деятельности рациональными, а их действий – стратегическими.

Проблема конституционного выбора в обоих случаях решается путем «общественного договора», заключаемого на основе единогласия, и это является основой легитимности принятых «правил игры», которые должны служить фундаментом социального консенсуса, который становится главным легитимизирующим основанием.

Выбор политических институтов связывается с реализацией принципов социальной справедливости; только у Бьюкенена справедливость прямо отождествляется с эффективностью, а у Рол-

за оказывается лишь косвенно связана с последней.

Таким образом, если у Ролза справедливость является непосредственно конституирующей нормой, то у Бьюкенена – глубинной основой легитимности конституции политики.

Итак, в результате рассмотрения концепций Дж.Бьюкенена и Дж.Ролза как ведущих представителей неoinституционализма можно сделать следующие выводы.

1. Основой легитимности власти выступает социальный консенсус, достигаемый в результате «общественного договора» о базовых институтах, конституирующих социум.

2. Данные институты при сохранении черт формальной нормативности связаны с ценностным регулированием политики, идеалами справедливости и общего блага.

3. Совокупность данных институтов составляет «конституцию политики», которая определяет рамки легитимности при выстраивании стратегий политических действий отдельных субъектов. Основанием вступления в договорные отношения является рационально просчитываемая польза от кооперации и принципы справедливости как основная нормативная ценность в политике.

Рассмотренные теории служат ярким примером актуализации проблем, связанных с плюрализмом нормативной регуляции в современном обществе. Важно подчеркнуть, что этот плюрализм проявляется не только на уровне формальных требований, но и ценностно-содержательных предписаний – институциональное конструирование, которое выступает в качестве основы выработки консенсусных стратегий как основы легитимации политической власти, соотносится в них не только с формальными предписаниями, но и с такими категориями, как «благо» и «справедливость».

Легитимизация власти на институциональной основе связана с расширением «нормативного арсенала», традиционно применяемого в политико-правовых исследованиях⁶. В набор институциональных параметров политологии стали включать все действующие нормы (в том числе и ценности), независимо от того, были они или не были зафиксированы, приняты государством в ходе формальной процедуры или же

являются результатом договора, заключенного автономными субъектами на основе идеалов справедливости и общего блага.

Примечания

- ¹ Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Philosophy and the Historical Understanding. N.Y., 1968.
- ² Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6; Бьюкенен Дж. Границы свободы: Между анархией и Левиафаном. М., 1997. Т. 1.
- ³ Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики // Вопросы экономики. 1994. № 6. С. 105, 107, 108, 109, 110, 111.
- ⁴ Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000; Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества и морально-политическая философия Дж.Роулса. М., 1998; Сваровская Е.Б., Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Философия и социология. Новосибирск, 1996. № 1.
- ⁵ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 121, 33, 26, 127–231 (англ. изд.: Rawls J.B. A Theory of Justice. Cambridge. Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. 1971).
- ⁶ Политическая наука: новые направления. М., 1999; Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Зарубежная политология в XX столетии. М., 2001; Бойцова О.Ю. Власть нормы и норма власти: о специфике нормативного подхода в западной политической науке XX в. М., 2004.

Подписка на 2012 г.

на журнал «Обозреватель – Observer»

в каталоге «Газеты и журналы»

агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Демократия В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ

Существо демократии в западной политической мысли
конца XX – начала XXI века

Андрей Сытин

О теории демократии

Демократические процедуры стали сегодня признанными нормами политической жизни, однако достижение действительно демократического по своей сути политического процесса остается нелегкой задачей. Кроме того, демократия в принятых формах не есть универсальный порядок, годный для любых обстоятельств. Напротив, ее жизнеспособность прямо зависит от способности находить решения, адекватные задачам, которые ставит время. Поэтому представляет непреходящий интерес и опыт мировой политической мысли на сей счет, тем более, что он от-

личается большим разнообразием и богатством.

У нас немало уже написано о теориях демократии – элитистских, партиципаторных, процедурных, согласительных и т.п.

Различия между ними действительно остаются существенными. Однако в противоборстве разнообразных концепций происходит общее развитие представлений о демократии, ее существовании, необходимых основаниях, условиях эффективного функционирования, перспективах совершенствования. Предметом статьи является не развитие демок-

СЫТИН Андрей Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: a_sytin@mail.ru

Ключевые слова: демократия, политическая мысль, развитие, вызовы времени, глобализация, средства массовой информации, манипулирование, политическая культура, информационная революция

ратической теории по всем азимутам, а лишь наиболее примечательная эволюция теоретических представлений в западной политической мысли конца XX –

начала XXI в. о самом существовании демократии, о том, что отличает ее от иных политических режимов и типов политических систем.

Развитие представлений о существовании демократии в XX в.

Еще с античных времен немало о демократии было написано немало, однако интерес к ней в XX в. носит, без сомнения, беспрецедентный характер.

Думается, это обусловлено, во-первых, тем, что в ней возникла очевидная потребность, вызванная как развитием и усложнением самого политического процесса, так и ростом образовательного уровня граждан.

Во-вторых, потребность в демократии была усилена жестокостями и злоупотреблениями тоталитарных режимов, характерных для первой половины XX в.

В-третьих, возникли и небывалые возможности изучения реального политического процесса, связанные с возникновением и развитием политической науки, обогащенной значительным арсеналом специальных исследовательских методов.

Распространенный взгляд, что, как только стало можно проводить серьезные исследования, тут же выяснилось, что демократия вовсе не власть народа, а лишь совокупность определенных процедур и что эта позиция и есть единственная «современная», согласуемая с научным подходом, не совсем верна.

Однако в области взглядов на демократию всегда можно говорить о различных соперничающих концепциях.

В первой половине XX в. возникли влиятельные элитистские концепции –

В.Парето, Г.Моски, Р.Михельса, М.Ост-рогурского и др.

Они получили значительную популярность, и авторы концепций демократии не могли этого не учитывать. К тому же расширяющийся практический опыт демократии говорил о том, что элиты при так называемом демократическом строе отнюдь не утрачивают своего политического значения. Под влиянием этого возникают концепции «*демократического элитизма*» (Й.Шумпетера, К.Поппера и других авторов; в определенном смысле к «демоэлитистским» доктринам можно отнести и концепцию «плебисцитарной демократии» М.Вебера), трактующие демократию как власть элит, ограниченную лишь возможностью для избирателей время от времени делать выбор между конкурирующими элитами.

Доктрины «демократического элитизма» больше, чем «классические» нормативные схемы, учитывали реальный характер политической жизни западных стран*. Однако в них в очень значительной мере терялась «народная перспектива», составляющая весьма важную часть демократии как ценности и идеала. Действительно, политическая роль народа в этих концепциях сводилась, по существу, к эпизодам.

В то же время существовали и совсем другие концепции. Однако противоборство различных концепций демократии

* Необходимо заметить, что назвать доктрины «демократического элитизма» в полной мере «эмпирическими» или «дескриптивными» было бы не совсем правильным, поскольку и формулируемые ими представления о демократии претендовали в известной мере на статус нормативных.

всегда так или иначе касалось максималистской характеристики демократии, сформулированной еще в середине XIX в. президентом США Авраамом Линкольном: «Правление, исходящее от народа, осуществляемое народом и в интересах народа»¹. При этом, как правило, не оспаривался ни политико-философский принцип «правления, исходящего от народа», т.е. представление о народе как принципиальном источнике современной государственной власти, ни то, что правление должно осуществляться в интересах народа (с этим, по крайней мере в теории, вполне согласились бы и главы диктаторских режимов).

Главным предметом дискуссий был линкольновский принцип *government by the people* – правления, осуществляемого самим народом, т.е. вопрос о народе не как принципиальном источнике власти, а как реальном субъекте политического управления.

В этом отношении концепциям «демократического элитизма» противостояла, например, концепция «функциональной демократии» теоретика гильдейского социализма Джорджа Коула, который не отрицал роли политического представительства, однако считал, что принятая территориальная форма во многом выхолащивает его смысл.

Экономическая власть, по его мнению, первична по отношению к политической власти, и важнейшие реальные объединения людей – это ассоциации производителей и потребителей, выполняющие важные общественные функции. Такие ассоциации (фабрики, понимаемые как коллективы, образующиеся по месту работы, гильдии) должны, согласно концепции Дж.Коула, в своей деятельности руководствоваться принци-

пами рабочего контроля и самоуправления, а на государственном уровне быть представляемыми в органах управления. Что же касается индивидуального избирателя, то он должен иметь столько голосов, сколько есть групп вопросов (или функций), решение которых затрагивает его интересы (отсюда – «функциональное представительство»)².

Важнейшее здесь – стремление распространить демократические принципы на область промышленности и в целом – трудовой деятельности людей. В эти же годы стали популярными различные варианты концепции «промышленной демократии» и шире – идеи продвижения демократических принципов фактически во все области человеческой жизни и деятельности.

Не менее важно, что еще в период между двумя мировыми войнами была сформулирована и получила известное распространение концепция «демократии как образа жизни» крупнейшего американского мыслителя Джона Дьюи*.

Главная идея Дьюи состояла в том, что демократия в политической жизни не может существовать, не будучи укорененной во всей жизни человека и общества, и потому важнейшая задача – утвердить демократию как личный образ жизни гражданина. Только тогда демократия в политике получит необходимую опору.

«Ответственность личности, индивидуальный почин – вот интонации демократии, – писал Дж.Дьюи. – Демократия – ничто без изначального внутреннего побуждения, без внутреннего выбора идеала и без свободного внутреннего следования ему»³.

К демократическим установкам личностного сознания он относил веру в

* Концепцию «демократии как образа жизни» в общих чертах разделяли также, например, Сидни Хук и датский теолог Халь Кок.

возможности человеческой природы, в равенство прав людей на реализацию и развитие своих способностей, в способность людей к разумному суждению и действию, в возможность полезного общения и сотрудничества между людьми, в возможности реального человеческого опыта.

Демократия, по Дьюи, не может быть однажды создана и затем лишь поддерживаться соблюдением определенных процедур. Чтобы оставаться живой, она должна «пересоздаваться» снова и снова как непосредственный и повседневный образ жизни все новых поколений граждан.

После Второй мировой войны, в особенности начиная с середины 50-х годов, вопросы оснований и функционирования демократии впервые стали предметом специальных научных исследований, преимущественно с помощью методологии бихевиорализма⁴.

Эти исследования показали, в частности, довольно низкий интерес граждан к политике. Одним из результатов этого стало возникновение новых минималистских концепций демократии.

Так, например, принадлежавший в эти годы к флорентийской школе политических исследований Дж.Сартори в книге «Демократия и дефиниции» во вполне шумпетеровском духе определял демократию как «этико-политическую систему, в которой влияние большинства доверено власти соперничающих меньшинств»⁵.

Американские политологи Г.Алмонд и С.Верба, сформулировавшие ставшую впоследствии знаменитой классификацию типов политической культуры, выше других типов поставили тот ее тип, который они называли «гражданской культурой».

Такая культура, по Алмонду и Вербе, является культурой участия, но несет в себе и черты культур «прихожанина» и

«подданного». Граждане, обладающие такой культурой, считают политическое участие имеющим смысл, однако сами, как правило, в политической жизни не участвуют. По наблюдению Алмонда и Вербы, для таких людей политическое участие «не является ни основным их занятием в свободное время, ни главным источником удовлетворения, радости и волнения»⁶. По мысли авторов исследования, в этом нет угрозы для демократии, поскольку «бездеятельность обычного человека и его неспособность влиять на решения помогают обеспечивать правительственные элиты властью, необходимой для принятия решений»⁶.

Однако чем дальше отходили от идеалов «власти народа» авторы минималистских концепций, тем более радикальными становились и оппонировавшие им доктрины. В указанный период складываются и получают значительную популярность уже всеобъемлющие концепции «*демократии участия*», связанные с именами Э.Фромма, П.Бахраха, К.Макферсона, К.Пейтмена и других авторов.

При большом количестве вариантов этих концепций, пожалуй, главная их идея состояла в том, что представительные институты на общенациональном уровне и выборы в них не являются гарантией демократии и что для эффективного политического участия граждан нужна их «социальная подготовка» в других сферах. Отсюда, по мнению авторов этих концепций, вытекала необходимость равноправного участия граждан в принятии решений по всем вопросам, которые затрагивают их интересы. Что же касается «угрозы для стабильности системы», якобы заключенной в таком участии, то, по мнению, например К.Пейтмена, «массовое участие развивает и стимулирует именно те качества, которые необходимы для стабильности»⁷.

В целом важной стороной этих концепций стала идея «человеческой эффективности» политического участия, его важной роли для воспитания в людях чувства государственной ответственности и всех необходимых качеств гражданина. На обвинения же в возведении в культ некомпетентности К.Пейтмен, в частности, отвечала, что, чем больше люди принимают участие в политике, тем лучше они это делают.

Для этих лет характерно и развитие занимающих промежуточное положение между минималистскими и максималистскими взглядами на демократию доктрин «плюралистической демократии», особенно в варианте концепции «полиархии», связанной с именем Роберта Далея.

Эта концепция, основанная на идее множественности центров реальной власти в обществе, направлена на преодоление крайностей как максималистских, так и минималистских доктрин и

ориентирована не на какие-либо абсолютные идеалы, а на то, что может быть реально достигнуто в современном обществе. Одно из положений Р.Далея связывает полиархию (как реально достижимую в современном мире форму демократии) с социальными процессами, благодаря которым рядовые граждане получают возможность контролировать своих лидеров⁸.

Р.Даль, несомненно, отличает свою концепцию от радикальных концепций «непосредственной власти народа», однако он не признает и минималистских доктрин, полагая, что доктрины, не предполагающие хотя бы контроля граждан над элитами, не имеют отношения к демократии. Важно также, что Р.Даль специально разрабатывает вопросы о критериях демократического процесса при принятии решений на любом уровне, о минимально необходимых институтах полиархии и ее необходимых внеконституционных предпосылках⁹.

Новые вызовы и поиск адекватных ответов на них на рубеже XX–XXI веков

Период конца XX – начала XXI в. характерен существенными новыми явлениями в мировой общественной жизни. Среди них – глобализация и ее социально-политические последствия, значительное увеличение роли средств массовой информации в общественной жизни, информационная революция, распад Советского Союза и изменение всей конфигурации системы международных отношений, явления «цветных революций», мощные волны демократизации и их некоторое попятное движение, финансовые кризисы, опасное усиление международного терроризма...

Все эти факторы заставляют переосмысливать многие сюжеты, связанные с теорией демократии.

Прежде всего это связано с тем, что практические задачи демократизации

по-иному ставят задачи перед демократической теорией. Одно дело – говорить о том, что означает демократия в принципе, и совсем другое – отвечать, например, на вопросы о том:

- что значит сформировать работающую демократическую политическую систему;

- что для этого безусловно необходимо;

- как добиться ее укрепления и устойчивости;

- каковы могут быть критерии относительной завершенности процесса формирования демократии и т.п.

Проблемы, которые ставит время, заставляют операционализировать весь запас имеющихся средств изучения демократии. Эта операционализация, разумеется, влияет и на теоретические

представления о самом существовании демократии.

Так, одним из фундаментальных фактов социально-политической жизни конца XX в. является значительное усиление влияния средств массовой информации на политический процесс. Влияние это в целом довольно противоречиво.

Несомненно, благодаря значительному развитию СМИ мы читаем, видим и слышим о политической жизни значительно больше, чем это было когда-либо прежде. В то же время СМИ становятся как бы универсальным посредником между гражданином и миром политики, и это открывает невиданные еще возможности манипулирования политическим сознанием граждан.

В эти годы в работах философов и социологов, например Дж. Сартори, появляется важный акцент, направленный против основанной на манипулировании *псевдодемократии*.

«Власть выборов, – пишет Сартори в книге «Возвращаясь к теории демократии», – это механическая гарантия демократии; действительная же гарантия создается условиями, в которых гражданин получает информацию и оказывает под воздействием тех, кто создает общественное мнение... Свободные выборы с несвободными мнениями ничего не выражают»¹⁰.

Выраженная Дж. Сартори идея на рубеже веков становится одной из центральных для целого направления в трактовке демократии (связанного, в частности, с работами Г. Шиллера, Р. Гудина, П.-И. Шереля), смысл которого можно обозначить антитезой «демократия против манипулирования».

Центром внимания для этого направления стали особенности процесса *формирования* мнения граждан, получающего затем выражение в голосовании. В частности, Пьер-Ив Шерель об-

ратил внимание на проблему роли средств массовой информации как фактически универсального посредника между гражданами и миром реальной политики. Фактически граждане, по мнению Шереля, испытывая потребность составить мнение о происходящем в политике, практически целиком зависят от содержания информации СМИ и характера ее подачи (написано это Шерелем еще до широкого распространения Интернета).

Согласно Шерелю, эта информация «не может выйти из властного поля, точно так же как вращение планет определяется всемирным тяготением... Информация дается потребителю лишь потому, что служит интересам ее распространителя или по крайней мере не вредит им, подчиняясь определенным условиям». Поэтому, по убеждению Шереля, «если свободное формирование мнения – нерушимый принцип демократического контракта, то ясно одно: в школьных программах для будущих граждан нужно отдать абсолютный приоритет изучению законов массовой информации... Качество мнения граждан обуславливает качество демократической жизни в любой стране или социальной группе, являясь целью борьбы всех претендентов на власть»¹¹.

Максималистские концепции демократии также получили в этот период значительное развитие, связанное, в частности, с работами Б. Барбера, Дж. Мэнсбридж, К. Гулд, Ф. Грина.

Бенджамен Барбер в книге «Сильная демократия: политика участия для новой эпохи»¹² подверг критике существующую ныне представительную демократию за то, что в ней происходит отчуждение граждан от политической власти и друг от друга, и противопоставил ей модель *сильной*, по его выражению, демократии, укорененной во всей общественной жизни и основанной на низо-

вом самоуправлении и массовом политическом участии. В такой общественной системе, по проекту Барбера, гражданам перестали бы быть лишь частными лицами, исходящими из своих частных интересов, и обрели бы способность возвыситься до понимания и защиты интересов сообщества. В целом «сильную демократию» Барбер описывал как правление образованных граждан.

Джейн Мэнсбридж характеризовала современную западную систему как «конфликтную демократию», каждый шаг которой, по ее выражению, совершен насилем над иным, более древним пониманием демократии¹³. Это более древнее понимание, по Мэнсбридж, есть идея «унитарной», или консенсусной, демократии, основанной на принципах взаимного согласия, общности интересов и дружеских взаимоотношениях членов общества. Впрочем, Мэнсбридж не отрицала «конфликтной демократии» в принципе и лишь предлагала дать возможность использовать элементы «унитарной демократии» на низовом уровне.

В 90-е годы идеи прямой демократии получили новый импульс и в связи с развитием телематики и электронных сетей. Действительно, компьютеры и электронные сети резко расширили возможности мгновенных опросов общественного мнения, обсуждения проблем в режиме телеконференций, массового голосования по обсуждаемым вопросам. Фактически важные элементы прямой демократии, считавшиеся невозможными в крупных обществах и государствах, пожалуй, еще со времен Ш.Л. Монтескье и Дж. Мэдисона, с изобретением компьютеров и электронных сетей вдруг вновь стали в принципе возможными. Однако, хотя возможностям «электронной демократии» посвящается сейчас весьма много работ, наличие технических возможностей вовсе не обязательно означа-

ет изменение властной конфигурации современной политики.

90-е годы принесли и новые вызовы демократии, связанные в первую очередь с процессами глобализации, изменением системы международных отношений, международным терроризмом. Международные факторы стали, пожалуй, наиболее серьезным испытанием для демократических идей. Ведь для демократии, согласно, например, Д. Расту¹⁴, необходимо прежде всего сообщество граждан, твердо сознающих свое единство и идентичность, а когда в результате глобализации стало снижаться значение национальных государств, то это важнейшее условие демократии подверглось размыванию.

Сегодня многие решения, от которых зависят судьбы людей, принимаются помимо национальных государств (например, в штаб-квартирах транснациональных корпораций). И, если на уровне государств были выработаны важные механизмы демократического контроля над властью, то на уровне ТНК или, скажем, международных финансовых институтов такого контроля не существует, а реальная власть этих организаций очень велика. Поэтому, несмотря на ее категоричность, трудно не согласиться с мнением Норберто Боббио, что «демократия будущего может быть только международной. В противном случае это будет не демократия»¹⁵.

Как отмечает Дэвид Хелд, сегодня демократия в национальном государстве требует демократии и в сети пересекающихся международных отношений¹⁶. Однако реальные механизмы возможного установления демократического контроля за деятельностью международных структур пока еще далеко не ясны.

В последние годы XX в. значительное распространение и популярность получили также различные варианты кон-

цепции «*делиберативной демократии*» (от лат. *delibere* – продумывать, взвешивать, обсуждать).

По отношению к минималистским и максималистским доктринам эта концепция носит компромиссный характер. По замыслу ее авторов¹⁷, *делиберативная демократия* должна соединить процесс поиска истины с процессом подготовки политических решений.

Центральным звеном подготовки решений в этой системе авторам концепции представляется *дискурс* – свободная дискуссия всех заинтересованных лиц, осуществляемая в условиях широкого, активного, децентрализованного участия и отвечающая требованиям рациональности. Таким образом, политические решения должны становиться результатом широкой рациональной дискуссии.

Несомненно, в этой концепции есть черты утопизма, однако поиск рационального компромисса, способного соединить преимущества минималистских и максималистских концепций демократии, представляется весьма важным.

На начало XXI в., несмотря на многочисленные серьезные вызовы по отношению даже к минималистски трактуемой демократии, новый импульс получают также всеобъемлющие дьювианские идеи демократии как образа жизни, в частности, в концепции «*демократии как формы жизни*» Дж.Дж.Стура¹⁸.

Важно, что Дж.Дж.Стур наследует и ту важнейшую дьювианскую идею, что в соответствии с изменениями в общественной жизни и культурных условиях демократия должна постоянно изменяться и обновляться.

Некоторые выводы

В XX в. потребности в демократизации общественной жизни и развитие исследовательского аппарата привели к широкомасштабным исследованиям проблематики, связанной с демократией. Это, в свою очередь, привело к значительному развитию теоретических представлений о ней.

Вызовы демократии на рубеже XX–XXI вв. в определенной степени ставят под сомнение сами перспективы ее существования. Одновременно это вызывает дальнейшее развитие исследований по проблематике демократии.

Важнейшее развитие представлений о демократии в XX в. и на рубеже столетий состоит в том, что сегодня демократию, при всей разнице взглядов пишущих о ней авторов, фактически уже нельзя представить лишь как систему институтов и совокупность однажды установленных процедур.

Не менее важны для ее реального установления и сохранения активность граждан, образование и развитие культуры, которые способны превратить демократию в живое и непрерывно развивающееся явление, в повседневный образ жизни человека и общества в целом.

Примечания

¹ Lincoln A. On Self-Government // Rejai M. Democracy: the Contemporary Theories. N.Y., 1967. P. 71; Wills G. Lincoln at Gettysburg: The Words that Remade America. N.Y., 1992.

² Коль Г. Гильдейский социализм. М., 1925.

³ Дьюи Дж. Этика демократии // Полис. 1994. № 3. С. 29–30.

⁴ Lipset S. M. Political Man. Garden City, 1960.

⁵ Sartori G. Democrazia e definizioni. Bologna, 1972. P. 11.

- ⁶ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. 2. С. 605, 606.
- ⁷ Цит. по: Теория и практика демократии. Избранные тексты: Пер. с англ. / под ред. В.Л.Иноземцева, Б.Г.Капустина. М., 2006. С. 35.
- ⁸ Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992. С. 8.
- ⁹ Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992; Он же. Демократия и ее критики. М., 2003; Он же. Полиархия: участие и оппозиция. М., 2010.
- ¹⁰ Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, 1987. Part 1. P. 87.
- ¹¹ Шерель П.И. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений // Полис. 1993. № 6. С. 100, 102.
- ¹² Barber B.R. Strong democracy: participatory politics for a new age. Berk., 1984.
- ¹³ Mansbridge J.J. Beyond adversary democracy. Chi., 1983.
- ¹⁴ Расстоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
- ¹⁵ Цит. по: Лобер В.Л. Проблема демократии в политической философии Норберто Боббио // Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. Сб. статей / отв. ред. П.А.Цыганков. М., 1992. С. 210.
- ¹⁶ Хелд Д. Демократия, национальное государство и глобальная система // Современная политическая теория / авт.-сост. Д. Хелд. М., 2001.
- ¹⁷ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. Гл. V. Что такое «делиберативная политика»?
- ¹⁸ Стур Дж. Дж. Открывая демократию заново // Полис. 2003. № 5, 6.

Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Реализация принципов международного права в миротворческих акциях

Сергей Тишков

В современных условиях правовые основания урегулирования внутригосударственных межэтнических конфликтов с использованием миротворческого потенциала Организации Объединенных Наций (ООН), международных институтов и международных неправительственных организаций имеют очень большое значение, так как выбор любого решения, путей и механизмов его реализации должны соответствовать принципам международного права.

Новые подходы мировой политики и реализация доктринальных принципов международного права

Геополитические катаклизмы начала XXI в. оказали значительное влияние на мировую политику. Разрыв между признанными нормами международного права и реалиями нового миропорядка стал заметнее. Ярким примером новых подходов является политика мирового сообщества, ведомого США, по отношению к Косово, по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии,

по урегулированию внутригосударственного конфликта в Ливии.

Одной из основных проблем при рассмотрении возможности проведения миротворческих акций и развертывания миротворческих миссий под эгидой ООН или региональных организаций коллективной безопасности в урегулировании внутригосударственных конфликтов является вопрос о противоречии

ТИШКОВ Сергей Александрович – кандидат политических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России, полковник полиции. E-mail: stishkov@list.ru

Ключевые слова: ООН, миротворчество, международное право, территориальная целостность, самоопределение.

между доктринальными принципами международного права – принципом территориальной целостности* и принципом права на самоопределение.

Анализ внутригосударственных конфликтов в Европе и Африке показывает, что стороны вооруженных межэтнических конфликтов, которые не нашли окончательного разрешения, продолжают упорно апеллировать к наиболее выгодному для себя международно-правовому принципу: территориальной целостности государств или праву народов распоряжаться своей судьбой¹.

Предсказуемой реакцией государства на коллизию указанных принципов, как правило, является защита своей территориальной целостности. По мере понимания невозможности совместного существования в границах одного государства приходит осознание прав самоопределяющихся народов, признание их стороной в конфликте. При этом лидеры этнических или религиозных движений внутригосударственных конфликтов, как правило, настаивают на праве наций на самоопределение, но, придя к власти, часто отдают приоритет принципу территориальной целостности государств.

В современной истории есть немало примеров, когда преобладает то первый, то второй принцип. Особенно сложными являются случаи, когда внутригосударственное движение за самоопределение подпитывается межконфессиональными противоречиями, борьбой за природные ресурсы или опирается на поддержку извне.

Согласно существующим правовым принципам, в качестве основополагаю-

щего документа урегулирования внутригосударственных межэтнических конфликтов может служить Международный билль о правах человека². Первые статьи входящих в него документов закрепляют положение, что все народы имеют право на самоопределение и в силу этого права они свободно определяют свой политический статус. Данное положение также закреплено п. 2 ст. 1 Устава ООН, подчеркивающее фундаментальное значение принципов равноправия и самоопределения народов³. Указанные документы дают исчерпывающее определение права наций на самоопределение и обязательны для выполнения всеми странами-членами ООН. Основополагающий характер перечисленных документов зафиксирован и в принципе «добросовестного выполнения обязательств по международному праву» и Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятого в Хельсинки 1 августа 1975 г.⁴

Такая взаимосвязь двух принципов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельные, не является случайной. Не могут считаться равноправными народы, если одни из них обладают государственностью и независимостью, а другие – нет. То же касается и самоопределения: поскольку все народы имеют на него равные права, то любые самоопределяющиеся нации и народности вправе рассчитывать на признание своей государственности.

Всесторонний анализ хельсинкского Заключительного акта показывает несостоятельность утверждений о том, что он юридически закрепляет факт преоб-

* Некоторые авторы предлагают использовать термин «принцип соблюдения или уважения территориальной целостности государства». (Остроухов Н.В. Принцип территориальной целостности государств в системе принципов Устава ООН. Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы теории и практики // Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Орел: ОРАГС, 2009. С. 140).

ладания принципа территориальной целостности над принципом права на самоопределение при урегулировании внутригосударственных конфликтов. Данный документ утвердил, что все «принципы имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других»⁴.

Рассматривая применение принципов нерушимости границ и территориальной целостности государств к урегулированию межэтнических конфликтов, ряд ученых-международников делают вывод о том, что данные принципы преимущественно распространяются на отношения между государствами как участниками международных отношений.

По мнению Т.Торосяна, при рассмотрении внутригосударственного межэтнического конфликта «право наций на самоопределение не имеет отношения к проблеме нерушимости границ между двумя государствами. Оно касается процессов, происходящих внутри одной страны, где государство является только одной из сторон конфликта»⁵. По мнению автора, применительно к конфликту в Нагорном Карабахе азербайджанские власти упорно и целеустремленно стараются представить данный конфликт как конфликт между Азербайджаном и Арменией. Таким образом, акцент межэтнического противоречия переносится из внутригосударственной сферы в межгосударственную, что снижает значимость принципа самоопределения народов Нагорного Карабаха.

Интересный подход к данной проблеме сформулирован М.Делягиным, который основывается на простом, понятном и демократичном критерии выбора между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение⁶. Если борющийся за са-

моопределение народ на протяжении относительно длительного исторического периода доказал свое право на самостоятельность или стремление соединиться с другим государством, то нельзя сломить его волю, выраженную легитимным и демократичным путем. В данных условиях применение силы для поддержания территориальной целостности государства неизбежно приведет к эскалации конфликта и росту напряженности в регионе (что и произошло в результате агрессии Грузии на территорию самопровозглашенной Южной Осетии в августе 2008 г.).

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) подтверждает, что независимость и отделение региональной территории от государства могут быть достигнуты только посредством легитимного и мирного процесса, основанного на демократической поддержке населения данной территории. ПАСЕ рассматривает занятие чужой территории как грубое нарушение взятых страной – членом Совета Европы обязательств и подтверждает право безопасного возвращения в свои жилища перемещенных лиц⁷.

На практике политическая стабильность государства может достаточно успешно поддерживаться благодаря принципу территориальной целостности. При этом право наций на самоопределение может быть реализовано посредством культурной автономии, различных федеративных и конфедеративных государственных структур, национально-территориальных единиц, имеющих различные уровни интеграции и делегирования. В качестве условий приемлемости данного статуса рассматриваются уровень доверия между народами, гарантии равных конституционных прав и свобод, доверие к государственной власти, демократичность государственного управления.

В качестве примеров цивилизованного урегулирования национальных проблем можно рассматривать Канаду и Испанию. Итоги референдума 1995 г. в провинции Квебек показали, что франкоязычное население доверяет государству, в котором проживает. Квебек остался канадской провинцией со статусом «особого общества». Расширение автономии Каталонии до отдельного национального образования внутри страны также подтверждает идею о том, что самоопределение не сводится только к обретению независимости⁸.

Рассматривая данный вопрос, В.Казимиров пишет, что на современном этапе ссылки на хельсинкский Заключительный акт СБСЕ несостоятельны по ряду причин. Этот документ принят в середине 70-х годов для закрепления международно-правовой базы баланса двух центров силы, обладавших ядерным потенциалом, а конец XX в. стал периодом активного распада существовавших и образования новых государств¹.

По нашему мнению, связь хельсинкских принципов со своим временем не означает, что у них нет исторического будущего. Эпоха, регион, конкретная политико-экономическая обстановка имеют важное значение при применении указанных принципов международного права, так как не существует международных процессов и событий вне конкретных обстоятельств.

При применении данного документа необходимо иметь в виду, что ни один из принципов Заключительного акта не абсолютен. Например, абсолютность принципа территориальной целостности была развенчана быстрым распадом

таких государств, как СССР, Югославия, Чехословакия.

Также следует учитывать, что ключевую роль в принятии того или иного решения может сыграть политическая воля или стремление к мировому господству сверхдержав и политических блоков. В ходе урегулирования внутригосударственных политических конфликтов в СССР и Югославии наряду с общепризнанными принципами международного права проявились и другие факторы, обусловленные геополитическими интересами США и влиятельных европейских стран.

События в бывшей Югославии сопровождались беспрецедентным внешним вмешательством вплоть до вооруженной агрессии. По отношению к Сербии страны Запада, ведомые США и НАТО, откровенно проводили политику двойных стандартов. Когда речь шла о территориальной целостности Сербии, Запад продемонстрировал ранее нетрадиционную для него приверженность «идеологии самоопределения», при этом право Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины на присоединение к существовавшей в то время части союзной Югославии было решительно отвергнуто⁹.

Примером выраженного политического подхода к решению данной проблемы можно считать мнение бывшего специального представителя ЕС в странах Южного Кавказа П.Сэмнеби о том, что принципы территориальной целостности и самоопределения наций на практике часто входят в противоречие друг с другом, но это не значит, что применение данных принципов невозможно и их нельзя комбинировать⁵.

Косово – торжество идеи национального самоопределения?

Самым серьезным стимулом к переосмыслению реального соотношения понятий «территориальная целост-

ность» и «национальное самоопределение» послужило драматическое развитие событий в Косово. В случае с про-

возглашением независимости автономным краем Косово воля албанского народа к самоопределению была поставлена во главу угла, несмотря на попытки сербских властей решить конфликт политическими средствами. Именно стремление Косова к независимости, а не предложения Белграда о широкой автономии было положено в основу плана спецпредставителя Генерального Секретаря ООН по Косово М.Ахтисаари. Таким образом, этот населенный преимущественно этническими албанцами край в составе Сербии получил независимость из рук международного сообщества. В плане Ахтисаари подчеркивается многонациональный характер нового государственного образования, который власти Косова должны не только уважать, но и воспринимать как новый Основной закон¹⁰. В действительности и албанское, и сербское население рассматривает рождение независимого Косова как триумф этнического принципа над государственным.

И если такую модель разрешения внутригосударственного межэтнического конфликта применять в дальнейшем, то можно обосновать бесконечное дробление любого государства на этнические составляющие.

Резкое обострение ситуации в районе г. Косовска-Митровица в 2011 г. и результаты референдума, проведенного в феврале 2012 г. в четырех муниципалитетах севера Косова, показывают, что провозглашение независимости не снизило остроты политических, этнических и религиозных проблем в крае. Поэтому анализ возможного развития событий поднимает новые вопросы: «как мировое сообщество отреагирует на требования сербского меньшинства Косово о реализации своего права на самоопределение? готово ли мировое сообщество поддерживать идею независимой косовской Митровицы или присоединение северной части Косова к Сербии?

Поэтому при урегулировании внутригосударственных межэтнических конфликтов необходимо четко разграничить цели применения принципа самоопределения: имеет ли место восстановление независимости некогда существовавших и угнетенных национальных государственных образований или происходит контролируемое извне создание этнических государств.

Этнические подходы, или «политика в интересах меньшинств», уже применялись в прошлом, но не приносили желаемых результатов. Поэтому необходимо признать, что Косово создало политический и международно-правовой прецеденты.

Оформление независимости Косова де-юре делает парадоксы реальной политики по национально-территориальной проблеме слишком очевидными. Признавая независимость Косова, страны Запада в наказание «деспотичного националистического режима» Сербии способствовали отторжению от нее части территории. В дальнейшем та же группа влиятельных государств поддержала угодный им «демократический режим» Грузии в отношении реализации права на самоопределение народов Абхазии и Южной Осетии после пятидневной кавказской войны 2008 г.

Международное право не содержит норм, которые бы ограничивали суверенное право на признание другого государства, возникшего в результате самоопределения. Отсутствуют и нормы, препятствующие признанию нового государственного образования, если последнее отделяется от другого государства, невзирая на его несогласие.

В данном случае феномен «политического прецедента» сводится к принципиальным вопросам:

– возможно ли обретение независимости без согласия государства, от которого отделяется новообразованное;

– какова роль международного сообщества и его флагмана ООН в данном процессе;

– что станет с авторитетом ООН в вопросах миротворчества и урегулирования внутригосударственных межэтнических конфликтов.

Поиск легитимных и эффективных путей выхода из складывающихся кризисных ситуаций должен стать приоритетной задачей ООН и мирового сообщества в целом. Невнятная позиция ООН по данной проблеме, на наш взгляд, явилась продолжением политики, проводи-

мой организацией на протяжении последних десятилетий под диктовку США и НАТО и значительно снижающей ее авторитет на международной арене.

Не вызывает сомнений вывод о том, что международно-правовую базу урегулирования внутригосударственных межэтнических конфликтов должны составлять доктринальные принципы международного права с четким разграничением сфер их применения с учетом исторических, политических и религиозных особенностей конфликтной ситуации.

Международное право или реальная политика?

В современном мире все очевиднее существующее противостояние между принципами международного права и реальной политикой.

Мировое сообщество заинтересовано в мирном урегулировании внутригосударственных конфликтов, в максимальном уважении прав человека и соблюдении норм международного гуманитарного права. К сожалению, ливийские события позволяют утверждать о глубоком кризисе международного права¹¹. Поэтому применительно к внутригосударственным конфликтам международные организации, ведомые ООН, должны последовательно настаивать на прямой увязке любого из двух рассматриваемых принципов с категорическими требованиями мирного решения споров и незыблемостью государственного суверенитета¹².

Внешнее силовое вмешательство в урегулирование внутригосударственных конфликтов, основанных на прин-

ципе самоопределения, превращение территории, связанной с этими процессами в объект оккупации, недопустимо. Именно таков смысл принципа территориальной целостности и нерушимости границ как составляющих принципа суверенитета применительно к ситуациям самоопределения.

При согласии самоопределяющегося народа на автономию, оставляющую неприкосновенными государственные границы, коллизия между рассматриваемыми принципами смягчается. В противоположной ситуации единственным выходом является детальный анализ всех аспектов конфликта. В ходе анализа, на наш взгляд, необходимо четко уяснить допустимость применения и действенность каждого из рассматриваемых принципов в конкретной обстановке. При этом крайне важно разграничить специфику, причины и следствия конфликта*.

* В качестве относительного успеха мирового сообщества можно рассматривать обретение независимости Южным Суданом в результате референдума, проведенного в январе 2011 г. при поддержке ООН.

Но Судан и Южный Судан еще должны уладить многие спорные вопросы, в частности, касающиеся будущего раздела прибылей нефтяной отрасли и урегулирования конфликта в приграничных штатах Судана (Южный Кордофан (район г. Абей) и Голубой Нил), где регулярная армия продолжает воевать с вооруженными группами повстанцев.

Таким образом, в целях выработки действенных международно-правовых основ урегулирования внутрисударственных межэтнических конфликтов целесообразно выработать концепцию соизмерения действенности обоих рассматриваемых доктринальных положений.

По нашему мнению, к факторам, определяющим применимость и действенность того или иного принципа международного права, можно отнести:

- историю и продолжительность пребывания конфликтующих сторон в границах одного государства;

- природу борьбы за самоопределение (движение масс за независимость или движение, спровоцированное экстремистскими структурами) и ее причины;

- наличие дополнительных факторов, стимулирующих движение за самоопределение (межконфессиональные противоречия, борьба за природные, водные или энергетические ресурсы, вмешательство внешних сил);

- динамику этнического состава населения спорной территории и миграционных процессов, наличие беженцев и перемещенных лиц, возможность их возвращения;

- особенности вооруженной стадии конфликта (интенсивность боестолкновений и методы борьбы;

- попытки к мирному урегулированию;

- соблюдение сторонами принятых договоренностей о прекращении огня и нарушение норм международного гуманитарного права);

- наличие реальных атрибутов государственности у стороны, борющейся за независимость, представительность и демократичность ее институтов в сравнении с государством-оппонентом.

Такая совокупность признаков, характеризующих специфику конфликта, может служить относительно объективной оценкой для мирового сообщества.

По мнению В.Казиминова, создание такого «политического атласа конфликта» может состоять из трех основных фаз: разработки общей шкалы критериев конфликтов; определения относительного удельного веса каждого критерия в зависимости от того, насколько он полезен для мирного решения проблемы; наложение этих разработок на конкретный конфликт с учетом региона, особенностей конфликта для выяснения применимости каждого из двух принципов в данных условиях с точки зрения своей действенности¹.

Вызовы современности требуют от мирового сообщества и его флагмана ООН новых подходов к решению проблем внутрисударственных межэтнических конфликтов. Поскольку в ходе современных конфликтов имеющиеся политико-социальные и экономические противоречия часто дополняются и усугубляются религиозной составляющей, то процесс предотвращения и урегулирования внутрисударственных межэтнических конфликтов с выраженной религиозной составляющей целесообразно организовывать с привлечением лидеров конфессий, религиозных организаций, которые могут выполнять консультативные функции при организации политического диалога¹³.

Одним из условий восстановления авторитета ООН является четкое и последовательное соблюдение доктринальных принципов международного права. При этом, по нашему мнению, наиболее перспективным направлением миротворчества является активизация превентивных действий от превентивной дипломатии до превентивного развертывания миротворческих сил. В этих целях ООН (непосредственно через подведомственные организации и фонды или совместно с региональными

организациями коллективной безопасности) должна взять на себя выполнение задачи по составлению долгосрочных прогнозов, организовав постоянный мониторинг, изучение и анализ конфликтных ситуаций в различных регионах мира. Это позволит более эффективно применять существующие нормы международного права для предотвращения межэтнических конфликтов и поддержания мира.

Примечания

- ¹ Казимиров В.Н. Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов» // Россия в глобальной политике. 2007. № 2 // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8403
- ² URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml
- ³ Устав ООН // URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter>
- ⁴ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г. // URL: <http://www.osce.org>
- ⁵ Торосян Т.С. Мнимое противоречие: территориальная целостность или право наций на самоопределение // Россия в глобальной политике. 2007. № 4 // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9224
- ⁶ Деягин М.Г. От глобальных противоречий – к региональным конфликтам // Россия в глобальной политике. 2004. № 5 // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_3957
- ⁷ Резолюция ПАСЕ № 1416 (2005) // URL: <http://assembly.coe.int>
- ⁸ Аксенов А.Г. Самоопределение: между правом и политикой // Россия в глобальной политике. 2006. № 5 // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7426
- ⁹ Вельяминов Г.М. Признание «непризнанных» и международное право // Россия в глобальной политике. 2007. № 1 // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8146
- ¹⁰ Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово. Документ ООН S/2007/168/Add.1 // URL: <http://www.un.org/russian/documen/kosovo/agreements.htm>
- ¹¹ Галицкий В. Международное право по-натовски // Обозреватель-Observer. 2001. № 11. С. 101–108; Пахомов И., Любарская Е. Международное право умерло после агрессии против Ливии // Проектное государство. Портал общественных действий по развитию страны // URL: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/materials/mezd_pravo_umerlo
- ¹² Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного» суверенитета // Среднерусский вестник общественных наук. 2006. № 1. С. 47–55.
- ¹³ Артюшкин В. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России // Обозреватель-Observer. № 2. С. 5–17.

Цивилизационные аспекты развития Европейского союза

Юрий Бойко
Эльмира Садыкова

Понятия «цивилизация» и «цивилизационный подход» при изучении социально-политической и исторической реальности становятся все более популярными, упоминание о них нередко присутствует в выступлениях политических лидеров, общественных, религиозных и культурных деятелей, а также в средствах массовой информации. Как следствие, на практике смыслы указанных понятий нередко варьируются в целях политических манипуляций, для объяснения и прогнозирования тех или иных событий в мировой политике.

Цивилизации, каждая из которых по-своему уникальна и неповторима, в совокупности отражают многообразие мира. Наиболее полное выявление закономерностей динамики и взаимодействия цивилизаций в этих процессах возможно на основе исследования их роли в системе международных отношений.

В условиях возрастания роли культурно-цивилизационных особенностей в современном мире важное место принадлежит геополитическому пространству Европейского союза. В литературе теоретических взглядов существу-

ют различные оценки перспективы европейского пространства в целом.

Немецкий философ и культуролог О.Шпенглер, внесший значительный научный вклад в разработку цивилизационной концепции, писал о том, что

БОЙКО Юрий Павлович – профессор, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. Эксперт Комитета по безопасности Государственной Думы Федерального собрания РФ. E-mail: boykoyp@mail.ru

САДЫКОВА Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России. E-mail: richone@rambler.ru

Ключевые слова: Европейский союз, культурно-цивилизационная неоднородность, мультикультурализм, межкультурный диалог.

Европа в XX в. вступила в период своего заката¹. В известной книге «Закат Европы» (1918–1922 гг.) путем ряда аналогий с культурами прошлого он доказывает неизбежную гибель западной культуры. «...Падение западного мира представляет собой ни более ни менее как проблему цивилизаций¹. Европа давно уже перешла в цивилизационную стадию, и ее окончательная гибель – только вопрос времени»¹.

Этим О.Шпенглер объясняет все кризисные явления, охватившие современное общество. В его теоретических взглядах прослеживается попытка осмысления того обстоятельства, что мировое взаимодействие цивилизаций происходит по принципу монолога, а не диалога.

Английский историк А.Дж.Тойнби, так же как и О.Шпенглер, не разделявший взгляды западных историков об унификации мира на экономической основе Запада², отмечал, что такой подход приводит к грубейшему искажению фактов и к поразительному сужению исторического кругозора².

Эволюция европейской социально-исторической общности прошла целый ряд этапов, каждый из которых оставил после себя глубокий след. Культура Древней Греции и Древнего Рима, христианские каноны – основополагающие ценностные истоки цивилизационной идентичности европейских народов. В основе указанных выводов лежит теоретический подход, основанный на признании цивилизации высшей формой эволюции национальных, государственных культур.

Несмотря на неприемлемость категоричности прогнозов А.Дж.Тойнби и О.Шпенглера, следует выделить ряд узловых проблем, отражающих новые тенденции в объективной реальности геополитического пространства Европейского союза.

На рубеже двух тысячелетий эта крупная региональная организация представляет собой в действующем составе достаточно неоднородную общность с точки зрения культуры, национальностей, религий. За период после подписания в марте 1957 г. Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и их последующего объединения в ЕЭС в 2007 г. число государств-членов ЕС увеличилось с шести до двадцати семи стран.

После распада СССР, когда встал вопрос о вступлении в ЕС новых стран Восточной Европы, многие эксперты предупреждали, что принятие 10–12 новых государств может нарушить функционирование системы управления. Это привело к проведению институциональных реформ³.

Расширение состава Евросоюза привело к обострению интеграционных проблем. Особое значение в этих процессах приобретает цивилизационный фактор. Современная Европа – регион довольно уязвимый и чувствительный к угрозам, связанным с межкультурным конфликтом между США и исламским миром.

Показательной в этом смысле стала статья бывшего федерального канцлера ФРГ Гельмута Шмидта (сентябрь 2002 г.), в которой изложены предложения по стратегии реагирования Европы на развитие конфликта между США и исламским Востоком.

Г.Шмидт, в частности, констатировал, что сотни миллионов мусульман живут в географической близости к Европе, многие – в государствах ЕС. Учитывая это, а также сильное давление иммигрантских потоков из перенаселенных городов Азии и Африки, Европа жизненно заинтересована в недопущении глобального столкновения цивилизаций с исламом. Поэтому Евросоюз должен выступать за диалог и толерантность⁴.

Современная ситуация с миграцией населения государств исламского мира в Европу и взаимоотношения мигрантов с новой средой обитания являются важным фактором влияния на формирование внешней и внутренней политики европейских стран и определение общих координат развития межкультурного взаимодействия.

Как утверждает Хантингтон, «уже в третьей четверти этого века среди населения Европейского союза будут преобладать мусульмане. Конечно, никто не знает, какими они сами станут к тому времени, да и какую эволюцию претерпят отношения между Западом и исламским миром»⁵. Многие из мигрантов интегрируются в общество, принимают европейский образ жизни и европейские ценности – «европеизируются». В их числе есть мусульмане, для которых этот процесс происходит довольно легко, и они без осложнений интегрируются в принимающее светское, секулярное общество⁶. Для другой категории мусульман, воспитанных в исламских традициях, религиозная принадлежность является серьезным препятствием для интеграции в европейское общество, которое они воспринимают как христианское.

Западная Европа выработала несколько основных моделей отношений с иммигрантскими общинами.

Это:

- французская модель ассимиляции, согласно которой иммигранты должны полностью воспринять культуру большинства;

- британская модель мультикультурализма, согласно которой иммигрантам предоставляется право сохранять свою культуру, лишь уважая закон;

- уже ушедшая ныне в прошлое немецкая модель гастарбайтерства, предполагавшая, что большинство иммигрантов в перспективе покинет страну.

Но ни одна модель не помогла преодолеть симптомы опасного разлома, наметившегося в отношениях между основной частью населения и мусульманскими общинами Запады (в первую очередь ЕС) и являющегося в значительной мере выражением имеющихся противоречий между Западом и исламским миром⁵.

Политика европейских стран в отношении иммигрантов основывалась на принципах политкорректности, толерантности в отношении представителей различных культур и религий.

Например, во Франции запрещают демонстрировать в публичном пространстве наглядные символы религиозной принадлежности, в том числе кресты, нательные и наперсные.

В Великобритании перестают отмечать Рождество Христово в школах и детских садах. Возможно, в Конституцию Евросоюза не было включено положение о христианстве как основе европейской цивилизации именно ради иммигрантов из исламских стран.

При этом власти европейских государств осуществляют и «деисламизацию» публичной сферы: например, запрещают, как это сделано во Франции, ношение паранджи (бурки, никаба) на улице и хиджаба – в государственных и муниципальных учреждениях⁶.

Цель подобных действий также понятна. Они направлены на установление единых правил без исключений, которые должны распространяться на всех участников европейского общества независимо от национальной или религиозной принадлежности, страны происхождения, политических взглядов, возраста, пола, сексуальной ориентации и т. д.

Угроза межэтнических, межконфессиональных конфликтов, распространения международных террористических сетей вынуждает Европу искать пути компромисса при решении сложных миграционных проблем. Будущая стабильность Европы во многом будет за-

висеть от того, как континент справится с одним из наиболее сложных вызовов глобализации – качественным и количественным ростом миграционных потоков.

По мнению А.Игнатенко, «политики также обращают внимание на то, что обычно проблему иммигрантов в Европе рассматривают, игнорируя «третью силу» – власти в стране происхождения и исхода – в Турции, Алжире, Пакистане, Афганистане, Иране, Саудовской Аравии и т. д. А они очень активно вмешиваются в процессы, будучи не заинтересованы в том, чтобы выходцы из этих стран интегрировались – «растворились» в принимающем европейском обществе. Неинтеграция и сохранение религиозной «страновой» идентичности – обязательные условия, позволяющие властям соответствующих государств реализацию некоторых внешнеполитических задач»⁶.

В ряде европейских государств обострились различные оппозиционные, включая религиозные, центры.

Руководство Партии исламского освобождения («Хизб ат-тахрир аль-ислами») находится в Лондоне, где был в свое время и офис Усамы бен Ладена как саудовского оппозиционера.

В 2004 г. было принято решение о начале переговоров о членстве Турции в Европейском союзе. Среди государств-членов ЕС существуют неодинаковые позиции по вопросу присоединения Турции к ЕС. В связи с этим обсуждаются проблемы Курдистана и геноцида армян. Турецкая проблема является важной не только с экономической точки зрения. Ее фундаментальная суть лежит в геополитической плоскости, поскольку Турция имеет ряд преимуществ периферийного положения по отношению к европейскому рынку.

В условиях развития динамичных политических процессов Турция на фоне

«пробуксовки» евроинтеграционного курса⁷ придает большое значение ближневосточному вектору внешней политики. По мнению политологов, Анкара стремится убедить Брюссель в том, что после принятия в члены Европейского союза она может способствовать распространению демократии в арабо-мусульманском мире.

В своем выступлении 1 февраля 2011 г. премьер-министр Р.Эрдоган заявил, что «Турция играет роль, которая изменит ход истории и может перестроить регион с чистого листа»⁷.

В рамках концепции «неоосманизма» Турция пытается использовать цивилизационный фактор, стремится к укреплению культурных, социальных и религиозных контактов с арабским миром и усилению своего влияния на Ближнем Востоке, основываясь на историческом прошлом, связанном с Османской империей.

В настоящее время в состав Европейского союза входит 27 государств. К 1 мая 2004 г. к ЕС присоединились 10 новых стран: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Кипр, Мальта.

В январе 2005 г. состоялось очередное расширение Евросоюза – за счет Болгарии и Румынии.

Интеграционный опыт этой бесспорно уникальной региональной модели говорит о том, что в условиях растущей напряженности ключевой задачей для Евросоюза является развитие интенсивного межнационального, межконфессионального диалога.

Так, например, страны Балтии – это сосредоточение различных социокультурных общностей летто-литовцев, эстонцев, восточных (русские, белорусы) и западных (поляки) славян и конфессиональные границы (католиков, протестантов и православных)⁸. Те бывшие советские республики, где проживают преимущественно католики и протестанты, вливаются в западнохристианское конфессиональное пространство.

После вступления в члены ЕС стран Восточной Европы происходит усиление православной религиозной компоненты сообщества.

В этой связи представляется интересной позиция Русской Православной Церкви по вопросам европейской интеграции: «О Европе привыкли думать как о территории, разделенной на католическую и протестантскую сферы влияния. Между тем Европейский союз, который до настоящего момента включал в себя из православных стран только Грецию, с принятием новых членов перерастет границы Западной Европы, и к нему подключатся другие страны, принадлежащие к православной традиции. Как часть западного общества православные диаспоры этих стран уже и ранее участвовали в европейском процессе, теперь же интеграция вовлекает в свою орбиту их национальные государства... Важно, чтобы на Западе осознали, что православные страны Восточной Европы имеют право внести полноценный культурный вклад в строительство общего европейского дома. Специфика православного мировоззрения должна быть отражена в европейском проекте, только тогда он будет привлекателен и для восточнохристианского мира»⁹.

Для европейского общества все более значимой становится проблема его самоидентификации относительно современных культурных и конфессиональных координат. Укрепление стабильных политических и экономических основ интеграционных процессов в новых границах Европейского союза требует также социальной гармонии и мира между разными этноконфессиональными сообществами как на национальном, так и региональном уровнях. С учетом отмеченных выше тенденций развития Европейского союза, укрепления его позиции как одного из «полюсов» будущего мирового порядка все более определяю-

щим фактором является диалог между культурами и цивилизациями.

Сложными являются и процессы формирования интеграционного правового пространства, определение принципов взаимоотношения европейского права и национального права государств-членов Союза. Так, на референдумах во Франции и в Нидерландах (2005 г.) проект единой Конституции ЕС был отклонен.

Многие исследователи уделяют внимание перспективам будущей модели Европейского союза.

Е.П.Бажанов и Н.Е.Бажанова указывают на далекие перспективы создания единого супергосударства на территории современного Европейского союза. «Европейцы вздорили между собой по самым различным поводам: великодержавным, территориальным, экономическим, политическим, династическим. И не в последнюю очередь из-за цивилизационно-культурной неприязни, которая сохраняется до сих пор»¹⁰.

Острым и дискуссионным остается вопрос о цивилизационном единстве США и Европы.

Американские исследователи по вполне понятным причинам отстаивают идею значительной роли США в развитии Европейского союза. На важность этой проблемы обращают внимание и российские ученые

Так, например, В.И.Пантин считает, что новые члены Европейского союза вольно или невольно могут стать «троянским конем» США в Европе, проводником американского влияния и источником противоречий в самом Союзе. В отношении единства Европы и США, об их принадлежности к единой западной цивилизации автор указывает на национально-цивилизационные особенности различных государств и регионов, входящих в состав Европы¹¹.

В.И.Пантин также ссылается на позицию другого исследователя, У.Бека, о природе и характере Европейского союза.

«Несмотря на возникновение множества новых наднациональных структур

Европейского союза, наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики по-прежнему остаются в компетенции национальных государств. Соответственно, возникает не один, а несколько видов универсализма (европейская экономическая политика, европейские экологические стандарты, нормы европейского права и т. п.) в сочетании с многообразием и национально-цивилизационной спецификой («Европа государств», «Европа регионов», «Европа цивилизаций», «Европа христианств»)¹¹.

Позиция Европейского союза как единого центра в мировом геополитическом пространстве с точки зрения формирования нового мирового порядка требует особого внимания к построению новых диалоговых моделей регионального сотрудничества и объединения национально-цивилизационной специфики.

В современной ситуации в Европе особую значимость приобретает формирование адекватной системы ценностей гражданского общества, основанной на этике общественной терпимости, активности, патриотизме, признании и уважении другой культуры и ее представителей. В новых глобальных условиях необходимо определить роли и место всех участников европейского диалога с целью выработки концептуальных основ интеграции.

С конца 40-х годов в Соединенных Штатах и в Европе стала доминирующей политика «плавильного котла» и гражданской интеграции (в различных модификациях). Однако уже в 60-х годах под давлением постмодернизма такая политика постепенно стала все более негативно восприниматься западным общественным мнением, которое тогда не умело отличить насильственную ассимиляцию от добровольной гражданской интеграции. Кроме того, интеграция тогда была еще непоследовательной

и неполной, например, в США она ограничивалась расовой сегрегацией. Эти ограничения должны были быть сняты, однако вместо совершенствования интеграционной политики ее просто отбросили. Такое часто бывало в истории¹².

В истории многих стран «культурная ассимиляция» народов сыграла значительную роль.

Так, например, возникла, в частности, Бразилия, которая в конце XIX в. активно заселялась выходцами из Германии, Италии, Восточной Европы, Японии и стран Средиземноморья. Бразилия представляет «плавильный котел» даже в большей степени, чем США и Канада, где этнические группы еще сохранили свою самобытность и самоидентификацию¹³.

Своеобразная модель решения проблемы этнического, конфессионального, расового многообразия за счет самоидентификации обособленных групп в условиях свободного, демократического государства оказалась неэффективной в новых условиях развития глобальных процессов, хотя на протяжении многих лет идея «плавильного котла» работала, поскольку, на первый взгляд, она содержала вполне рациональный подход: приезжие мигранты, представляющие другие культурные традиции, должны обогащать общее культурное пространство, интегрируясь в новое гражданское общество. Нельзя абсолютно отрицать, что в определенные периоды прошлого столетия люди разных рас и национальностей ассимилировались во французскую, английскую, испанскую культуры и вносили свой вклад в развитие общей культуры независимо от теории «плавильного котла», а в силу объективных причин социальной природы человека.

В.Зорькин выделяет ряд причин, объясняющих, почему на современном этапе цивилизационного развития практика «плавильного котла» не может быть основой для снятия напряженности в многонациональных государствах:

– стремление различных этнических и расовых групп сохранить свою культурно-религиозную и языковую идентичность и социально-экономическое расслоение, имеющее, несмотря на формальное равенство граждан, определенные этнические и расовые акценты;

– растущее недоверие к институтам политической демократии, которые в сегодняшнем сложном мире оказываются везде, включая наиболее развитые страны, сферой манипулирования со стороны властно-политической и экономической элиты¹³.

Он отмечает нежелание значительной части растущего количества мигрантов «переплавляться», поскольку «пласт негативной исторической памяти, накопившийся при реализации “плавильного котла”, даже в наиболее старых и развитых национальных государствах никуда не девается и живет собственной политической жизнью»¹³.

Международный опыт показывает, что нерешенные проблемы социально-экономической, культурной адаптации на протяжении многих лет, могут привести к возникновению ситуаций, подобных массовым беспорядкам, начавшимся во Франции (октябрь 2005 г.) в беднейших кварталах северных пригородов Парижа, населенных преимущественно выходцами из Северной Африки. В этих событиях активную роль сыграло уже второе поколение мигрантов – мусульманской молодежи.

После распада Французской колониальной империи в 50-е – 60-е годы XX в. часть жителей бывших колоний, в том числе из Французского Индокитая, Северной Африки, переехала на территорию Франции. Впоследствии большинство из них получили французское гражданство, а их дети стали французскими гражданами по рождению. К началу 80-х годов значительное число «имми-

грантов» сосредоточилось в так называемых цветных пригородах, где преобладало по происхождению арабо-берберское и африканское население.

Подобные примеры роста протестного потенциала среди иммигрантского населения наблюдаются и в других западных странах. При этом следует отметить, что законодательно в стране дискриминация не закреплена. Следствием новых политических и экономических потрясений является преобладание сепаратистских настроений в целом ряде многонациональных государств в мире.

В. Зорькин указывает: «Страна Басков в Испании и франкофонный Квебек в Канаде с упорством раз за разом ставят вопрос о государственной независимости. А во Франции, когда-то первой начавшей процесс создания современного национального государства, на исторических святынях южных провинций регулярно обновляются огромные сепаратистские надписи типа “Окситания – не Франция”»¹³.

Новые вызовы и угрозы, в том числе рост межэтнических и межрелигиозных конфликтов, расширение сети международных террористических организаций и транснациональной преступности, развитие сепаратистских и экстремистских течений, распространение наркобизнеса, торговли людьми и др., способствуют росту накала напряженности в многонациональных обществах. При этом в ходе развития динамичных глобальных процессов в «плавильный котел» национальных государств продолжают вливаться все новые потоки мигрантов, причем «не желающих или неспособных ассимилироваться и полноценно встраиваться в автохтонную национально-государственную общность»¹³.

В результате происходит сильный разогрев «плавильного котла» под большим напором, и как следствие – угроза трещины и потеря функциональности.

Возникает обоснованный вопрос о возможности практического создания гармоничного многокультурного общества в рамках одного государства в столь сложных и противоречивых условиях глобализации и приемлемости теоретических подходов, изложенные в трудах О.Шпенглера, А.Тойнби, П.Сорокина и других исследователей проблем межкультурного взаимодействия.

Известный американский социолог индийского происхождения Динеш Д'Соуза отвечает на этот вопрос отрицательно. Он перечисляет целый ряд обычаев, которые совершенно несовместимы с западной либеральной культурой, ссылаясь в основном на традиции восточных цивилизаций¹⁴.

Д'Соуза полагает, что единственный выход – придерживаться строгого разграничения личной и общественной сфер деятельности. По его мнению, все культурные группы должны принять систему ценностей западной либеральной демократии, они должны исповедовать западное понимание свободы.

«Америка способна быть многорасовым обществом, но отнюдь не многокультурным обществом... Будущее Америки представляется расово многоликим, но западным по своей культуре», – отмечает Д'Соуза.

Предлагаемый подход по существу означает, что в сфере гражданского общества должно сохраняться единство, основанное на западном понимании свободы и демократии, а в частной жизни разделяться на различные группы по этническому, религиозному, расовому принципу.

Изучение противоречивых особенностей современной фазы общественного развития отчетливо выявляет необходимость радикального изменения политики, основанной на абсолютизации западной модели построения общества. На фоне роста демографических про-

блем в западных странах, являющихся глобальными полюсами миграции, необходима разработка комплексного подхода к модели взаимодействия в этих обществах местного населения с растущим потоком мигрантов, среди которых есть трудовые мигранты, включая и низкоквалифицированную их часть, беженцы и другие категории людей, по тем или иным причинам оказавшиеся на территории чужой для них страны.

Актуальной является проблема толерантности одновременно в трудовой, образовательной, религиозной, культурно-бытовой сферах. При соблюдении этих условий можно рассматривать возможность наступления позитивных последствий взаимодействия между представителями коренного населения и мигрантов.

Вопросы культурной неоднородности национальных государств были предметом теоретических дискуссий на протяжении нескольких столетий их становления и развития, поскольку вопросы взаимодействия различных национальных групп и общностей, проживающих на территории одного государства, относятся к одной из самых чувствительных проблем стабильности государств.

Возрастание конфликтности, порожденной фактическим неравенством мигрантов в европейских государствах, – свидетельство столкновения их интересов с принимающим обществом. Возникает острый вопрос о реальных механизмах государственного управления в условиях культурно-цивилизационного многообразия общества. Динамичное развитие глобальных процессов, вызванных экономическими причинами, последствиями вооруженных конфликтов и др., которые приводят к возрастанию тенденции перемещения людей, предопределяет необходимость переос-

мысления практических подходов к решению проблем межкультурного взаимодействия.

С.Хантингтон, придавая особое значение роли западной цивилизации, одновременно указывал на проявления морального упадка в странах Запада: «Куда более важными, чем экономика и демография, являются проблемы падения нравов, культурного суицида и политической разобщенности на Западе, что безусловно сокращает возможность влияния на народы «незападной» культуры»¹⁵.

Он формулирует вывод о том, что процессы, происходящие в современном мире, подтверждают, что в ближайшем будущем главный акцент во взаимоотношениях между народами будет перенесен с экономических аспектов на этнические, что непременно приведет (и уже приводит) к столкновению не только государств, но и цивилизаций¹⁶.

На рубеже тысячелетий выявляются опасные вызовы, трансформирующие механизм цивилизационного взаимодействия в новых исторических условиях.

Э.Паин отмечает, что с конца 60-х годов в большинстве стран стал активно проявляться рост традиционных групповых форм идентичности (этнической, религиозной, расовой), усилившийся в 80-х – 90-х годах, что и обусловило глобальный кризис модерна, затянувшийся почти на полвека¹².

«Глубокой эрозии подверглись в это время основополагающие ценности культуры модерна, прежде всего ценности индивидуальной свободы, рационального сознания и прав человека. Эти процессы сопровождались обострением конфликтов между этническими и религиозными группами не только в постколониальных странах с незавершенной национальной консолидацией общества, но и в давно сложившихся государствах-нациях Европы и в США»¹².

Совокупность радикальных перемен в экономической, политической жизни сопровождалась в этот пе-

риод также всплеском миграции и, как следствие, проблемой их социальной, политической, культурной интеграции в новую для них общность. В результате признания политического провала идеи национального «плавильного котла» с 70-х годов получила развитие другая концепция национально-государственной интеграции различных этноконфессиональных групп – мультикультурализм, который был закреплен в конституционных нормах ряда государств, таких как Канада (1971 г.), Австралия (1973 г.), Швеция (1975 г.).

Следует подчеркнуть, что новая концепция, с самого начала противопоставлялась теории «плавильного котла». Одним из программных документов этой концепции стала статья Даниэля Кон-Бендита и Томаса Шмида «Если Запад становится неотразим», опубликованная в ноябре 1991 г. в газете «Die Zeit». Будущее Европы – это мультикультурное общество, подчеркивали авторы.

При этом идеологи мультикультурализма указывали, что такое общество отнюдь не будет с самого начала гармоничным: «Мультикультурное общество жестоко, стремительно и малокооперативно, в нем существует очевидное социальное неравенство и в нем есть свои победители и свои проигравшие; оно включает в себе центробежную тенденцию к разделению различных групп»¹⁷.

В.Зорькин отмечает, что «при всех различиях в подходах к проблеме теории мультикультурализма считали, что необходимо политическое и юридическое конституирование в рамках нации-государства в той или иной мере обособленных этноконфессиональных и этнокультурных групп, живущих по своим собственным законам. И что лишь такое конституирование способно стать эффективным лекарством от вышеперечисленных болезней и издержек, возникших в ходе попыток реализации “национального плавильного котла”»¹³.

Ключевыми принципами мультикультуральной политики являются:

- либерализация въезда в европейские страны. При этом право на въезд в Европу должно быть предоставлено всем желающим въехать в соответствии с квотами, определяющими экономические и другие потребности принимающей страны;

- введение двойного гражданства;
- предоставление национального гражданства всем желающим иностранцам.

Однако уже в 2004 г. Ангела Меркель, ставшая тогда кандидатом на пост бундесканцлера от блока ХДС/ХСС, впервые открыто заявила, что мультикультурная политика потерпела поражение и что дальнейшее существование иных культур в Германии возможно только при условии их полного подчинения главенствующей немецкой культуре.

Показательным в этом смысле является проблема интеграции в европейское общество иммигрантов из мусульманских стран Северной Африки, принадлежащих к иной культурно-цивилизационной идентичности. В Брюсселе, столице ЕС, мусульмане составляют около 20%, а в британском Бирмингеме и голландском Роттердаме почти половину жителей. Европа зримо меняется в связи с присутствием миллионов мусульман на ее земле, что далеко не по душе многим европейцам¹⁸. Проблема взаимных отношений коренного и иммигрантского населения в государствах ЕС имеет явно выраженное цивилизационное измерение.

В. Наумкин, рассматривая проблему мусульман на Западе, отмечает, что превращение мусульманской диаспоры в этом регионе во влиятельную общественно-политическую силу не может не оказывать влияния на систему государственно-политических институтов в западных государствах¹⁹.

«В целом рост ее численности способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в мировой политике»¹⁹.

В. Наумкин полагает, что новые отношения, которые складываются между участниками мировой политики, отчасти под влиянием вышеназванного фактора, можно описать с помощью такого понятия, как «полиархия»¹⁹, термина, введенного в научный оборот около четырех десятилетий назад американским политологом Робертом Далем²⁰.

Американский международник С. Браун концептуализирует полиархию как систему, которая «включает значимых негосударственных, наднациональных и транснациональных субъектов в дополнение к правительствам отдельных стран и охватывает региональные и универсальные институты с наднациональными полномочиями»²¹.

Указанная теоретическая позиция отражает современные тенденции расширения состава участников в мировых политических процессах.

В 2011 г. проблема мультикультурализма оказалась вновь в центре внимания средств массовой информации в связи с выходом скандальной книги члена правления Бундесбанка Тило Саррацина «Самоликвидация Германии», в которой речь идет главным образом о проблеме мигрантов из мусульманских стран, которые, по утверждению Саррацина, не только не хотят, но и не способны интегрироваться в немецкое общество и тем самым представляют опасность для будущего страны, тем более, что благодаря высокой рождаемости их число постоянно растет²².

Канадский исследователь В. Ганьон полагает, что современные локальные элиты, утверждая о существовании неких угроз единству и независимости государства, либо «этническому балансу» и таким образом ратуя за «национальную безопасность», ставят вне зако-

на внутренние разногласия и дают рационалистическое объяснение подавлению открытых дебатов. По его мнению, такие подходы делают невозможным либо затрудняют поиск выхода, например из стагнирующей ситуации, предвидение объективной перспективы²³.

Возникает закономерный вопрос о том, действительно ли исчерпан ресурс мультикультурализма как средства решения проблем межкультурного общения. Возможно, наступил определенный промежуточный кризисный этап, который свидетельствует о неверной оценке ожидаемых результатов, основанных на ожидании лояльного восприятия представителями иных цивилизационных архетипов западных ценностей в благодарность за то, что их допустили в европейское общество.

В условиях острых политических и социально-экономических кризисов процессы объединения развиваются одновременно с тенденциями дифференциации, охватившими целый ряд госу-

дарств в разных регионах мира. Острота проблем все более очевидно выявляет, что невозможно успешно управлять сложным и нестабильным миром, нелинейными процессами глобализации из одного центра и линейно-экспансионистскими методами.

Научный анализ концептуальных проблем обострения межкультурных противоречий в условиях динамичных глобальных процессов выходит на передний план в общественных науках. Реальность современных международных отношений актуализирует формирование новых подходов и способов преодоления поляризации между цивилизациями в настоящем и обозримом будущем.

Интеграционный опыт этой бесспорно уникальной региональной модели определяет актуальность развития разных форматов межкультурного диалога в условиях растущей культурной, национальной, конфессиональной неоднородности.

Для европейского общества все более значимой становится проблема его самоидентификации относительно современных культурных и конфессиональных координат. Укрепление стабильных политических и экономических основ интеграционных процессов в новых границах Европейского союза связано с решением задач достижения социальной гармонии и мира между разными этноконфессиональными сообществами как на национальном, так и региональном уровне.

Финансовые проблемы Греции, назревание аналогичных перспектив в Испании и Португалии с особой остротой выявляют кризис Еврзоны. Во многих европейских странах сохраняется сложная политическая ситуация, связанная с усилением тенденций этнического сепаратизма, как например, проблемы басков в Испании, Фландрии и Валлонии в Бельгии, венгров в Румынии, Северной Ирландии и Шотландии в Англии и т. д.

Рассмотренные в настоящей статье аспекты в динамике внутренних процессов в геополитическом пространстве Европейского союза, показывают важность оценки роли культурно-цивилизационных факторов в интеграционных процессах регионального уровня в условиях глобальных изменений.

Позиция Европейского союза как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира обуславливает актуальность создания гармоничной межкультурной модели развития на основе принципов общественной терпимости, толерантности, признания и уважении разных культур и их представителей.

Примечания

- ¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1. С. 266; Т. 2. С. 101, 109.
- ² Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 96, 84, 85.
- ³ Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации. М.: Восток-Запад, 2010. С. 28.
- ⁴ Шмидт Г. Европе опекун не нужен // НГ. 2002. 27 сентября // URL: http://www.ng.ru/ideas/2002-09-27/11_europe.html
- ⁵ Цит. по: Наумкин В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 2(23). Май-август.
- ⁶ Игнатенко А.А. «Между исламофобией» европейцев и «еврофобией» иммигрантов // НГ. 2010. 20 окт. № 227(5140).
- ⁷ Волович А.А. Турция и «арабские революции» 2011 года // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-05-11a.htm>
- ⁸ Дергачев А. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 364.
- ⁹ VII сессия диалога между Православной Церковью и группой Европейской народной партии (Христианских демократов) и Европейских демократов. 16–17 октября 2003. Стамбул // URL: <http://hilarion.ru/2010/02/26/1134>
- ¹⁰ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. М., 2011. С. 21.
- ¹¹ Пантин В.И. Универсализм и национально-цивилизационная специфика: возможен ли синтез? // Материалы интернет-конференции // URL: <http://politinfo/intercom/3.htm>
- ¹² Паин Э.А. Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике. 2011. № 2. С. 8–23.
- ¹³ Зорькин В. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // РГ. Федеральный выпуск. 2011 г. 13 сент. № 5579.
- ¹⁴ Ошеров В. Новый Мир. 2001. № 11 // URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/splav/?version=forprint
- ¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ МОСКВА, 2007. С. 496.
- ¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.
- ¹⁷ URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2010/12/01/2969.html>
- ¹⁸ Яковлев П.А. Альянс цивилизаций против «столкновения цивилизаций»? Фонд исторической перспективы // URL: <http://www.perspektivy.info/print.php>
- ¹⁹ Наумкин В. Мусульмане на Западе // Международные процессы. Т. 8. 2010. № 3(24). Сентябрь-декабрь.
- ²⁰ Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.
- ²¹ Brown S. Unipolar and Multipolar Lusions, Cultural and Civilizational Realities // Cultural and Civilizational Realities. P. 93.
- ²² URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2010/12/01/2969.html>
- ²³ Ganiou V.P. Imagined frontiers: nations of borders and groupness // Frontiers: The Challenges of Interculturality. Ed. By Bozidar Jaksic. Belgrade, 1997. P. 50.

Экологическая политика Европейского союза в контексте концепции устойчивого развития

Алексей Гусев

В настоящее время перед Европейским союзом стоит задача сохранения дееспособности и эффективности в свете «шестой и седьмой волны» расширения ЕС.

При несомненных успехах интеграции остается немало проблем управления интегрированной экономикой и согласования интересов национальных государств-членов ЕС.

Одними из важнейших и актуальных проблем Евросоюза являются проблемы охраны окружающей природной среды и экологической безопасности, поэтому тенденции, происходящие в настоящее время в европейском развитии, заставляют задумываться над такими сложными вопросами, как качество жизни европейцев. В этой связи роль политики значительно возрастает при формировании новых направлений политической науки, охватывающих различные разделы экономики, права, социологии, экологии и находящиеся во взаимоотношениях друг с другом.

Масштабность экологических проблем в Европе

Быстрое развитие индустриальной модели привело за несколько десятилетий середины XX в. к небывалой деградации природной среды во всех европейских странах. В то же время они одними из первых отметили, что благо-

приятное для человека состояние среды обитания является одной из составляющих высокого качества жизни. Поэтому появление централизованной, структурированной и общей для всех стран Европы экологической политики харак-

ГУСЕВ Алексей Александрович – доктор политических наук, специалист в области политики, экономики и экологии Европейского союза. E-mail: alexeyguseff@yandex.ru

Ключевые слова: Европейский союз, экология, экологическая политика, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, концепция устойчивого развития, стратегия стабильного развития, новые угрозы развития.

терно именно для конца XX – начала XXI в., когда произошло значительное развитие промышленности и увеличение потребления природных ресурсов.

В последние десятилетия западное общество столкнулось с острой необходимостью уделять растущее внимание экологической политике, а опасность глобальных экологических изменений заставила европейцев искать новые пути их преодоления и разрабатывать технологические подходы в экологической сфере, которые могли бы радикально улучшить состояние окружающей среды европейского континента¹.

Масштабность экологических проблем в Европе вызвала соответствующую реакцию на различных уровнях европейского и мирового сообществ. Появление «зеленых» партий, начавших свою деятельность с разовых акций протеста, а затем превратившихся в политическую силу, их высокая активность стало ответом на возросший уровень общественных движений¹.

На уровне национальных и международных институтов произошло осознание необходимости проведения централизованной и структурированной эко-

логической политики, цель которой – снижение масштабов загрязнения природной среды в странах Европы континента через введение жестких стандартов на все виды выбросов и сбросов загрязняющих веществ, а также интенсивное стимулирование экономики и активное внедрение ресурсосберегающих технологий в промышленности.

Безусловно, каждому государству присущ свой индивидуальный комплекс экологических характеристик, а каждому региону – специфический набор индивидуальных экологических проблем и механизмов их решения, поэтому современная система хозяйствования, рассматривающая биосферу как природный ресурс, не может не разрушать окружающую природную среду. Поэтому необходимо менять принципы и стандарты отношения и в политике, и экономике, а также общественные критерии качества оценки воздействия человека на окружающую природную среду. Эти функции становятся приоритетными для международного сообщества, что отмечалось на 15-й Конференции ООН по климату, прошедшей в Копенгагене (Дания) 7–18 декабря 2009 г.²

Концепция устойчивого развития как приоритет экологической политики

На состоявшейся (июнь 1992 г.) в Рио-де-Жанейро (Бразилия) Конференции ООН по окружающей среде и развитию³ было принято решение об изменении курса развития мирового сообщества.

Такое решение глав правительств и лидеров 179 стран, собравшихся на конференцию, было обусловлено стремительно ухудшающейся глобальной экологической ситуацией². Среди проблем экологического характера, которые, согласно изданному Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) докладу «Глобальная экологическая перспектива – 2000» (ГЕО-2000), основными в XXI в. названы:

- изменение климата;
- недостаток пресной воды и ее загрязнение;
- исчезновение лесов и опустынивание;
- сокращение биологического разнообразия;
- деградация почв;
- урбанизация и истощение природных ресурсов.

Разрешение этих проблем гарантировало бы человечеству возможность выживания и устойчивое развитие³.

Следует отметить, что понятие «устойчивое развитие» впервые было сформулировано в 70-х годах XX в. Джоном Хартвиком и основывалось на ограниченных запасах природных ресурсов.

Правило Дж.Хартвика гласит «...устойчивое развитие можно обеспечить, инвестируя всю ренту за истощение природных ресурсов, определяемую как разность между рыночной ценой ресурса и предельными издержками его добычи, в воспроизводимый капитал...»⁴.

В дальнейшем было показано, что правило Дж.Хартвика может быть расширено и сформулировано как требование сохранения совокупного капитала общества, который включает в себя наряду с воспроизводственным капиталом и человеческий капитал, а также природные ресурсы и качество окружающей природной среды с учетом их экономической оценки.

В 1987 г. в докладе Т.Брундтланд⁴ это правило было трансформировано в концепцию устойчивого развития. На Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро концепция приобрела официальный мировой статус⁵.

С политической точки зрения концепция устойчивого развития основывается на определении доходности, данном Дж.Хиксом⁶.

По его мнению, в практической жизни определение уровня доходности показывает, сколько люди могут потреблять, не становясь при этом беднее.

Из определения Дж.Хикса следует, что ключевым для концепции устойчивого развития является политическое значение экономически и социально оптимального использования природных ресурсов. Трудности совмещения данных подходов к проблеме устойчивого развития вполне преодолимы через применение политических механизмов, а также использования международных экологических норм и стандартов.

Таким образом, под *устойчивым развитием* следует понимать такое разви-

тие, в результате которого обеспечивается выживание человечества и сохранение окружающей природной среды.

Переход к устойчивому развитию предполагает поэтапное восстановление естественных экосистем до уровня, который обеспечивает устойчивость окружающей среды и при котором появляется реальная возможность существования будущих поколений людей, удовлетворения их жизненно важных потребностей и интересов. Реализация концепции устойчивого развития означает постепенное соединение в единую систему экономической, экологической и социальной сфер деятельности.

Вполне очевидно, что современный мир вступил в новую стадию развития – глобализацию и очень важно, чтобы процесс глобализации служил устойчивому развитию, а для этого необходимо поставить экономические издержки в зависимость от сбалансированного решения социально-экономических задач. Поэтому использование разрушительных технологий и производств, экологически опасных видов продукции может привести к дальнейшему обострению экологических проблем. Следовательно, развитие глобализации не должно угрожать природным экосистемам, растительному и животному миру, а для этого необходимы механизмы ограничений по обеспечению экологической безопасности согласно критериям социальных гарантий, основанных на показателях качества жизни населения и обеспечивающих их безопасность.

Новые экологические угрозы Европейского союза

Следует отметить, что на протяжении последних лет состояние окружающей среды на планете не улучшается, несмотря на значительные усилия, предпринимаемые развитыми странами и сообществами, в частности Европейским союзом.

В настоящее время Европейский регион включает в себя 53 страны с разнообразными политическими и социально-экономическими характеристиками. Несмотря на произошедшие в Европе в последние два десятилетия конфликты, можно отметить тенденцию

на объединение вокруг Европейского союза. Помимо 27 стран, уже пополнивших ряды членов ЕС, остальные страны заявляют о своем политическом намерении добиваться вступления в ЕС в течение последующих 5–10 лет и как минимум, согласовать свое законодательство с нормативными актами ЕС.

Ряд стран, не являющиеся членами ЕС в Западной, Южной и Восточной Европе, образовали с ЕС соответствующие ассоциации на индивидуальной либо на групповой основе. Большинство этих ассоциаций также достаточно эффективно сотрудничает между собой по вопросам охраны окружающей среды.

Так, Европейский союз инициировал подписание Монреальского протокола о защите озонового слоя Земли и Киотский протокол, а также стал инициатором появления новых международных норм в области экологической политики и охраны окружающей среды.

Например, Рамочная конвенция ООН об изменении климата появилась во многом благодаря активным усилиям Европейского союза. Система принятия общих обязательств с последующим их перераспределением среди стран ЕС была использована в Киотском протоколе, согласно которому каждая страна – член ЕС обязалась снизить выбросы парниковых газов к 2010 г. на 8%.

Фактически страны ЕС договорились перераспределить обязательства в рамках названной общей для ЕС квоты.

На сессии Европейского совета (Гетеборг, 2001 г.) была одобрена Стратегия ЕС в области устойчивого развития. Главный ее принцип – учет экологических факторов наравне с экономическими и социальными при разработке и принятии всех видов решений. По основным направлениям деятельности: изменение климата, снижение влияния автотранспорта, качество здоровья населения и эффективность использования природных ресурсов ЕС ведет активную внутреннюю и внешнюю политику.

В области изменения климата усилия ЕС во многом определяют ход и ре-

зультаты переговоров в рамках Киотского протокола, особенно после выхода США из него в 2001 г. ЕС стремится превратить Киотский протокол в жесткий обязывающий инструмент с серьезными санкциями в отношении стран, не выполняющих взятые на себя обязательства.

Наряду с сотрудничеством в глобальных масштабах ЕС предпринимает немало усилий и на региональном уровне.

Евросоюз участвует в:

- Дунайской и Рейнской конвенциях;
- Хельсинкской конвенции по защите Балтийского моря;
- Европейской конвенции о сохранении дикой природы;
- Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха;
- Боннском соглашении по предотвращению загрязнения Северного моря.

Вопросам окружающей среды отводится заметная роль в рамках средиземноморской политики Европейского союза.

После Барселонской конференции (1995 г.), давшей старт Евро-средиземноморскому партнерству, началась реализация таких программ, как *SMAR* (Рамочная программа сотрудничества), *MAP* (специализированная экологическая программа), *METAP* (Программа объединения крупных спонсоров для финансирования проектов технической помощи).

Важным направлением деятельности Евросоюза является предотвращение и ликвидация последствий экологических катастроф на европейском континенте.

В частности, сильнейшие наводнения в Нидерландах, Германии, Польше и Чехии (2006 г.), и особенно летом 2008 г.; сильнейшие пожары, вызванные засухой, в Греции, Португалии и Испании летом 2009 г. и 2011 г. стали предметом обсуждения на специальном саммите глав европейских стран.

На нем было решено создать специальный фонд по борьбе с экологическими катастрофами, размер которого на первоначальном этапе составил более 500 млн евро⁷.

Стратегия формирования экологической политики Европейского союза

С середины 70-х годов XX в. охрана окружающей среды стала одним из приоритетных направлений политики Европейского сообщества как на национальном, так и наднациональном уровнях.

Однако на практике все ограничивалось командно-контрольными функциями и принятием небольшой части национальных законодательных актов. Лишь с начала 90-х годов XX в. стали использоваться наднациональные механизмы контроля качества окружающей среды. Это произошло вследствие двух основных причин:

во-первых, из-за полученных негативных результатов экономического регулирования и жесткой промышленной конкуренции;

во-вторых, низкой эффективности командно-контрольных механизмов на практике.

В 1995 г. Европейское агентство по проблемам окружающей среды указало, что по своему характеру и масштабам национальные меры были недостаточны, чтобы улучшить экологическую ситуацию в Европе.

Идея межгосударственного сотрудничества на уровне министров охраны окружающей среды вызревала на протяжении десятилетий и нашла отражение в Программе «Окружающая среда для Европы».

Начало было положено первой общеевропейской конференцией министров охраны окружающей среды (Добриш, Чешская Республика, 1991 г.). Так был начат процесс, целью которого является развитие институциональных и договорных механизмов защиты окружающей среды в Европе.

Позднее конференции проводились регулярно: в 1993 г. – в Люцерне (Швейцария), в

1998 г. – в Софии (Болгария), в 1998 г. – в Орхусе (Дания), в 2003 г. – в Киеве (Украина), в 2009 г. – в Копенгагене (Дания).

Наиболее существенным результатом работы за последние почти 20 лет стало формирование программ по охране окружающей среды в Центральной и Восточной Европе, которые представляют стратегию совместных действий национальных и международных институтов.

В настоящее время вопросами охраны окружающей среды на уровне ЕС занимаются:

- Европейская комиссия;
- Европейский парламент;
- Европейский совет и Европейское агентство по окружающей среде (ЕАПОС), которое было создано в 1990 г.

Постановлением об учреждении ЕАПОС и Европейской сети экологической информации и наблюдений (ЕСЭИИН) предусматривалось, что данные организации будут обеспечивать ЕС и государства-участники, а также страны, не являющиеся членами ЕС, объективной и достоверной информацией для осуществления мер по защите окружающей среды, а также для надлежащего информирования общественности.

В деятельности данных организаций активное участие принимают:

- Европейский инвестиционный банк;
- Комитет регионов;
- Экономический и Социальный комитеты ЕС.

Существует и специальный орган, занимающийся вопросами окружающей среды, – Европейское агентство по окружающей среде (*The European Environment Agency – The EEA*), учрежденное Регламентом 1210/90 ЕС.

Агентство взяло на себя очень важную и уникальную в своем роде функцию – сбор и анализ данных о состоянии окружающей среды на континенте.

Европейскими странами и Европейским союзом в качестве приоритетных стратегий экологической политики активно используются:

Стратегия национального регулирования. В диапазон функций национального регулирования экологически сбалансированного хозяйствования входят следующие основные задачи:

- разработка принципов финансирования природоохранных мероприятий; развитие институциональной структуры целевого резервирования финансовых и кредитных ресурсов;
- формирование рынка экологических услуг;
- настройка рыночных механизмов экономическими инструментами регулирования;
- совершенствование правовой базы с учетом специфики экономических и экологических целей устойчивого развития;

Стратегия дерегулирования. Проведение политики дерегулирования позволяет изменить средства и механизмы национального вмешательства, найти баланс между экологическим качеством и экономической конкуренцией, что является в то же время следствием повышения ответственности государств-членов ЕС за охрану окружающей среды. Именно в этом контексте политика дерегулирования позволила разрешить целый ряд проблем по сохранению окружающей среды.

Процессы дерегулирования находились в центре внимания в период завершения создания Единого европейского рынка. В настоящее время в Европейском союзе политика дерегулирования осуществляется на различных, но взаимосвязанных уровнях;

Стратегия национального контроля. Согласно принципу субсидиарности каждое государство ЕС может выбирать те механизмы и способы контроля, которые помогают лучше выполнять функции сохранения окружающей среды и экологической безопасности.

Так, в Великобритании система контроля окружающей среды действует, опираясь на уголовное и общее право, а главным контролирующим органом является Агентство по окружающей среде, которое работает с 1996 г. В его распоряжении находятся самые разнообразные средства воздействия на нарушителей правил и стандартов.

В других странах ЕС существует система штрафов, причем штрафы и налоги являются дополнением к закону о прямом национальном регулировании.

Например, во Франции такие налоги существуют с 1968 г., а доходы используются на цели экологической политики.

В ФРГ налоги вводит администрация земель, использующая их доходы на покрытие коммунальных затрат и улучшение качества окружающей среды: почвы, воды и атмосферного воздуха.

Аналогичная ситуация наблюдается в Нидерландах, Бельгии, Испании и Португалии;

Стратегия наднационального контроля. В 2008 г. Европейская комиссия по охране окружающей среды предложила странам ЕС принять новую Директиву о контрольных функциях Европейского союза по охране природных ресурсов и сохранению окружающей среды европейского континента, в которой в будущем будет делаться упор на контрольные наднациональные функции.

Государства-члены ЕС в рамках стратегии наднационального контроля должны осуществлять мониторинг экологического качества природной среды и выработать программы улучшения состояния окружающей среды при соблюдении принципа гласности и проведения всесторонних консультаций между странами. В целом Еврокомиссия выступает за менее «дирижистский подход» к решению стратегических задач контроля состояния окружающей среды Европы.

В основе стратегии наднационального контроля ЕС в настоящее время используются в основном рыночные меха-

низмы экологических штрафов, в дополнение к количественному регулированию, например, выбросов, сбросов и концентраций загрязняющих веществ, а также за счет введения общих норм и стандартов качества.

Таким образом, стратегическими направлениями системы регулирования и контроля в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности ЕС должно стать прежде всего внедрение нормативных требований устойчивого развития.

В настоящее время в качестве основных стратегий экологической политики Европейского союза получили распространение следующие:

- оценка состояния и контроль качества природной среды;
- биологическое разнообразие;
- совершенствование системы экологического образования;
- реализация Декларации о сохранении флоры, фауны и среды их обитания;
- решение проблем утилизации промышленных и бытовых отходов;
- формирование и реализация экологической политики.

Европейское сообщество осуществляло собственную политику в области охраны окружающей среды. За этот период Сообществом, а позднее и Европейским союзом были проведены значительные по масштабу природоохранные мероприятия, создана правовая база контроля, регулирования и координации экологической деятельности государств-членов ЕС, разработаны и внедрены новые подходы к защите и улучшению качества окружающей среды.

Защита окружающей среды в настоящее время является одним из приоритетных направлений деятельности ЕС наряду с другими направлениями европейской интеграции. Евросоюз также обладает широкой компетенцией в области охраны окружающей среды, учиты-

вая, что в этой сфере издается значительное количество общеевропейских нормативных актов. ЕС обладает значительными полномочиями по международному сотрудничеству в области защиты окружающей среды и экологической безопасности.

Изначально учредительный договор не предоставлял Европейскому сообществу существенных полномочий в области охраны окружающей среды. Деятельность Сообщества лишь косвенно затрагивала природоохранную сферу, т.е. следует признать, что природоохранная деятельность осуществлялась Сообществом факультативно. Однако к началу 70-х годов в связи с обострением экологического кризиса на европейском континенте возникла необходимость осуществления собственных экологических мер на уровне Сообщества.

В 70-х годах на заседании глав государств Европейского сообщества были приняты решения о развитии деятельности по защите окружающей среды. При этом положения учредительного договора не были пересмотрены, а компетенция структур Сообщества в области охраны окружающей среды по-прежнему отсутствовала. Деятельность Сообщества по охране окружающей среды стала осуществляться лишь путем реализации дополнительной компетенции, предоставленной статьями учредительного договора.

Следует выделить пять этапов формирования экологической политики ЕС.

Первый этап (1957–1971 гг.). Этот этап характерен отсутствием компетенций у стран Европейского сообщества в сфере окружающей среды. На этом этапе проводились лишь единичные факультативные мероприятия в сфере охраны окружающей среды.

Второй этап (1972–1985 гг.). Для этого этапа характерно проведение мероприятий по защите окружающей сре-

ды странами Европейского сообщества, появление первых программ действий в этой сфере, развитие правового регулирования в экологической области.

В 1972 г. Совет глав правительств стран-членов ЕЭС принял решение о расширении компетенций Сообщества в новых областях, в том числе в области окружающей среды, однако в первичное право Сообщества компетенции в области охраны окружающей среды внесены не были.

Все решения в новой сфере деятельности принимались через статьи Римского договора (1957 г.), которые позволяли Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС) для достижения целей Сообщества предпринимать действия в сферах, не обозначенных в учредительном договоре.

Третий этап (1986–1991 гг.). Этот период можно охарактеризовать этапом закрепления общих компетенций в области охраны окружающей среды за институтами Европейского сообщества. Единый европейский акт (1986 г.) внес изменения в Договор об учреждении ЕЭС (1957 г.). В нем впервые были определены цели и задачи, принципы и направления политики Сообщества в области охраны окружающей среды.

В отношениях между Европейским сообществом и его государствами-членами был внедрен принцип «субсидиарности».

Данный принцип означает, что Сообщество осуществляет свою деятельность в экологической области в той мере, в которой цели экологической политики могут быть реализованы на уровне Сообщества лучшим образом, чем отдельными государствами-членами.

Четвертый этап (1992–2002 гг.). Это этап совершенствования экологической политики Европейского союза. В целом за это время были обозначены основные рамки текущей экологической политики за счет институционального

закрепления вопросов экологической политики и проблем окружающей среды в договорах ЕС.

Цели и задачи экологической политики ЕС на четвертом этапе были сформулированы следующим образом:

- сохранение, защита и улучшение состояния окружающей среды;
- забота о защите здоровья людей;
- достижение рационального использования природных ресурсов;
- содействие на международном уровне мерам, направленным на решение региональных и глобальных проблем охраны окружающей среды.

Важно отметить, что экологическая политика ЕС в это время носит «сквозной» характер, что и было закреплено Маастрихтским договором (декларация № 20).

Пятый этап (2003 г. – по настоящее время). В настоящее время деятельность ЕС в экологической сфере осуществляется на основе общей компетенции, предоставленной статьями Договора о ЕС, и неразрывно связана с другими направлениями деятельности Европейского союза. На современном этапе ЕС проводится совершенствование правового регулирования охраны окружающей среды. В частности, обновлению подверглись акты, закладывающие правовую базу системы сбора и обработки экологической информации, мониторинга окружающей среды, экологической сертификации, проведения оценки воздействия на окружающую среду, а также механизма финансирования экологических мероприятий. Предпринимаются попытки кодификации многочисленных норм в области экологической стандартизации и сертификации.

Значимым моментом является включение экологической политики и защиты окружающей среды в проект Конституции ЕС и Лиссабонский договор. Показательно, что со времени подписания

Маастрихтского договора Европейский союз постепенно превращается также в «экологический союз».

Государства-члены ЕС интегрируют задачи охраны окружающей среды в нормативно-правовые акты своих госу-

дарств, действующие во всех сферах политики. Европейский союз принимает многочисленные директивы об охране окружающей среды, которые его государства-члены должны инкорпорировать в национальное право.

Политические механизмы реализации экологических программ ЕС

Основой для практической деятельности Европейского союза в сфере экологической политики являются среднесрочные программы, что закреплено в учредительном договоре ЕС.

Программа представляет собой политико-правовой документ, определяющий приоритетные мероприятия ЕС на ближайшую перспективу, устанавливающий конкретные цели и задачи для Союза по их выполнению. За всю историю систематизированной экологической политики ЕС было принято шесть программ. В настоящее время действует Шестая программа действий.

Первая программа действий была принята в 1973 г. после Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде (1972 г.).

Эту программу считают классическим документом в сфере защиты окружающей среды начального периода обращения европейских государств к проблемам защиты окружающей среды.

Последующие документы принимались в 1977 г. (*Вторая программа*), 1983 г. (*Третья программа*) и в 1987 г. (*Четвертая программа*).

Пятая программа явилась новым поворотом в экологической политике Европейского союза. Программа была принята в 1993 г. и получила название «Навстречу устойчивому развитию».

Таким образом, ЕС взяло на вооружение концепцию устойчивого развития, ставшую официальной стратегией ООН по выходу человечества из экологиче-

ского кризиса после проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.).

Необходимо отметить, что концепция устойчивого развития в *Шестой программе* ЕС проходит основной темой, затрагивая наиболее актуальные сферы экологической политики ЕС.

Шестая программа действий в области защиты окружающей среды была утверждена решением Европейского парламента и Совета Евросоюза № 1600/2002/ЕС 22 июля 2002 г. с расчетом на 10 лет. Она получила название «Окружающая среда 2010: наше будущее и наш выбор». Шестая программа появилась непосредственно перед Всемирной встречей глав государств под эгидой ООН по устойчивому развитию, которая состоялась с 26 августа по 4 сентября 2002 г. в Йоханнесбурге.

Программа направлена на обеспечение следующих трех условий проведения экологических мероприятий Европейского союза:

- интеграции потребностей окружающей среды в различные направления деятельности ЕС и внедрение принципа экологической обусловленности деятельности Евросоюза, изложенного в ст. 6 Договора об учреждении ЕС;
- продолжения мероприятий, направленных на обеспечение устойчивого развития;
- проведения экологических мероприятий с расчетом на текущее и будущее расширение Европейского союза.

Программа выделяет четыре приоритетные сферы действий ЕС на ближайшие годы:

- изменение климата;
- природа и биологическое разнообразие;
- окружающая среда, здоровье;
- качество жизни.

В этом заключается попытка преодолеть и компенсировать многие недостатки предыдущих программ, которые можно свести в основном к краткосрочности их действий.

Следует также отметить, что для Шестой программы характерен постепенный переход от административных механизмов регулирования экологической политики к инструментам, основанным на элементах рыночной экономики. Опираясь на положения учредительного договора, деятельность ЕС в экологической сфере в рамках Шестой программы строится на основе активных правовых и административных программных действий в отношении защиты окружающей среды. Поэтому Шестую программу следует рассматривать как политико-правовой документ, определяющий приоритетные направления в деятельности ЕС на ближайшую перспективу.

Амстердамский договор (1997 г.), внесший очередные изменения в содержание учредительного договора Союза, закрепил в тексте Договора о ЕС принцип экологической ориентированности деятельности ЕС (ст. 6). Этот принцип подразумевает интеграцию целей

[ст. 174 (1)] и механизмов экологической политики ЕС [ст. 174 (2)] в осуществление других политик ЕС: политики в сфере сельского хозяйства, транспортной политики, политики общего рынка и региональной политики.

Курс на создание конкурентоспособной инновационной экономики был взят на саммите ЕС в Лиссабоне (Португалия, март 2000 г.) и в Барселоне (Испания, начало 2002 г.). Совет Европы сформулировал ряд конкретных задач в области стимулирования инновационного развития. Среди них – увеличение к 2013 г. доли затрат на НИОКР в странах ЕС с 1,9 до 3,0% ВВП, прежде всего за счет роста ассигнований частного сектора, а также за счет дальнейшей координации инновационной политики и создания единого Европейского исследовательского пространства с учетом расширения Евросоюза.

В настоящее время Европейский союз направляет в среднем на НИОКР 1,9% ВВП.

Однако в ряде европейских стран этот показатель значительно выше, чем в среднем по ЕС.

Например, в Швеции он составляет 3,6%, в Финляндии – 3,1%, в то же время в США – 2,6%, в Японии – 3,1%.

В 2011 г. Европейский союз затратил на НИОКР в области охраны окружающей среды и контроля в сфере экологической безопасности более 110 млрд евро.

Поэтому в последние годы ЕС смог добиться существенных сдвигов в реализации стратегии инновационного развития в сфере охраны окружающей среды.

От концепции устойчивого развития к стратегии стабильного развития ЕС

В настоящее время эффективная охрана окружающей природной среды ЕС и обеспечение системы экологической безопасности невозможны без системного подхода.

Современная система охраны окружающей среды и управление природопользованием, формируемое и развива-

ющееся в Европейском союзе, включает ряд специфических инструментов, основывающихся на методах национального и наднационального регулирования. К их числу относятся: законодательные, информационные, административные, экономические и экологические методы.

Необходимо отметить, что все перечисленные выше и постоянно совершенствуемые управленческие методы взаимно дополняют друг друга, а комплексное применение их на практике составляет основу экологической политики ЕС при переходе от Концепции устойчивого развития к Стратегии стабильного развития.

Охрана окружающей среды с точки зрения системы безопасности и управления – это алгоритм экологического менеджмента на всех возможных уровнях управленческой иерархии, формируя при этом основные направления экологической политики. Естественно, неотделимы от этих методов и проблемы формирования экологического рынка в ЕС, а также экологического предпринимательства.

Следует подчеркнуть, что проблемы экологической политики нашли отражение в плане действий Евросоюза по борьбе с климатическими изменениями, разработанном Еврокомиссией, который поддержали все 27 государств-членов ЕС. Согласно предложенному Еврокомиссией плану мероприятия, в первую очередь, должны обеспечивать систему экологической безопасности стран при минимальном нанесении ущерба окружающей среде.

В частности, предполагается к 2020 г. снизить выбросы углекислого газа на 20%.

Важно отметить, что программа Европейской комиссии гарантирует либерализацию рынка газового и другого энергетического топлива.

Окончательные итоги переговоров будут подведены в конце 2012 г. Планируется, что разработанные соглашения,

касающиеся единой экологической политики стран ЕС, обретут реальную силу уже в текущем году.

Важно отметить, что экологические проблемы и их реализация нашли отражение также и в Лиссабонском договоре, известном как Договор о реформе*.

Новый договор изменяет цели Европейского союза (ст. 2 и 3 Договора о ЕС) и название Договора об учреждении Европейских сообществ на Договор о функционировании ЕС, чем напрямую связывает его с Договором о ЕС и целями, которые он ставит перед объединенной Европой. Таким образом, принципы, рассматривавшиеся ранее как декларативные: защита граждан ЕС по всему миру, экономическое, экологическое и территориальное единство, культурное многообразие – становятся основополагающими задачами политики ЕС в настоящее время.

В связи с этим стратегической задачей Евросоюза в настоящее время становится создание «внутреннего рынка» и достижение целого ряда целей, таких как полная занятость населения и социальный прогресс, высокий уровень защиты окружающей среды. Экологические проблемы, защита окружающей среды и экологическая безопасность, а также борьба с глобальным изменением климата получают приоритетное значение в новом Лиссабонском договоре, в связи с которым ЕС должен «предпринимать меры на международном уровне по борьбе с региональными и глобальными проблемами окружающей среды, в первую очередь с изменением климата», а политика Союза в энергетическом плане должна проводиться «в соответствии

* Официальное название – Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (*Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*). Это международный договор, подписанный на саммите ЕС 13 декабря 2007 г. в Лиссабоне (Португалия), который призван внести изменения в действующие соглашения о Европейском союзе для реформирования системы управления ЕС.

с необходимостью сохранить и улучшить окружающую среду» (ст. 176а Римского договора).

Договор предполагает создание европейского пространства исследований, несколько дополняет социальную политику, предоставляет Союзу «стимулирующие» полномочия в вопросах образования, спорта, политики, экологии, дает новое определение принципа субсидиарности, освещает вопросы в сфере сельского хозяйства и рыболовства.

Союз ответственен за определение и имплементацию программ по исследованию и разработкам в данных областях, хотя здесь его компетенция пересекается с компетенцией национальных правительств. Экологическая политика определяется Европарламентом и Советом Европы в соответствии с законодательной процедурой. При этом статьи Договора не ущемляют «право государств-членов предпринимать необходимые меры по обеспечению охраны окружающей среды и экологической безопасности» (Декларация 20, ст. 176а).

Одним из наиболее эффективных направлений интенсификации экологических отношений является развитие «модели партнерства», которое предполагает наличие двух ключевых условий:

во-первых, существования заинтересованных кругов на всех уровнях власти, которые могли бы быть партнерами в решении проблем сохранения окружающей среды;

во-вторых, широкое вовлечение гражданского общества в экологически ориентированное управление.

Высокое качество жизни и здоровья ее населения, а также экологическая безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных экосистем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Для этого необходимо формировать и последовательно реализовывать единую политику в экологической области, направленную на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Сохранение и восстановление природных экосистем должно быть одним из приоритетных направлений деятельности Европейского союза и всех стран-членов ЕС. В связи с тем что страны ЕС с их различными природными экосистемами представляют значительную часть биологического разнообразия Европы, Евросоюз играет ключевую роль в поддержании этого разнообразия. Следовательно, учитывая масштабы природного, ресурсного, интеллектуального и экономического потенциала, Евросоюз весьма существенно влияет на принимаемые решения в сфере глобальных и региональных экологических проблем.

Новая экологическая политика ЕС базируется на следующих основных принципах:

- устойчивое развитие, предусматривающее равное внимание к его экономической, социальной и экологической составляющим;

- приоритетность для общества обеспечивающих функций биосферы по отношению к прямому использованию ее ресурсов;

- предотвращение негативных экологических последствий в результате хозяйственной деятельности, учет отдаленных экологических последствий;

- отказ от хозяйственных и иных проектов, связанных с воздействием на природные системы, если их последствия непредсказуемы для окружающей среды;

- природопользование на платной основе и возмещение населению и окружающей среде ущерба, наносимого в результате нарушения законодательства об охране окружающей среды.

В качестве приоритетных направлений деятельности ЕС по обеспечению экологической безопасности следует также рассматривать предотвращение последствий чрезвычайных ситуаций, вызванных различными видами деятельности человека.

Для реализации концепции устойчивого и стратегии стабильного развития ЕС необходимо формирование принципиально новой экологической политики Евросоюза, основанной на принципах партнерства и концентрации усилий, в полной мере учитывающей степень взаимодействия институтов ЕС и возрастание влияния наднациональных политических, экономических, социальных и экологических акторов Европейского союза, а также гражданского общества.

Необходимо признание многофакторного, полисубъектного и полиаспектного характера процессов формирования экологической политики, императивность примата сохранения окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности над всеми остальными видами деятельности в Европе.

Сегодня требуется новая оценка ситуации в ЕС, учитывающая изменение отношений, интересов и природно-ресурсных возможностей Европейского союза после «шестой и седьмой волны» расширения Евросоюза, а экологическая политика Евросоюза должна учитываться как результат деятельности национальных и наднациональных институциональных структур по решению наиболее значимых проблем охраны окружающей среды и экологической безопасности как за счет ресурсов стран-членов ЕС, так и за счет средств Европейского союза.

Таким образом, экологическая политика переходит в разряд стратегических задач Европейского союза и должна учитываться как показатель развития и роста политических, экономических, социальных и экологических структур Союза. В этом сущность политической и экологической самоидентификации Евросоюза.

Примечания

¹ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Die neuen Grenzen des Wachstums. Die Lage der Menschheit: Betrohung und Zukunftschancen. Stuttg., 1992. P. 315–320; Ecological Problems of the Modern Society // Urgent problems of Europe, М., 2001. P. 98–100.

² Глобальная экологическая перспектива – 2000 // ЮНЕП. Интердиалект+, М., 1999. С. 3–5.

³ Hartwick J.M. Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources // The American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 5. P. 972–974.

⁴ Материалы комиссии Т. Брундтланд // ООН, 1987.

⁵ Barbier E.B. The economics of environment and development Selected essays // Heldenham, 1998. P. 533–540.

⁶ Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М., 1988. С. 108–109.

⁷ Документы официального сайта по экологической политике Европы // URL: www.ecoline.ru

Мировые СМИ – инструмент политического влияния

Валерия Крикунова

Так ли справедлив сегодня афоризм, некогда сформулированный Лешеком Курмером, о том, что «журналисты извещают общественность об общественном мнении»¹?

Все чаще мы становимся свидетелями того, что журналисты не только извещают о событиях на международной арене и об их восприятии общественностью, они подменяют реальность дезинформацией и сами формируют отношение к происходящему. Особенно это касается освещения международных конфликтов, когда «информация есть случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных»². А ставший устойчивым понятием «эффект CNN» – это хорошо «запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных», однако далеко не случайно возникший и отнюдь не из равноправно существовавших других.

Вопрос о независимости СМИ, степени их оппозиционности структуре властных отношений был предметом рассмотрения исследователей классической реалистической традиции, либерально-идеалистической мысли и критически настроенных конструктивистов. Будучи связанными с социально-политическими преобразованиями, этапы развития массмедиа во многом детерминированы и изменениями в технологиях коммуникации. Номинально отражающие оценки и установки в сознании различных социальных групп по поводу того или иного фрагмента социальной реальности, выступая альтернативным инструментом регулирования общества, тем не менее редко стоят в декларируемой ими оппозиции к власти. В действительности, мировые СМИ объективно встроены и поддерживают механизмы социального неравенства, подтверждая формулу «сила – знание», а не наоборот.

КРИКУНОВА Валерия Вадимовна – соискатель степени кандидата политических наук при факультете политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: valkrik@mail.ru

Ключевые слова: международные конфликты, нейтральность СМИ, мировое общественное мнение, национальные и корпоративные интересы.

Сегодня понятие «сила» включает в себя не только военную, экономическую, но и информационную составляющую.

В.Л.Иноземцев так формулирует противоречие, лежащее в основе современного неравенства: «В новых условиях проблема неравенства оказывается весьма комплексной и включает в себя как чисто имущественный аспект, к оценке которого мы теперь переходим, так и интеллектуальный и социальный аспекты, становящиеся, на наш взгляд, базой основного классового конфликта постэкономического общества, – конфликта между классом людей, способных к продуцированию информации и знаний и обладающих наиболее важным и наиболее редким ресурсом, определяющим благосостояние общества, и низшим классом, объединяющим тех, кто по тем или иным причинам не может войти в круг новой интеллектуальной элиты... выкристаллизовывается новый мировой порядок, адекватный обществу, важнейшим производственным, социальным и даже политическим ресурсом которого являются информация и знания»³.

Развивая эту идею, М.Г.Делягин отмечает, что «базовым социальным противоречием эпохи глобализации стало противоречие между «информационным сообществом», участвующим в разработке и применении технологий формирования сознания, и всеми остальными социальными слоями и группами современного общества, члены которого являются простым объектом систематического применения указанных технологий»⁴.

Само понятие информации двойственно: отражая и сообщая о материальной сущности, информация создает идеальную реальность, параллельно существующую с материальным миром. Как подчеркивает Д.В.Иванов⁵, информация не всегда знание, но всегда коммуникация, интерпретация, медиа.

Указанное в наибольшей степени относится к новостным медиа, распространяющим информационные сообщения как на внутригосударственном уровне, так и на международном. Они включают в себя, исходя из типа каналов коммуникации:

- печатные медиа,
- теле- и радиовещание,
- Интернет.

Многие из них можно назвать транснациональными медиаимпериями. Так, среди трехсот мультимедийных компаний в мире⁶, порядка 20 можно отнести к медиаконгломератам, пять крупнейших из которых – это американские финансово-информационные группы, такие как *The Walt Disney Company*, *News Corporation*, *Time Warner*, *CBS* и *Viacom*⁷ (табл.).

Таблица

Позиция	Компания	Место в рейтинге Fortune 500	Доход, млн долл. США
1	The Walt Disney Company	65	38 063,0
2	News Corporation	83	32 778,0
3	Time Warner	95	26 888,0
4	CBS	174	14 059,8
5	Viacom	180	13 497,0

Такие мультинациональные медиагиганты, по мнению М.Кастельса, являются продуктами и агентами более

масштабных тенденций дерегуляции, корпоративизации и цифровизации массовой коммуникации⁸. На фоне гло-

бализации образуются новые формы неравенства не только экономического, но уже информационного: возникают «информационные доноры» и «мировая информационная периферия».

Данное деление, в частности, предлагает В.А.Рубанов: «Усугубляющиеся разрывы в технологическом и социально-экономическом развитии стран и народов приводят к формированию своего рода «клуба избранных» и «зоны гетто»... Постиндустриальные страны осуществляют возведение новых, все более изощренных барьеров»⁹.

Примером тому служит до последнего времени практически односторонняя направленность медиапотоков от Запада ко всему остальному миру, что становится объектом все более пристального внимания со стороны международных институтов, способствующих формированию глобального гражданского общества.

В частности, ЮНЕСКО публикует работу Кристиана Айлдера «Медиа под обстрелом: факты и фикция в условиях войны»¹⁰, в которой ставится вопрос о возможности реализации идеи ЮХабермаса о преодолении неосведомленности и непонимания благодаря формам публичного дискурса. Автор предполагает возможность конструктивной конкуренции новых глобальных информационных сетей с доминирующими западными СМИ. Так, канал «Аль-Джазира» вещает посредством спутника более чем в двадцати арабских странах. Поэтому Стюарт Куннингам из Технологического университета в Куинсленде считает ошибочным образ Запада как центра, доминирующего в развивающихся странах периферии. Фактически в мировом информационном пространстве можно выделить несколько регионов, каждый из которых обладает внутренней динамикой. В основе формирования данных регионов лежат не только географические критерии, но и культурные, лингвистические и исторические связи¹¹.

Важным уточнением здесь будет то, что финансово-информационные корпорации в основном обладают устойчивой смысловой предопределенностью коммуникативных практик. Структуру медиа демонстрирует классификация СМИ по степени ангажированности и по масштабам влияния на мировое сообщество в целом. Модель информационно-новостного пространства может быть представлена не на двух уровнях, как центр и периферия, а скорее на четырех. Наряду с наиболее влиятельными СМИ, воздействие которых не повсеместно, распространены региональные медиаканалы, представляющие альтернативную точку зрения и обладающие сильным влиянием на локальном уровне. Хотя в целом, судя по приведенным выше данным рейтинга информационных служб, можно оценить сегодняшнюю роль подобных «контрпотоков» в мировом информационном пространстве достаточно скептически.

Можно выделить следующие медиа, сложившиеся на основе информационно-коммуникационных технологий и формирующие общественное мнение в международном сообществе.

1. Западные медиа, наиболее влиятельные с точки зрения охвата аудитории, инфраструктуры, распространенности в мире, представляющие интерпретацию событий в интересах США.

Наиболее показательной в данной связи является медиа-империя Руперта Мердока *News Corporation*, репрезентирующая значительную часть медиасферы и СМИ.

По своей направленности ее деятельность отличается проамериканской интерпретацией международных процессов, поддерживающей внешнюю политику США.

В этот холдинг входят крупнейшие печатные СМИ по всему миру (*The Sun*, скандально закрытая *News of the World*, газеты *Times* в Великобритании; *The New York Post*, *The Wall Street Journal*; телевизионные вещательные каналы *Fox News* в США, *Imedi Media Holding* в Грузии).

Кроме того, среди влиятельнейших новостных каналов, нельзя не назвать CNN.

2. Западные медиа, не менее влиятельные, чем указанные выше, однако допускающие альтернативную интерпретацию событий, хотя в основном поддерживающие позицию США.

К ним относятся: британская информационная служба Би-би-си, французская *France 24* и европейская – *EuroNews*¹², а также печатная, наиболее цитируемая онлайн пресса *The New York Times*, *The Guardian*, *Das Bild*, *Le Figaro*, *Le Mond*.

3. Региональные медиа, менее распространенные, однако представленные и на глобальном уровне, особое влияние оказывающие локально, конкурирующие с западными центрами информационного пространства.

Наиболее очевидным примером здесь является «Аль-Джазира». Реже упоминаемая, однако, занимающая первое место в рейтинге двухсот ведущих новостных интернет-изданий китайская газета «Жэньминь Жибао» (*The People's Daily*).

4. Наконец, национальные медиа, оказывающие слабое влияние на общественное мнение за пределами страны в связи с недостаточным авторитетом у аудитории в глобальном масштабе, сравнимым с вышеперечисленными.

Это – информационная служба *Russia Today*, информационное издание «Коммерсантъ» и «Российская газета» (выбор обоснован тем, что среди всех российских СМИ они занимают наивысшие места в рейтинге ведущих мировых информационных ресурсов¹³; однако это лишь 63 и 79 позиции соответственно).

Глобализация способствует плюрализации субъектов, объектов и каналов международной коммуникации, а ее обязательное условие – новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволяют трансформировать не только форму, но и содержание информации о международных

процессах. Наиболее заметное влияние информационно-коммуникационных технологий на международные отношения, их интерпретацию и мировое общественное мнение осуществляется с помощью мировых новостных телесетей и все более распространенных и цитируемых интернет-изданий печатных СМИ. Непосредственно содержательная сторона ИКТ, формирующая общественное сознание и, соответственно, служащая основой мирового общественного мнения, представлена медиакорпорациями. Они используют сразу все или несколько из вышеперечисленных каналов распространения информации. Именно поэтому их можно считать мультимедийными конгломератами.

Э то во многом служит основанием для базового противоречия информационно-коммуникационных оснований мирового общественного мнения. Речь идет не только о диалектике взаимовлияния реального мира и его отражения в СМИ, формирующего параллельную картину событий. Противоречие заключается уже непосредственно в структуре субъектов, лидеров мирового общественного мнения, интерпретирующих явления международной жизни.

В своей монографии 1964 г. М.Маклюэн одним из первых теоретиков медиа и коммуникации вывел соответствующую закономерность влияния технического средства передачи сообщения не только на форму, но и на содержание послания, и даже его восприятие реципиентами (*medium is the message*). Кроме того, он отмечал амбивалентность все более активного восприятия: благодаря сочетанию аудиовизуальных, текстовых и интернет-каналов коммуникации, при условии их ангажированности, возможности инструментализации средств массовой коммуникации и самого общественного мнения и в целях захвата, усиления и легитимизации власти растут¹⁴.

Последствия информационно-коммуникационных технологий проявля-

ются в трансформации и усложнении структуры общественного мнения. Так, в современном международном сообществе общественное мнение по критерию субъекта условно подразделяется на¹⁵:

- международное общественное мнение, выражающее позицию межправительственных организаций, в первую очередь ООН, по поводу политических, экономических, социальных, дипломатических, правовых, военных, гуманитарных проблем;

- глобальное общественное мнение, формирующееся в отношении глобальных проблем человечества и ретранслируемое в основном международными неправительственными организациями;

- мировое общественное мнение, наиболее объемное и дискуссионное понятие, соотносящееся с современным понятием мировой политики. Одной из ключевых характеристик здесь является множественный характер международных акторов, государственных, надгосударственных, негосударственных, субгосударственных и даже отдельно взятых индивидов. Однако фактически в формировании мирового общественного мнения ведущую роль играют наиболее влиятельные участники международных отношений, монополисты информационного пространства. Поэтому чаще мировое общественное мнение, скорее инструментализированное, искусственно сконструированное понятие в интересах наиболее влиятельных государств и финансово-информационных конгломератов.

Парадоксальным же является то, что, несмотря на более активную роль потребителя информации и кажущуюся общедоступность ретранслированной в медиaprостранство реальности, способность критического и адекватного восприятия снижается.

Надежды на глобальное гражданское общество, открытость и достоверность информации, преодоление манипулиру-

емости и подверженности пропаганде – все это по-прежнему остается больше на уровне либерально-идеалистических постулатов. Это связано с тем, что каждый новый вид коммуникативной среды становится проводником интересов тех или иных групп влияния – первоначально на национальном, а затем и на наднациональном уровнях. А все большая вовлеченность аудитории и активность восприятия информации, передаваемой посредством телевидения и Интернета, увеличивают возможности манипулирования.

Наиболее явно роль мировых СМИ как инструмента политического влияния прослеживается в освещении международных конфликтов. Речь идет о геополитике информации, где основным инструментом является использование «мягкой силы». Современные международные конфликты в значительной степени происходят в медийном пространстве, где осуществляется борьба за сознание, мнение общества, национальное и международное. Наряду с военной техникой важнейшей составляющей становятся коммуникационные ресурсы, поскольку конфликты подкрепляются информационными войнами.

Определение информационной войны дано в меморандуме № 30 (1993 г.) заместителей министра обороны и Комитета начальников штабов Вооруженных сил США.

Под информационной войной понимаются «действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации и информационных систем»¹⁶.

Так, например, применение информационного воздействия для подкрепления военных операций в Афганистане, Югославии, Ираке, опираясь на доминирование в новостном пространстве, де-

монстрирует чрезвычайно важное, решающее значение данного рычага давления и легитимизации власти.

Обладая практически монополией на доверие аудитории не только в США, но и во многих развитых странах, *Fox News* и *CNN* на деле исключили возможность плюралистичности в оценках внешней политики США и легитимизировали в глазах всего мирового сообщества военные действия, а по факту – военную агрессию и экспансию американского влияния. При этом США учли свой прошлый негативный опыт недооценки роли мирового общественного мнения на исход вооруженных конфликтов.

Как отмечают И.Панарин и Л.Панарина, «война во Вьетнаме явилась отправной точкой для формирования современных теоретических взглядов на роль общественного мнения в вооруженных конфликтах. Американцы недооценили его роль и во многом именно из-за этого потерпели поражение»¹⁷.

Еще одним примером столкновения интересов не только в реальности, но и в пространстве ее восприятия, в пространстве «мира мнений» стал российско-грузинский вооруженный конфликт 2008 г. по поводу Южной Осетии. Показательным этот конфликт явился не только в том, что за его восприятие мировым сообществом велась бескомпромиссная борьба между российскими и западными массмедиа.

Результатом массированного информационного воздействия на глобальное общественное мнение явилась пусть не «решительная и окончательная» «победа» наиболее крупных, многочисленных, лучше «вооруженных» технически и лучше оплачиваемых СМИ, но большая распространенность и превалирование позиций западных экспертов и западных массмедиа.

Данный случай демонстрирует также неоднозначность и сложность соотношения национальных и корпоративных интересов.

Так, заявления официальных представителей Белого дома и сообщения американских информационных каналов, входящих в состав крупнейших медиакорпораций, часто серьезно расходились. Это было связано с тем, что в качестве субъектов – источников коммуникации в международном информационном пространстве мы выбрали не только и не столько публичные заявления официальных лиц и глав государств – в центре нашего внимания трактовка событий августа 2008 г. наиболее крупными международными массмедиа. Это можно объяснить тем, что государство, даже такое как США, было больше заинтересовано в сдержанности, исходя из соображений безопасности и ответственности за последствия своих действий. В риторике же крупнейших мировых СМИ доминировали милитаристские настроения, которые допускали возможность подключения НАТО к защите Грузии и дальнейшей эскалации конфликта, вплоть до возобновления холодной войны.

Основное влияние на содержание мировых СМИ и, соответственно, на мировое общественное мнение оказали США, ЕС и в некоторой степени Россия.

Неравноценность влияния можно объяснить исходя из теории Мэттью А.Баума и Тима Дж.Грелинга¹⁸ о степени подверженности общественного мнения влиянию СМИ, которая вполне справедлива и применима к рассматриваемому нами конфликту.

Упомянутые авторы утверждают, что в оценках конфликта или войны общественное мнение сначала, в условиях недостаточной информации, в значительной степени зависит от сообщений СМИ. Применяв предложенные Мэттью А.Баумом и Тимом Дж.Грелингом такие переменные, как риторика элит в отношении внешней политики, структура ее отражения в новостях и реакция на нее общественности, можно исследовать,

как национальные интересы представлены в мировом новостном пространстве и как посредством него влияют на реакцию мировой общественности.

Говоря о структуре информационного поля и взаимодействии с общественным мнением, мы согласимся с авторами в том, что для принятия той или иной позиции, навязываемой конкретным новостным источником, решающую роль играет степень изначальной предрасположенности, доверия, общности его интересов и адресата сообщения. В связи с этим правомерно считать, что степень распространённости и достоверности информации в краткие сроки не вли-

яет на мировое общественное мнение, если на уровне установок в долгосрочном временном контексте не задано позитивное отношение общественности к той стороне, чьи интересы отражены в информационном контенте. Иначе говоря, если зона геополитических интересов на Кавказе включает в себя в основном Россию и США, а Европа заведомо поддерживает Штаты, то в соперничество с ними в информационной борьбе следует включаться задолго до эскалации конфликта, освещая как историю и эволюцию проблемы, так и более широкие аспекты отношений всех так или иначе вовлечённых в него сторон.

Деятельность СМИ по формированию мирового общественного мнения является производной внешней политики, и лишь изменение отношения Запада к России способно сделать эффективным ее воздействие через СМИ на общественное мнение Запада.

Мировые (а в большинстве своем – американские) СМИ задают осуждающий тон по поводу российской внешней политики. Они становятся цензорами в глобальном масштабе, детерминируя содержание и оценочно-смысловую структуру общественного мнения.

В контексте современной мировой политики глобальное общественное мнение формируется в основном наиболее влиятельными массмедиа, принадлежащими крупнейшим корпорациям и выражающими интересы того политического класса, к которому они принадлежат.

Примечания

¹ Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М., 2009. С. 531.

² Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967.

³ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999.

⁴ Делягин М.Г. Мировой финансовый кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 194.

⁵ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. Он же. Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 5.

⁶ Рынок мультимедийных компаний // Официальный сайт агентства финансовой информации Блумберг. URL: <http://www.bloomberg.com/markets/companies/multimedia>

⁷ Рейтинг 500 крупнейших компаний Си-эн-эн (CNN service Fortune&Money) // URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune500/2011/industries/145/index.html>

⁸ Arsenault A.H., Castells M. The Structure and Dynamics of Global Multi-Media Business Networks // International Journal of Communication. 2008. № 2. P. 707–748 // URL: <http://www.mendomate.com/resources/GlobalMultimediaBusinessNetworks.pdf>

⁹ Рубанов В.А. Информационная безопасность России в условиях глобализации // Глобальная информатизация и безопасность России / под ред. проф. В.И.Добренёва. М., 2001. С. 56–78.

- ¹⁰ Elders C. Media under fire: Fact and fiction in conditions of war // International Review of the Red Cross. 2005. №860 // URL: http://www.ikrk.org/eng/assets/files/other/irrc_860_elders.pdf
- ¹¹ Thomas B. What the World's Poor Watch on TV // Prospect (monthly magazine of current affairs and culture). London, England, January 2003 // URL: <http://www.worldpress.org/Europe/947.cfm>
- ¹² О компании // Официальный сайт EuroNews // URL: <http://ru.euronews.net/the-station>
- ¹³ Top 200 Newspapers in the world // 4 International Media & Newspapers // URL: <http://www.4imn.com/top200>
- ¹⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г.Николаева. М.: Гипербория; Кучково поле, 2007.
- ¹⁵ Цыганков П.А. Внешняя политика и общественное мнение // Обозреватель–Observer. 2008. №7. С. 38 // URL: http://www.rau.su/observer/N7_2008/036_052.pdf
- ¹⁶ Цыганков В.Д., Лопатин В.Н. Психотронное оружие и безопасность России. М., 1999. С. 114.
- ¹⁷ Панарин И., Панарина Л. Информационная война и мир. М., 2003. С. 122.
- ¹⁸ Baum M.A., Groeling T.J. War Stories: The Causes and Consequences of Public Views of War. Princeton, NJ // Princeton University Press, 2010.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@ru.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

<http://www.rau.su>

Концепция «устойчивого развития» как идеология и практика утверждения нового мирового порядка

Галина Авцинова

В современных условиях в научных кругах и в среде общественности широко распространено мнение о концепции «устойчивого развития» как объединяющей политической идее, якобы ориентированной на создание условий гармоничного управления политическими, социальными и экономическими процессами в интересах грядущих поколений всех стран. По мнению многих ученых, эта концепция адекватно отражает интересы и властвующей элиты, и рядовых граждан мирового сообщества, не противоречит фундаментальным научным знаниям, общечеловеческим ценностям, религиозным верованиям, а также цивилизационной специфике стран. Неслучайно, что в последние два десятилетия именно эта концепция получила статус ведущей политической доктрины в сфере международного сотрудничества, став стержневой проблемой современного политического и научного дискурсов.

«Устойчивое развитие» как инструмент преобразования мирового порядка

Принципиально иной подход к оценке данной концепции содержится в книге известного ученого, автора ряда монографий и статей, доктора политических наук Павленко Владимира Борисовича «Мифы “устойчивого развития”. “Глобальное потепление” или “ползучий” глобальный переворот?».

Монография В.Б.Павленко содержит критический анализ концепции устойчивого развития, ее роли и места в строительстве «нового мирового порядка», в

который вовлечена и Россия. Книга состоит из трех разделов, двенадцати глав, заключения и пятнадцати приложений. Приложения являются органичной частью монографии. Они содержат различные документы (декларации, манифесты, договоры, резолюции, доклады) всемирных саммитов и конференции ООН, международных организаций и институтов и т. д. Использование автором солидной научно-аналитической базы, широкого круга официальных ис-

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор. E-mail:

Ключевые слова: экология, устойчивое развитие, глобальное потепление, глобальное управление, глобальная олигархия, Римский клуб, распад СССР, управление конфликтами, миростроительство.

точников и документов помогает читателям судить о целях, задачах, принципах, организационных структурах, участниках и партнерах процесса строительства нового мирового порядка», делать самостоятельные выводы.

В.Б.Павленко считает, что всемирно-исторический процесс представляет перманентную конкуренцию длительных по продолжительности различных глобальных проектов, формируемых способными и готовыми к экспансии цивилизациями. Исходя из логики «миропроектной конкуренции», подрыв и разрушение СССР Западом готовились давно, еще в период завершения Второй мировой войны (с. 110–111). Горбачевская перестройка явилась третьей по счету попыткой разрушения СССР. Солидаризируясь с позицией ряда исследователей (например, А.А.Сазонова), автор отмечает неспособность части советской элиты не только адекватно решать, но и осознавать стоявшие перед страной новые задачи и глобальные вызовы, а также предательство своей страны и ее интересов. «Непреложным фактом является прямое и осмысленное участие» ряда высокопоставленных представителей властвующей элиты во главе с Горбачевым «в разрушении страны» (с. 110). Оно велось «под непосредственным и деятельным руководством фактической агентуры внешнего влияния во главе с Горбачевым, Яковлевым и Шеварднадзе» (с. 113–114).

В работе доказывается, что процесс строительства нового мирового порядка носит не стихийный, а последовательный, целенаправленный и управляемый характер в интересах не всех, а строго определенных политических союзов и стран. Для подтверждения своей точки зрения автор опирается более чем на сотню официальных документов. Он убежден в том, что «сегодняшние игры в «перезагрузку» доказывают только одно:

русская власть по тем или иным причинам до сих пор соблюдает официальные и неофициальные необнародованные условия фактической капитуляции 1991 года» (с. 99). Автором вскрывается не только общеполитический замысел данного проекта, но и конкретные его проявления, тесно связанные с созданием и эволюцией Римского клуба и преемственных ему глобальных институтов. В книге выявляются закономерности, анализируются механизмы взаимодействия различных структур устойчивого развития, а также преемственность их эволюции. Особое внимание автор уделяет анализу механизмов подрыва и ликвидации суверенитетов крупных самостоятельных государств, прежде всего Советского Союза. В книге показывается решающая роль в этом «пятой колонны», включающей «агентов влияния» в лице ряда крупных советских и российских политиков и ученых. Автор выявляет механизмы внедрения идей устойчивого развития в государственную политику, пути и способы адаптации к ней общественного сознания, ведущая роль в которых отводится теории глобального потепления, идеологемам демократии, прав человека, прав меньшинств, рыночной экономики, федерализма и т. д.

Автор рассматривает устойчивое развитие как концепцию, стратегию и идеологию преобразования мирового порядка. Данная концепция появилась в качестве реакции на кризис индустриализма, порожденный, прежде всего Западом, а также на обусловленную колониальной отсталостью развивающихся стран «поляризацию богатства и нищеты» (с. 122). До официального внедрения концепции «устойчивого развития» ее паллиативом служила концепция «глобального равновесия» (с. 142). В начале 90-х годов Рокфеллер сделал важное, если не сказать знаковое заявление:

«При сегодняшней ситуации создание нового морового порядка еще долго будет невозможно. Мы накануне глобаль-

ных перемен. Все, что нам нужно, – это большой кризис, и тогда страны примут новый моровой порядок» (с. 146).

«Глобальный план» и его составляющие

Практическая реализация выдвинутого А.Печчеи «глобального плана» предполагает решение двух взаимосвязанных задач. Первая из них – это создание унифицированного миропорядка и единого человечества, лишенного существующих ныне перегородок между цивилизациями, народами и религиозными конфессиями, опосредующего их исторический опыт и идентичность. Для решения этой задачи предлагается повсеместное внедрение всеми возможными и невозможными способами универсальной, надцивилизационной системы общечеловеческих ценностей, основанных на подмене общественного идеала материальными интересами.

Вторая задача требует сохранения единства западной цивилизации, неприменным условием которого считается предотвращение «полной изоляции» США и реформатирование в этих целях всей существующей глобальной системы экономических и военно-политических блоков и союзов. В авторской проектной концепции эти задачи рассматриваются как отражение цивилизации и глобального управления (с. 233). После Февральской революции в центр внимания ряда теневого объединения американской и глобальной элиты становилось строительство послевоенного миропорядка. Важнейшей его частью рассматривалось кардинальное переустройство России, начало которого и было положено Февралем. Как свидетельствуют некоторые западные источники, ставка в переустройстве России сначала делалась на Керенского, а затем на Троцкого (с. 258).

Автор доказывает, что под видом устойчивого развития внедряется идеоло-

гема, несовместимая с развитием как таковым. Понятно, что распространение уровня жизни «золотого миллиарда» хотя бы на Индию и Китай, стремительно обгоняющие Запад в глобальной конкуренции, исчерпает природные ресурсы. Подобные потребительские стандарты не соответствуют нынешнему уровню технологического развития. Спорны они и с морально-нравственной точки зрения.

Автор рецензируемой книги доказывает, что властвующая элита на Западе стремится решать проблемы своих стран за счет всех остальных государств и народов. На основе анализа международных документов В.Б.Павленко прослеживает трансформацию понятия устойчивое развитие. Так, в официальном документе ООН – Копенгагенской декларации о социальном развитии (1995 г.) «устойчивое развитие» коррелирует с «устойчивым ростом, социальным развитием и окружающей средой». Однако в докладе «Наше глобальное соседство», который был разработан Комиссией по глобальному управлению и сотрудничеству во главе с вице-президентом Социнтерна И.Карлссоном в том же 1995 г., утверждается уже прямо противоположное. В этом документе сказано, что «для достижения устойчивого развития необходимо сокращать не только численность населения, но и снижать уровень потребления». При этом, замечает В.Б.Павленко, Копенгагенскую декларацию найти нетрудно, а вот доступ к докладу «Наше глобальное соседство» весьма ограничен. Этот документ имеется только в Исторической библиотеке, причем в одном экземпляре, т.е. выдается лишь в читальном зале. И в Интернете

его тоже не найти. Налицо двойные стандарты, столь характерные для западной политики, когда для масс широко распространяется одна информация, а истинный смысл происходящего не афишируется.

Эти и другие факты, подробно проанализированные в книге, доказывают существование стратегического антироссийского альянса ООН и Социтерна.

Автор отмечает, что сотрудничество этих организаций началось еще в начале 70-х годов XX в. одновременно с появлением первых докладов Римскому клубу. Именно тогда были созданы так называемые независимые комиссии: по международному развитию (В.Брандта), окружающей среде и развитию (Г.Х.Брунтланд) и по вопросам разоружения (У.Пальме). На базе этих комиссий в 1992 г. и была создана Комиссия по глобальному управлению, которую в 2001 г. преобразовали в Комиссию по глобализации.

Термин «устойчивое развитие» впервые появился в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее», обнародованном комиссией Брунтланд на Генеральной Ассамблее ООН. Прикрываясь идеей охраны окружающей среды, авторы данной концепции призвали привести потребности людей в соответствие с возможностями природы для всех государств, кроме

стран Запада. Автор подчеркивает, что основная идея концепции «устойчивого развития» сводится к «трем Д»: деиндустриализация, депопуляция и десоциализация. Еще в первом докладе Римскому клубу («Пределы роста») предлагалось ввести меры ограничения рождаемости (не больше двух детей в семье) и заморозить промышленное производство на уровне 1975 г. Второй доклад («Человечество на перепутье») сформировал «десятирегиональную модель» Пестеля – Месаровича, смысл которой заключался в окончательном закреплении сложившейся международной системы разделения труда. В соответствии с этим планом России отводилась участь «сырьевого придатка», для чего необходимо было развалить Советский Союз. Технология развала страны началась с вовлечения в Римский клуб части советской элиты. В.Б.Павленко отмечает, что у истоков этой спецоперации стоял академик Д.М.Гвишиани, пользовавшийся поддержкой своего тестя – председателя Правительства СССР А.Н.Косыгина. Для доказательства автор монографии ссылается на книгу самого Д.М.Гвишиани «Римский клуб: история создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы» (М., 1997), в которой он рассказал, кто из властвующей элиты и как готовился к сдаче страны еще в годы застоя.

Категории устойчивого развития

Важно, что в рецензируемой книге анализируются конкретные идеи концепции устойчивого развития. С помощью введенного понятия «общее глобальное достояние» природные ресурсы признаются объектом международного контроля, а государства лишаются суверенитета над ними. Автор напоминает, что впервые в такой постановке этот вопрос прозвучал еще в августе 1941 г. в Атлантической хартии Рузвельта и

Черчилля. Финансирование устойчивого развития предлагается осуществлять за счет глобальных налогов, взимаемых за пользование «глобальным общим достоянием». Принцип расчета – стоимость не товара, а потребленных энергоресурсов.

Устойчивое развитие коррелирует с глобальным управлением, ресурсом которого провозглашается окружающая среда, инструментами управления в эконо-

мической сфере является рынок, а в политической – демократия (с. 720). В центре данной концепции находится экологическая проблематика. Она широко распространяется и активно эксплуатируется политическими, деловыми и научными элитами, спецслужбами, профсоюзными лидерами, глобальными СМИ,

специализированными учреждениями ООН, региональными организациями (НАТО, Европейский союз, ОБСЕ, АСЕАН, АТЭС, ОАГ и др.), Социнтерном, транснациональными неправительственными организациями (Институт мирового развития, «Гринпис», Всемирный фонд дикой природы) и т.п. (с. 108–109).

Внедрение устойчивого развития

После аномальной жары в России летом 2010 г., пожаров, аномальных холодов зимой 2012 г. специального внимания заслуживает вопрос о климате. Причины, последствия и перспективы глобального потепления являются предметом острых дискуссий ученых, представителей общественности, политических деятелей в разных странах.

Автор ставит вопрос так: не носит ли предполагаемое «глобальное потепление» искусственного характера и не локализуется ли оно территориально? Иначе говоря, не может ли оно представлять собой некую сконструированную реальность, являющуюся принципиально новой угрозой национальной безопасности России, действительно рукотворной, обусловленной отнюдь не естественными издержками экономического и технологического развития (с. 109)? В рецензируемой монографии подробно анализируются основные точки зрения по этой проблеме.

Автор считает, что с учетом экологической деградации нашей страны в постсоветский период существует опасность утраты понимания того, что происходит в стане нашего вероятного противника. По мнению В.Б.Павленко, развернувшаяся борьба с пресловутым глобальным потеплением выдвинула на передний план установления нового мирового порядка не столько экономические, политические или военные, а именно экологические способы и методы. Он последовательно анализирует процесс

превращения экологических проблем в инструмент не только политического давления на Россию, но и решения ее судьбы. В.Б.Павленко обращает внимание на то, что в соответствующий Хьюстонский проект был включен раздел, озаглавленный весьма красноречиво – «Экологический аспект проблемы разделения России».

Автор цитирует следующие положения из данного документа: «Большинство неядерных объектов не представляет непосредственной опасности территории США. Небольшое количество исключений вместе с большинством ядерных объектов должно быть подвергнуто систематическому мониторингу. ...Следует финансировать их скорейший перевод в безопасный режим функционирования. Это финансирование должно активно использоваться как инструмент эффективного давления на руководство России и особенно – на руководителей соответствующих ведомств и регионов» (с. 100).

При этом в докладе «Наше глобальное соседство» констатируется положение о том, что если экологических механизмов окажется недостаточно, внедрение устойчивого развития перейдет в сферу полномочий региональных организаций, например ОБСЕ и НАТО. Отсюда раздвоение всемирных саммитов. С 2000 г. к конференциям ООН по окружающей среде и устойчивому развитию добавляются всемирные саммиты по

целям развития. Неслучайно в 2005 г. на таком саммите была создана Комиссия ООН по миростроительству. Среди задач Комиссии по глобальному управлению фигурировали «оценка адекватности структурной организации мира и подготовка рекомендаций по ее реконструкции», а также управляемое разрешение внутренних конфликтов как предлога для гуманитарного вмешательства. Плоды деятельности Комиссии наиболее наглядно видны в Африке, на Ближнем Востоке. Правящий режим США взял курс на поощрение скорейшего прихода к власти в мусульманском мире радикальных фундаменталистских сил (новая стратегия США «Новый Средний Восток»). В.Б.Павленко считает, что «арабские «революции» – лишь один из этапов глобальной трансформации. Выйдя из послевоенной стадии развития, мир вступил не в пресловутую нирвану всеобщего братства и процветания, а в следующую стадию – предвоенную. И продолжает стремительно двигаться к новой глобальной катастрофе (с. 17). Другим ярким примером деятельности Комиссии по миростроительству является Косово. Интервенция против Южной Осетии также была попыткой запустить отработанные технологии данной Комиссии на постсоветском пространстве. Именно тогда Грузия входила в число членов руководящего органа комиссии – Организационного комитета.

В рецензируемой монографии автор подробно останавливается на процедуре принятия Киотского протокола. На конференции в Рио-де-Жанейро, состоявшейся в 1992 г., были приняты Декларация и Рамочная конвенция ООН по изменению климата. С 1995 г. стали проводиться ежегодные конференции участников конвенции. В декабре 2011 г. в Дурбане прошла 17-я конференция. Главная цель – протачить новую редакцию Киотского протокола, принятого 3-й конференцией в 1997 г., поскольку в

конце 2012 г. срок его действия истекает.

Два года назад в Копенгагене случился грандиозный скандал. Выяснилось, что США, Великобритания, Канада и Дания тайно подготовили так называемый датский текст, который узаконивал двукратное превышение квот парниковых выбросов развитых стран над развивающимися. «Группа 77» (развивающиеся страны), Россия и Китай этот документ заблокировали, но с тех пор Запад не оставляет надежд его протачить. Провалилась в Рио-де-Жанейро самая амбициозная часть сценария, предполагавшая создание «глобальной конституции» и сетевой организационной структуры в лице Инициативы Хартии Земли, руку к которой приложил М.С.Горбачев со своим Фондом. В.Б.Павленко считает, что Декларация Рио-де-Жанейро прямо перекликается с докладом «Наше глобальное соседство». Принцип 8-й гласит: «Для достижения устойчивого развития... государства должны ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления и поощрять соответствующую демографическую политику».

Автор сожалеет, что концепция устойчивого развития, подрывающая суверенитет России, президентским указом 1995 г. включена в государственные документы России. В.Б.Павленко уверен, что «возвращение В.В.Путина на должность Президента России, вопреки отчаянному противодействию Запада, откроет дорогу одностороннему пересмотру неофициальных обязательств, принятых при Горбачеве и Ельцине».

Автор не отрицает необходимости борьбы с парниковыми выбросами, но сегодня эта идея используется лишь в качестве предлога для внешнего вмешательства. При этом в разряд самых вредных неизменно попадают наиболее важные для экономической самостоятель-

ности и суверенитета государств отрасли реального сектора экономики – энергетика, машиностроение, металлургия. В 2009 г. сайт *WikiLeaks* обнаружил переписку британских и американских климатологов, наглядно продемонстрировав, как легко и непринужденно можно манипулировать цифрами. На самом деле ограничение парниковых выбросов – инструмент деиндустриализации. В дополнение к нему вводится так называемый механизм чистого развития. То есть торговля квотами для развивающихся стран в обмен на поставку им «экологически чистых» технологий и развитие демократических политических институтов по западному образцу, даже если это противоречит исторической и социокультурной традиции государств. Квотами торгуют крупнейшие глобальные банки, в результате чего наживается глобальная олигархия. В докладе «Наше глобальное соседство» есть очень примечательный фрагмент, который нужно привести. «Управление и сотрудничество, – пишут его авторы, – есть совокупность многих способов, с помощью которых отдельные лица и организации, как государственные, так и частные, ведут свои общие дела. Это непрерывный процесс сглаживания противоречий интересов, их различий в целях осуществления совместных действий.

Он включает всю систему правления и официальные институты, призванные обеспечивать уступчивость, согласие и существующие неофициальные договоренности между отдельными лицами и организациями, которые отвечают их интересам».

В сводках правоохранительных органов любой страны упоминание «неофициальных договоренностей», «отвечающих интересам» «отдельных лиц и организаций», как правило, происходит в увязке со словом «мафия». А включение в них «официальных институтов» называется коррупцией. Здесь же речь идет о «большой политике», т.е. процессе, «охватывающем всю систему правления». «Отдельные лица и организации» – это и есть эвфемизм глобальной олигархии. В докладе «Наше глобальное соседство» они именуются «частными и независимыми группами», в Копенгагенской декларации – «неформальным сектором». Д.Рокфеллер без обиняков называл их «интеллектуальной элитой и мировыми банкирами». Киссинджеру принадлежит следующее откровение: «Если вы контролируете нефть, вы контролируете целые страны; если вы контролируете еду, вы контролируете людей. Если же вы контролируете деньги – вы управляете целым миром».

Актуальность работы

Импонирует не только высокий профессионализм автора рецензируемой монографии, тщательность и скрупулезность при отборе исследуемых им документов, фактов, обосновании собственных научных выводов, но и гражданская позиция В.Б.Павленко. Он справедливо называет 1991 год «капитуляцией» и считает, что сегодня «ребром поставлен вопрос о самом историческом выживании российской цивилизации». Автор призывает «четко осознавать, что рас-

считывать на пощаду не приходится», поэтому он уверен, что «Россию будут добивать. Причем независимо от того, какой в ней будет режим и в какой мере он будет готов “воздать хвалу демократии и либерализму”» (с. 99). Сегодня, как считает автор, необходим «выход из проектного застоя и осуществление новой проектной трансформации». Трудно не согласиться с автором в том, что Россия переживает трудную внутриполитическую ситуацию, характеризующуюся

расколом элиты, наличием в ней сильных прозападных настроений, а также «пятой колонны», усиленно работающей над «тотальным разрушением страны и «зачисткой ее от нелояльных Западу элементов и тенденций» (с. 116). По мнению автора «существование в российской элите компрадорских настроений является продуктом противостояния в ее историческом развитии двух основополагающих базовых тенденций – имперской и этнонационалистической. Представители имперской социокультурной и политической традиции рассматривает Россию центром евразийского Хартленда, ориентируя ее на роль медиатора между Востоком и Западом. Сторонники этнонационалистической традиции ратуют за обособление славянских регионов, что не может не привести к резкому сокращению территории, вплоть до возврата в границы Киевской Руси.

С болью и тревогой за судьбы страны анализирует В.Б.Павленко возможные сценарии дальнейшей трансформации России: от «революции сверху», до

«революции снизу, вплоть до распада страны», ее «тихого умирания» и «расчленения на ряд квазигосударств».

Проделав огромную исследовательскую работу, привлекая большой массив источников, в том числе и малоизвестных, В.Б.Павленко предоставляет читателю доказательную базу глубинных причин событий, связанных с планами мировой олигархии по переустройству человечества.

Книга написана хорошим языком. Несмотря на большой объем (944 с.), она читается с большим интересом, побуждает делать пометки, выписывать цитаты и факты. Несомненно, книга будет полезна не только преподавателям, студентам вузов, специалистам в области внутренней и внешней политики, но и широкому кругу читателей.

Павленко В.Б. «Мифы “устойчивого развития”. “Глобальное потепление” или “ползучий” глобальный переворот?». М.: ОГИ, 2011. – 944 с.

Основные этапы и векторы внешней политики Перу

Збигнев Ивановский

На рубеже прошлого и нынешнего столетий наметились тектонические сдвиги в мировой экономике и политике. В условиях мирового экономического кризиса ослабевает роль ведущих центров силы, все более активную роль в формировании полицентричного мира играют страны-гиганты с восходящей экономикой. Более активными субъектами политики становятся и латиноамериканские государства, отказавшиеся от авторитарного наследия, добившиеся определенных успехов на пути консолидации демократии и успешно защищающие свои национальные интересы в рамках международных организаций, в системе двусторонних и многосторонних отношений. Достижению поставленной цели в значительной мере способствуют активизировавшиеся интеграционные процессы, позволяющие аккумулировать накопившийся потенциал.

В российской историографии Перу посвящено немало работ, однако до на-

стоящего времени не было комплексного исследования, анализирующего основные векторы внешней политики этой древнейшей страны на протяжении длительного исторического периода. Этот пробел в значительной мере заполняет фундаментальная монография кандидата исторических наук, доцента Дипломатической академии МИД России Т.П.Петровой «Перу в системе международных отношений (1821–2010 гг.)». Автор опирается на широкий круг документов и других первоисточников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Автор не ограничивается хронологическим изложением событий и рассматривает Перу в качестве субъекта международных отношений в пространственном и социально-экономическом аспектах.

Первая глава монографии раскрывает сложную диалектику территориальных споров и трансграничной интеграции. Для того чтобы показать корни застарелых проблем, автор обращается к

ИВАНОВСКИЙ Збигнев Владиславович – доктор политических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Институт Латинской Америки РАН, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова) E-mail: z.w.iwanowski@gmail.com

Ключевые слова: Латинская Америка, Перу, территориальные споры и конфликты, трансграничная интеграция, региональные интеграционные процессы, зоны свободной торговли, двустороннее и многостороннее сотрудничество, полицентричный мир.

истокам формирования перуанской нации – империи инков Тауантинсуйу, подробно излагает многочисленные изменения административно-территориального деления южноамериканских владений Испании в колониальный период и в эпоху войны за независимость.

Опираясь на многочисленные исторические и юридические документы, Т.П.Петрова приходит к выводу о том, что фактические границы колониальных провинций нередко расходились с юридическими, не были четко разграничены и не соответствовали действительности, часть из них находилась в отдаленной и небезопасной сельве Амазонии (с. 25.) Ситуация еще больше осложнилась после распада Великой Колумбии в 1930 г.

Становится очевидным, что территориальные споры, спровоцировавшие многочисленные вооруженные конфликты и даже полномасштабные войны, далеко не случайны и вряд ли могли бы быть предотвращены несмотря на усилия молодой латиноамериканской дипломатии и посредничество бывшей метрополии.

Далее автор педантично и беспристрастно излагает историю основных вооруженных конфликтов, сопровождавших всю новую и новейшую историю Перу, методы их урегулирования и фактическое состояние вопроса на данный момент.

Наиболее крупные из них – распад Перуанско-Боливийской конфедерации (1835–1839 гг.), вторжение Перу в Эквадор (1858–1860 гг.), вооруженные конфликты с Колумбией (1911 г. и 1933 г.), Летисийский конфликт с Колумбией (1932–1934 гг.), Тихоокеанские войны (1864–1866 гг. и 1879–1884 гг.), Такна-Арикский конфликт, продолжавшийся с различной степенью интенсивности с 1883 по 1929 г., Перуанско-эквадорская война (1941–1942 гг.) и т. д.

Погранично-территориальные споры, окончательно не разрешенные до настоящего времени, продолжались и в

связи с попытками демаркации морской границы между Перу и Чили.

При анализе территориальных претензий автор придерживается пространственно-социально-экономического фактора и регионального (точнее, субрегионального) аспекта и выделяет три взаимосвязанных комплекса внешнеполитических отношений:

- на севере – после распада Великой Колумбии с Эквадором и Колумбией;
- на юге – с Боливией и Чили;
- на амазонском востоке – с Бразилией.

В результате жизнь в Перу протекает в окружении пяти субъектов международного права, между которыми все явственнее проявляются различия.

Парадокс ситуации состоит в том, что, несмотря на многочисленные конфликты и войны, сохраняется исконная общность глубинной психологии и совместного прошлого.

На наш взгляд, в Андских странах, особенно в Перу, Эквадоре и Боливии, несмотря на сформировавшиеся в европейском понимании нации (перуанцев, эквадорцев и боливийцев) до настоящего времени сохраняется трансграничная этническая общность кечуа, аймара и родственных им народов. Сходная ситуация наблюдается и в Амазонии. Именно эти факторы заложили основы для трансграничной интеграции, не прекращавшейся с момента образования независимых государств и выдержавшей испытания временем вопреки межгосударственным распрям и кровавым столкновениям.

Признавая зависимость внешней политики от внутренней, автор доказывает, что общая история, народные герои, фольклор, религиозные верования, трансграничные праздники, топонимы, памятные и священные для жителей по обеим сторонам границы места, миграционные потоки и товарооборот, семейные отношения и культурные связи, не-

зависимо от государственной политики, определяют социокультурную плотность отношений между прилегающими районами соседних стран.

Современная цивилизация сосредоточена в крупных городах, а приграничные андские и амазонские общины в своей основе живут по своим собственным законам и обычаям, которые их связывают с другими общинами по обе стороны официальной границы гораздо больше, чем законы их собственной страны (с. 61, 62).

Эта исходная предпосылка дает возможность проанализировать децентрализованное сотрудничество в трансграничных регионах, которое является, по справедливому мнению автора, эффективным фундаментом для интеграции исторически сложившихся надгосударственных территорий. В контексте вышесказанного автор приходит к выводу о широких возможностях взаимодействия стран в трансграничных регионах не только в сфере экологии и создания инфраструктуры, но и в большом потенциале развития экономического сотрудничества, роста товарооборота и взаимных капиталовложений и т. д.

Вторая глава посвящена роли Перу в системе международных отношений во время и после Второй мировой войны.

В монографии показана непоследовательность политики перуанских властей. В конце 30-х годов Перу активно сотрудничало с фашистской Италией и нацистской Германией как в экономической, так и в политической сферах, однако не решилось окончательно связать свою судьбу с фашизмом. Решающую роль в борьбе с фашистской угрозой сыграли политика «доброго соседа» Ф.Рузвельта и ведущие позиции американского капитала в горнорудной и нефтяной промышленности. Уже в июне 1940 г. в Перу прибыли военно-морская

и военно-воздушная миссии США, Соединенные Штаты получили доступ в порт Кальяо и на перуанские военные базы, в феврале 1942 г. Перу разорвало дипломатические отношения со странами «оси», а 1 марта 1945 г. объявило им войну.

Подробно проанализирована роль Перу в Организации Объединенных Наций.

Эта страна была одним из учредителей ООН.

Особо важную роль в ее деятельности сыграли выдающиеся перуанские дипломаты В.А.Белаунде, в течение ряда лет занимавший пост председателя Генеральной Ассамблеи ООН, и Х.Перес де Куэльяр, постоянный представитель Перу в этой международной организации, а с января 1982 по декабрь 1991 г. занимавший пост Генерального Секретаря ООН.

В монографии подробно описывается личный вклад этих и других дипломатов в деятельность ООН и в формирование внешней политики Перу в целом.

В послевоенный период, в том числе и во время биполярного мира, Перу нередко занимало независимые националистические позиции по вопросу установления 200-мильной зоны и создания Экономической комиссии ООН по Латинской Америке (ЭКЛА); еще одним проявлением самостоятельного курса стали контакты страны с Движением неприсоединения (с. 161). С самого начала Перу отстаивало принцип универсальности и ходатайствовало за включение в состав ООН всех государств независимо от их политических режимов.

В работе, кроме информации о визите в Нью-Йорк советского руководителя Н.С.Хрущева, анализируется попытка страны диверсифицировать свою внешнюю политику в период военного режима Х.В.Альварадо (1968–1975 гг.) и в меньшей степени при президенте Ф.М.Бермудесе (1975–1980 гг.). В последующие годы перуанская дипломатия в ООН и ее Генеральный Секретарь сосре-

доточили свои усилия на расширении способности организации сохранять мир и безопасность, повышении престижа международных переговоров и эффективности принятых решений, укреплении международной ответственности ООН и ее авторитета. Как отмечается в монографии, Перес де Куэльяр стремился подходить к решению проблем мира и развития с многосторонней и рациональной позиции, все народы, даже самые слабые и угнетенные, имели возможность быть выслушанными, при рассмотрении глобальных целей и необходимости мультилатерализма учитывались национальные интересы и возможность компромисса при решении конфликтных ситуаций (с. 176).

В этот же период все большую остроту приобретают проблемы сохранения окружающей среды, защита прав человека, уделяется постоянное внимание международному сотрудничеству в области экономики. Несмотря на идеологические различия между Западом и Востоком, ведущим принципом мирового сообщества стало уважение международного права.

На конкретных примерах Т.П.Петрова опровергает мнение скептиков и доказывает эффективность усилий ООН: при ее посредничестве положен конец Ирано-иракской войне, восстановлена независимость Кувейта после иракского вторжения, достигнуто перемирие и выведены советские войска из Афганистана, подписаны мирные договоры в Сальвадоре и Никарагуа, достигнуто перемирие в Камбодже, предоставлена независимость Намибии и достигнут прорыв в ликвидации режима апартеида в ЮАР и т. д.

Перу занимает сбалансированные позиции в отношении реформирования ООН: Лима выступает за расширение Совета Безопасности за счет включения в состав его постоянных членов Германии, Японии и одного из латиноамериканских государств, скептически реагирует на предложение о ротации новых

постоянных членов СБ, не разделяет идеи о перераспределении полномочий между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности и об отмене права вето.

Несомненный интерес представляют специальные сюжеты, касающиеся перуанского участия в процессе разоружения, доктрины 200-мильной зоны и политики в отношении Антарктики.

По указанным проблемам Перу сохраняло преэминентность позицией вне зависимости от тех или иных политических сил, находящихся у власти.

Это латиноамериканское государство принимало активное участие в создании Международной организации по атомной энергии, в 1975 г. стало членом конференции комитета по разоружению ООН и принимало активное участие в подготовке целого ряда документов.

Широко известен перуанский вклад в разработку Договора Тлатеполко о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке, представители страны неоднократно председательствовали на конференциях Организации о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и странах Карибского бассейна (OPANAL).

По предложению Перу под эгидой ООН был создан Региональный центр по борьбе за мир, разоружение и развитие со штаб-квартирой в Лиме.

Достаточно подробно описывается и вклад Перу в глобальное разоружение.

Лима твердо выступала за бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия и настаивала на важности присоединения к нему всех стран, особенно «пороговых государств», была одним из инициаторов денуклеаризации Южного полушария.

Перу высказывалось за совершенствование механизма международного контроля над закупками вооружений и расширение их транспарентности, разделяет идею об ограничении военных потенциалов уровнем разумной достаточности.

Как документ века были охарактеризованы российско-американские соглашения СНВ-2 и

СНВ-3, позитивно встречена совместная инициатива России и Китая о разработке универсального правового документа о предотвращении размещения оружия в космосе.

Несмотря на опасность внутреннего терроризма, Перу пошло на сокращение расходов на оборону (с. 201–205).

Перуанские наблюдатели находились в Ливане в 1958 г., принимали участие в разблокировании ирано-иракского конфликта в 1989 г., следили за прекращением огня и выводом южноафриканских войск из Намибии в 1989 г., входили в состав миссии ООН в Западной Сахаре в 1991 г., перуанский батальон участвовал во второй Чрезвычайной миссии ООН во время арабско-израильского конфликта 1974 г.

Участие Перу в миротворческих акциях получило широкий резонанс и высокую оценку мирового сообщества.

Перу было одним из первых государств, установивших еще в 1947 г. ширину своих территориальных вод в 200 морских миль и с тех пор активно добивается признания правомерности и справедливости своей доктрины на международном уровне и осознает риски, связанные с защитой своей позиции, не разделяемой абсолютным большинством стран.

Как следует из монографии, определенной спецификой характеризуется и позиция Перу относительно Антарктики.

В 1981 г. эта страна присоединилась к Договору об Антарктике 1959 г. Одновременно было заявлено, что Перу связывает с Антарктидой ряд географических, экологических и исторических факторов, и была установлена перуанская территория Антарктиды.

Была учреждена Государственная комиссия по делам «белого континента», открыта научно-исследовательская база «Мачу-Пикчу», в 1999 г. в Перу состоялась XXII консультативная встреча высшего органа Договора об Антарктиде, организован целый ряд антарктических экспедиций, а в 2002 г. при министерстве иностранных дел создан Перуанский институт антарктических исследований.

С 2005 г. Перу планирует постоянное присутствие в Антарктиде.

Для подтверждения разносторонности деятельности Перу в монографии приводится информация о 20 отделениях, фондах и программах ООН, созданных для преодоления экономической и социальной отсталости, а также для содействия устойчивому развитию страны (с. 231–262).

В этой же главе рассматриваются основные направления внешней политики Перу во второй половине XX – начале XXI в., показаны особенности внешнеполитической активности перуанского МИД при правительствах, придерживавшихся различной идеологии.

Так, военный режим предпринимал попытки «одновременной игры на нескольких досках», заметно улучшил отношения с соседями, активно участвовал в Движении неприсоединения, активно работал над принятием международных мер по преодолению отсталости и реформированию мировой экономической структуры. После восстановления демократии (1980 г.) Перу стало одним из организаторов Группы поддержки Контадоры, созданной для урегулирования вооруженных конфликтов в Центральной Америке, активно участвовало в создании различных объединений за пределами региона.

При правительстве А. Фухимори (1990–2000 гг.), взявшем курс на подавление леворадикальных незаконных вооруженных формирований, одной из важнейших задач внешней политики была борьба с терроризмом и решение социальных проблем.

С приходом к власти А. Толедо (2001–2006 гг.), несмотря на заметные проамериканские тенденции, сохранилось стремление Перу к более активному участию в международных делах.

Правительство А. Гарсиа (2006–2011 гг.) с особым вниманием воспри-

нимало такие новые вызовы, как международный терроризм, наркобизнес, организованная преступность и коррупция, угрозы окружающей среде, нелегальная миграция. Перу выступает за создание самой широкой антитеррористической коалиции и консолидацию усилий всех государств по укреплению универсального правопорядка (с. 195).

Лима ратифицировала все международные антитеррористические соглашения, в то же время выступает против безоговорочного доминирования какой-либо державы и считает неприемлемым использование в борьбе с терроризмом силовых приемов и методов.

В концептуальном плане Перу считает, что признание за коренными народами права на самоопределение не должно наносить ущерба территориальной целостности и безопасности государств, в области международных экономических отношений отстаивает концепцию устойчивого развития и рассматривает неравенство между различными государствами как дестабилизирующий фактор международной обстановки.

В условиях нынешнего мирового экономического кризиса Лима выступает за создание качественно новой международной финансовой структуры и действенный запуск антикризисных механизмов, способных оградить развивающиеся страны от экономических катаклизмов (с. 196).

Несомненный интерес у читателя вызовет обзор перуанско-российских связей.

Разносторонние контакты между нашими странами имеют длительную историю, однако Россия и Перу далеко не всегда использовали имеющийся потенциал.

Из-за тесных связей с испанской монархией Российская империя не торопилась признавать независимость «восставших колоний».

Российское консульство в Перу открылось лишь в 1863 г. после обмена посланиями между перуанским президентом М. Сан-Романом и Александром II, а перуанская миссия в Санкт-Петербурге начала работу только в 1874 г.

В дальнейшем был подписан трактат о торговле и мореплавании, ратифицированный в 1875 г., и открыты перуанские консульства в ряде городов империи.

После Октябрьской революции 1917 г. традиционные контакты были прерваны, хотя видные перуанские политические деятели Х.К. Мариатеги и В.Р. Айа де ла Торре поддерживали тесные контакты с СССР по линии Коминтерна.

Поскольку Конституция Перу 1933 г. считала незаконными политические партии, входившие в международные организации, многие представители левых взглядов оказались в тюрьмах или эмигрировали.

В день Победы президент Перу М. Прадо направил приветственную телеграмму на имя И.В. Сталина, в 1946 г. были предприняты не увенчавшиеся успехом попытки установления дипломатических отношений. Можно согласиться с автором, что основной причиной этого была неприязнь перуанских правящих кругов к идеологии и практике большевизма (с. 269). Как ни парадоксально, дипломатические отношения между нашими странами были установлены лишь 1 февраля 1969 г. после прихода к власти в результате военного переворота Х.В. Альварадо.

Отношение в перуанской и зарубежной историографии к периоду правления так называемого Революционного правительства вооруженных сил, пришедшего к власти под антиамериканскими лозунгами, провозгласившего «третий путь» и начавшего национализацию ключевых отраслей экономики, далеко не однозначно. В то же время, как справедливо отмечается в монографии, это решение было нестандартным для обеих сторон и подвергалось сомнению и в Перу, и в США. Для советского руководства это был первый случай признания правительства, пришедшего к вла-

сти в результате государственного переворота, а с перуанской стороны факт установления дипломатических отношений был продиктован стремлением решить практические задачи: стабилизировать обстановку в стране, укрепить ее экономический и военный потенциал. Мотив антиамериканизма в двусторонних отношениях, как считают многие исследователи, не стал и не мог стать довлеющим, уже следующий военный президент Ф.М.Бермудес допускал антисоветские высказывания (с. 270). Тем не менее пик двусторонних отношений между нашими странами приходится именно на период военного режима.

Уже 17 февраля 1969 г. обе стороны подписали первое торговое соглашение, предусматривающее предоставление режима наибольшего благоприятствования, а межправительственным протоколом учреждались торговые представительства.

Начались поставки на выгодных для Перу условиях машин и оборудования, особое место приобрело военно-техническое сотрудничество. На основе льготных кредитов в советских рублях поставлялись различные виды вооружения, в том числе танки и авиатехника, в СССР прошли подготовку около 700 перуанских военнослужащих.

Справедливости ради автор отмечает, что тесное сотрудничество не ограничивалось ВПК. В 1970 г. товарооборот практически достиг 1 млрд долл.

Перу закупало в СССР тракторы, грузовики, автомобили. По заказу перуанской стороны был построен мощный сухогруз и разработан не осуществленный на практике уникальный проект «Ольмос», предполагавший строительство каскада гидроэлектростанций и обширные мелиорационные работы.

Активно развивались культурные и научные связи, в вузах СССР прошли подготовку около 10 тыс. перуанцев (с. 273).

В результате экономического кризиса 80-х годов торговые отношения стали сворачиваться, неоплаченные со стороны Перу кредиты составили в 1988 г.

570 млн валютных рублей. В начале перестройки обе стороны были обременены решением внутренних проблем.

В 1992 г. восстановление экономических отношений началось практически с нулевого уровня. Новый импульс двусторонним связям придал визит Д.А.Медведева (ноябрь 2008 г.), посетившего Перу в рамках встречи лидеров АТЭС.

Несмотря на многократное падение товарооборота, автор считает, что существуют объективные условия для развития двусторонних связей. Речь идет о совпадении или близости позиций по ключевым международным проблемам. Перу занимает ключевое геополитическое место в Южной Америке благодаря центральному положению на побережье Тихого океана и открывает подход к главным артериям торговли и развития. Это единственная страна региона, входящая одновременно в Андское сообщество и АТЭС, которая может стать своего рода мостом между Россией и членами этих объединений. Перу может приобрести в лице России надежного союзника в международных делах, солидного партнера в сфере торгово-экономических связей и наставника в сфере высокотехнологических разработок (с. 352).

Третья глава монографии посвящена политике Перу на Американском континенте.

В течение двух столетий, прошедших после завоевания независимости бывшими испанскими колониями, геополитическая ситуация в Западном полушарии определялась противостоянием двух моделей – «Америка для американцев» и «Латинская Америка для латиноамериканцев». В значительной мере этими посылами определяются и интеграционные процессы в регионе.

Приверженцы первой модели создали Организацию американских государств

ства (ОАГ) и Североамериканскую зону свободной торговли (NAFTA) и пытались воплотить на практике несостоявшийся проект Всеамериканской зоны свободной торговли (ALCA); сторонники второй организовали Союз южноамериканских наций (UNASUR) и начали институционализацию Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC).

В силу этих причин изложение сюжетов, касающихся политики Перу в Западном полушарии, закономерно начинается с противопоставления монроизма (панамериканизма) и боливаризма (С. 281–288). Доктрина президента США Дж. Монро, в концентрированном виде сформулированная в его послании к конгрессу 2 декабря 1823 г., провозглашала обе части Американского континента зоной, свободной от возможной колонизации любой европейской державой. Соединенные Штаты будут рассматривать любую попытку европейцев распространить свою систему на любую часть полушария как угрозу его спокойствию и безопасности. В свою очередь, США объявили о невмешательстве в дела европейских государств.

Напротив, герой борьбы за независимость С. Боливар в знаменитом письме с Ямайки от 6 сентября 1815 г. высказался за создание единой Латинской Америки, которая в полной мере выполнила бы свое историческое предназначение и стала бы силой, способной отстоять справедливость, суверенитет и независимость своих стран.

Как показывают приводимые в монографии материалы, на практике во внешней политике Перу всегда присутствовали обе тенденции, а в зависимости от прагматических интересов на первый план выходила одна из них.

Перу принимало самое активное участие в работе всех Панамериканских конференций и в работе созданной в

1948 г. под эгидой Вашингтона Организации американских государств.

Перуанские дипломаты и праведы внесли весомый вклад в разработку юридических норм современной межамериканской системы.

Крайне полезными оказались перуанские инициативы при реформировании Межамериканского договора о взаимной помощи (по предложению Перу в документ внесены поправки о принципе невмешательства и идеологического плюрализма, понятие коллективной безопасности не ограничивалось рамками военной защиты, а включало противостояние попытке экономического давления).

Перу стало инициатором разработки Межамериканской демократической хартии, выступающей за уважение прав человека, самообытности, суверенитета и независимости государств, осуждающей агрессию и предлагающей мирные способы решения двусторонних и многосторонних разногласий.

Как подчеркивает Т.П. Петрова, предложенная Перу модель эффективной представительной демократии не может быть полностью задействована без преодоления нищеты, в Хартии подчеркивается необходимость сохранения культурной самообытности стран, каждое государство имеет право избрать без вмешательства извне собственную политическую, экономическую и социальную систему. Принятая в 2001 г. по инициативе Перу Межамериканская демократическая хартия закрепляет механизмы санкций, предусматривающих приостановку членства в ОАГ государства, нарушившего конституционный строй.

В 2003 г. Перу непосредственно участвовало в разработке новой политики континентальной безопасности. Страна активно обсуждает проблемы борьбы с наркобизнесом, терроризмом, незаконным оборотом оружия, коррупцией и другими вызовами. При участии Перу принят ряд международных конвенций, осуществляется мониторинг политических процессов в регионе.

Не подлежит сомнению вклад автора в анализ истории и современного состояния перуанско-американских отношений, в рамках которых выделяются вопросы безопасности, экономического сотрудничества и идеологические контакты. В работе показано, что отношения с основным торговым партнером и политическим союзником развивались отнюдь не безоблачно, нередко при проведении коренных реформ перуанские власти наталкивались на активное противодействие со стороны американских компаний и властных структур.

Традиционные методы политики США несколько изменились в условиях мирового экономического кризиса 30-х годов, когда президент США Ф.Д.Рузвельт провозгласил «политику доброго соседа», а впоследствии модернизировал доктрину Монро. Вплоть до конца 60-х годов перуанские правительства принимали политику добрососедства, ратовали за привлечение иностранного капитала и гармонию в Западном полушарии.

После установления военного режима Х.В.Альварадо экспроприировал американские нефтяные компании. В его правление заметно сократились закупки американского вооружения, отношения с США в целом приобрели оттенок антагонизма.

На региональном уровне Перу использовало против США механизм латиноамериканской солидарности. В идеологическом плане усилия военного правительства были направлены на выработку собственной позиции в отношении латиноамериканского национализма, совпадавшего с концепциями всего третьего мира.

Как отмечается в работе, цель перуанской политики заключалась в том, чтобы отдалиться от США настолько, насколько это необходимо для проведения внутренних преобразований, и укрепить позиции Перу в системе регио-

нальных и международных организаций.

Косвенные столкновения с США происходили и на уровне мировой политики (с. 300–301). Новые нюансы наметились и в связи со смещением акцентов с защиты демократии на защиту прав человека в период администрации Дж.Картера (1977–1981 гг.). В результате, отмечает Т.П.Петрова, отношения между странами стали рассматриваться не только в двустороннем, но и в глобальном контексте, а Латинская Америка, отнесенная к общей категории развивающихся стран, перестала быть особым объектом американской политики (с. 299).

В 90-е годы в условиях кризиса и роста внешней задолженности Лима была вынуждена в большей степени учитывать позиции США, но президент А.Фухимори пытался проводить межгосударственный диалог на равноправной основе. Дополнительные сложности возникали в связи с тем, что США считали режим Фухимори авторитарным и требовали соблюдения прав человека, свободы печати и объективности судебных органов. Недовольство США вызывало и взаимодействие Перу со «странами-изгоями» и его военно-техническое сотрудничество с Россией и Белоруссией (с. 303). В свою очередь Лима отказалась поддержать идею США о создании межнациональных сил по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и предоставить для этого перуанскую территорию, высказалась против силовых методов решения конфликтов в Косове и Ираке, не дала согласия на проведение военных маневров на своей территории и на возобновление деятельности Корпуса мира (с. 304).

В начале нынешнего века внешнеполитическая деятельность Перу носила прагматический характер и была направлена на создание благоприятных внешних условий для ускоренного эко-

номического развития и гарантирования безопасности страны, ее интеграции в мировое хозяйство, на поддержание взаимовыгодных двусторонних связей со всеми государствами, обеспечение притока современных технологий и иностранных инвестиций. Отношения с США – основным торговым партнером Перу – заметно активизировались. Новый импульс они получили после заключения в 2005 г. соглашения о свободной торговле, которое за короткий срок позволило удвоить экспорт на одном из самых привлекательных рынков и обеспечить приток американских инвестиций.

Заключительная, *четвертая глава* логично посвящена роли Перу в региональной экономической и политической интеграции.

Первой ее попыткой, отмечает автор, можно считать Латиноамериканскую ассоциацию свободной торговли, созданную еще в 1961 г. В ее рамках странам-участницам удалось несколько увеличить товарооборот, однако ассоциация не достигла ожидаемых результатов из-за неоправданного распределения экономических потоков в пользу ведущих стран блока. Потерпев неудачу, андские страны стали искать собственные пути интеграции и в 1966 г. заложили фундамент Андского союза, а в 1969 г. создали Андский пакт, в 1996 г. переименованный в Андское содружество наций (CAN).

После нескольких лет интенсивных переговоров были установлены общие таможенные тарифы (в эту систему постепенно, по мере снижения тарифов, будет входить и Перу), ведутся соответствующие переговоры членов блока с третьими странами, принят единый андский паспорт.

Стратегия сообщества нацелена на создание единого экономического пространства, углубление международных связей стран-участниц и стремление к

единству Латинской Америки. За прошедшие десятилетия сообщество развивалось с переменным успехом.

В настоящее время, после выхода Венесуэлы в знак протеста против подписания Колумбией и Перу соглашения о свободной торговле с США, в CAN входят Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу.

Отмечая достижения объединения, в частности создание наднациональных структур (Президентский совет, Андский парламент, Андский суд, Андский совет министров иностранных дел и Андскую корпорацию развития, выполняющую роль банка), Т.П.Петрова не впадает в эйфорию и отмечает трудности на пути интеграции: относительно низкий уровень экономического развития стран-участниц, сильные протекционистские тенденции, отсутствие единства взглядов на темпы и ход интеграционных процессов, территориальные споры (с. 327).

Особо следует сказать и о «факторе Чавеса», который выступает в роли возмутителя спокойствия и противника любой инициативы Вашингтона (С. 329). На наш взгляд, к этому списку проблем следует добавить и различные экономические и политические модели: в то время как Колумбия и Перу (до выборов 2011 г.) ориентируются на свободный рынок, открытую экономику и выступают за политический плюрализм, Боливия и Эквадор входят в руководимый У.Чавесом Боливарианский альянс для Америк (ALBA), поддерживают идею «социализма XXI века», предполагающего национализацию ключевых отраслей экономики, отказ от основных рыночных механизмов и опору на плебисцитарную демократию. Вопрос о позиции нового президента Перу О.Умалы пока остается открытым.

Тем не менее можно согласиться и со сдержанным оптимизмом автора: в 2001 г. принята инициатива о региональной интеграции Южной Америки, в

2004 г. CAN удалось подписать договор о свободной торговле с MERCOSUR (Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай), в результате чего Перу стало ассоциированным членом этой организации. Новым шагом стало создание в декабре 2004 г. Союза южноамериканских наций (UNASUR), членами которого стали 12 государств. Перу принимает участие в Группе Рио, представляющей постоянно действующий механизм политических консультаций для выработки единой позиции по ключевым региональным и международным проблемам.

Наконец, в декабре 2011 г., уже после выхода в свет рецензируемой монографии, собравшиеся в Венесуэле главы государств и правительств региона заявили о создании Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). Новое объединение строится на принципах боливаризма и, в отличие от ОАГ, включает Кубу и исключает США и Канаду. В случае его успеха можно согласиться с прогнозом Т.П.Петровой, предполагающим исчезновение Группы Рио и прекращение саммитов стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Пока неясно и потенциальное распределение функций между ОАГ и CELAC. Перу входит и в состав Организации амазонского соглашения, координирующей усилия восьми стран Амазонии.

В случае преодоления имеющихся объективных и субъективных трудностей, как пишет автор, есть все предпосылки для превращения региона в один из полюсов силы (с. 351). Т.П.Петрова, которая провела в Латинской Америке немало времени, не понаслышке знает регион и переживает за его будущее. Хотелось бы, чтобы ее благоприятные прогнозы сбылись.

Работа написана хорошим языком и доступна широкому кругу читателей. Автор не злоупотребляет сложными политологическими категориями. Моно-

графия включает обширную библиографию, содержащую широкий круг источников и литературы. Нельзя не отметить и качественное полиграфическое исполнение, яркую и символическую обложку, цветные портреты всех президентов и выдающихся дипломатов Перу.

Давая высокую оценку проделанной работе, хотелось бы высказать автору некоторые замечания и пожелания (отдельные недостатки являются продолжением достоинств). Крайне широкие хронологические рамки работы привели к тому, что многие важные проблемы рассмотрены лишь частично или вообще выпали из поля зрения исследователя.

Так, в монографии не рассматриваются отношения Перу с азиатскими странами, в том числе и с Китаем, почти не затронут и европейский вектор внешней политики. Работа выиграла бы от некоторого сокращения справочного материала, мелких и мельчайших деталей и подробностей, что повысило бы ее аналитичность.

Не совсем удачна и структура исследования: из-за увлеченности историей первая и вторая главы насчитывают примерно по 130 страниц, в то время как третья и четвертая соответственно по 37 и 31. Вместо многочисленных подзаголовков было бы рациональнее разбить главы на параграфы. Встречаются опечатки и стилистические погрешности, не всегда точно переводятся названия организаций и их аббревиатуры.

Указанные замечания ни в коей мере не уменьшают значимости исследования, которое окажется полезным не только латиноамериканистам, но и всем историкам и политологам, интересующимся процессами, происходящими в глобализирующемся мире, и изменениям геополитической ситуации.

Петрова Т.В. Перу в системе международных отношений (1821–2010). М.: Аванглион-принт, 2011. – 406 с.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Our Victory (*Poerty*) 6

A. Tsvetkov

About the author: TSVETKOV Anatoly – a member of the Union of Russian Writers.

Reflections on the Field of Discussion: Dialectics of Internal and External 7

A. Fursov

The article deals with the interpretation by the participants of the discussion of the main factors of Russian revolutions and Times of Trouble (Smuta), the dialectics of interior and exterior factors of these macroevents, as well as the perspectives of contemporary Russia's development – possibility or impossibility of a new revolution.

Key words: Time of Trouble (Smuta), revolution, Russian history, interior and exterior factors, contemporary Russia.

About the author: FURSOV Andrey I. – Director of the Centre of Russian Studies of Moscow University for the Humanities, Active Member of the International Social Science Academy (Innsbruck, Austria).

Philosophical understanding of the principle of dissymmetry in the question of the origin and existence of life 20

V. Nekrasov, M. Plyashkevich

In our opinion, investigation of biosphere and a human in it as a geometric substratum, filled and united by two forms of energy, having the features of the leftism and rightism and dissymmetry is the most important branch. Such the greatest philosophers as Gauss and Kant also approached the question about the leftism-rightism in the environment. Louis Pasteur, Pierre Curie and V. I. Vernadsky sup-

posed, that the cause of origin of dissymmetry in a substance was existence of the similar phenomenon in the environment. V. A. Nekrasov's discoveries showed that there is biospheric energy dissymmetry at any place of space. That biospheric dissymmetry has changeability with the definite rhythmicity and these rhythms influence essentially on all living and nonliving things in biosphere, including weather conditions.

Key words: V. I. Vernadsky, L. Pasteur, dissymmetry, leftism-rightism, form field, golden ratio, biospheric pathogenic zones, left and right biological types, The Concept of the organization of healthy and safe life.

About the authors: NEKRASOV Vladimir Alekseevich – the president of the Academy NP «MATEZ» (Non-profit Partnership of assistance to development of new technologies for life «International Academy of Fine-Field Ecology and Health»), Doctor of Biology, Academician of RANS, RAMTS;

PLYASHKEVICH Mira Leonardovna – scientific secretary NP «MATEZ», medical physicist, research engineer-physicist (Moscow Engineering-Physical Institute).

The Eurasian Union: two projects

29

O. Leonova

The article deals with two geopolitical projects of creation of the Eurasian Union. This union is the answer to the challenges of the globalization processes and it leads to the formation of the fully established region system. Such region systems based on the states-participants' joint resources can seek a status of the center of power of the global world. The author of the article analyses the peculiarities of these projects and distinguishes the similar and different features of them.

Key words: global world, regional system, Eurasian Union, project.

About the author: LEONOVA Olga – doctor of political science, professor of Chair of sociology and political science of IPPK MSU, professor of the Faculty of Global Studies.

Russia – Uzbekistan: Cooperation for Peace and Prosperity

36

G. Rudov

The article analyzes the problems and prospects of cooperation between Russia and Uzbekistan after the establishment of diplomatic relations on March 20, 1992. Particular attention is paid to the joint efforts of both sides in the fight against international terrorism and drug trafficking.

Key words: Russia, Uzbekistan, economic and political cooperation, international terrorism, drug trafficking.

About the author: RUDOV Georgij – doctor of political science, professor of the Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Iranian-Turkish rivalry in Transcaucasia

43

S. Druzhiloskiy

The main orientations of the Iranian and Turkish policy in Transcaucasia after the collapse of the USSR are considered in the article. The author examines the most important facts, contributing to the formation of the Iranian and Turkish foreign policy in the region, indicates spheres of these countries influence in the republics of Transcaucasia and comes to the conclusion that in order to achieve settlement in Transcaucasia Russia can use more actively both Iranian and Turkish potential and opportunities.

Key words: Iran, Turkey, Transcaucasia, influence, safety, settlement, Russia, compromise.

About the author: DRUZHILOSKIY Sergey B. – Candidate of Historical Sciences, professor of the Moscow State Institute of Foreign Relations (University).

«Common agreement» as basis of public confidence in governance: The legitimization of the consensus strategics in neoinstitutionalism

50

O. Boitsova

The article inquires into a question of legitimacy foundation of consensus strategics in neoinstitutionalism in contemporary western political thought. James M. Buchanan and John B. Rawls are considered as representatives of this approach in positive and normative version respectively. According this approach, based on contractualism, the overarching consensus can be built on social contract, which establishes «rules of the game» or «constitution of politics» and produces in this way the common principles of just political order.

Key words: power, state, normativism, consensus, neoinstitutionalism, political values, legitimization, political theory, contractualism, theory of justice.

About the author: BOITSOVA Olga – Doctor of Political Sciences, Professor in Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

Democracy in the Context of Modern Challenges

59

A. Sytin

The article is devoted to the problem of developing ideas of the democracy core in western political thought of the end of XX-th – beginning of XXI-th centuries. By searching responses to modern challenges – problems of globalization, collapse of the bipolar structure of international relationship, development of mass media and increase of manipulation influence upon the citizen, global terrorism – and by assimilating the means the information revolution gives, the author shows how the development of theoretical democratic ideas goes.

Key words: democracy, political thought, development, modern challenges, globalization, mass media, manipulation, political culture, information revolution.

About the author: SYTIN Andrey Georgievich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law of M. V. Lomonosov Moscow State University.

Implementation of the doctrinal principles of the international law during peacekeeping actions

68

S. Tishkov

The article studies actual questions of the implementation of the doctrinal principles of the international law – principle of territorial integrity and the right to self-determination during peacekeeping actions in settlement of internal ethno-religious conflicts. The new ways of problem solving specified on preventive actions are offered.

Key words: United Nations, peacekeeping, international law, territorial integrity, self-determination.

About the author: TISHKOV Sergey A. – Orel Law Institute of Ministry of Interior, Deputy head of the Chair of forensic sciences and criminal investigation, Candidate of political sciences, Police colonel.

Civilization aspects of the development of the European Union 76

J. Boyko, E. Sadykova

On a boundary of millennia of world development the dangerous calls transforming the mechanism civilization interaction in new historical conditions come to light. The international experience of integration processes within the limits of the European Union testifies to the approach of a certain crisis stage which shows incorrect estimation of the forecasts based on expectation of loyal perception by representatives of others civilizations archetypes of the western values. Studying of inconsistent features of a modern phase of social development distinctly reveals the necessity of radical change of the policy based on absolutization of the western model of construction of a society.

Key words: The European Union, cultural-civilization heterogeneity, multiculturalism, inter-civilization dialogue.

About the authors: BOYKO Jury – the professor, the doctor of political sciences, the professor of Diplomatic academy the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. The expert of the Committee of the State Duma of Federal Assambly of the Russian Federation on Security;

SADYKOVA Elmira – The candidate of jurisprudence. The senior lecturer of Diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

The environmental policy of the European Union in the context of the concept of sustainable development 88

A. Gusev

The world is currently in the process of deep and dynamic change. However, no region of the world, even one as powerful as Western Europe, can't solve a number of ecological problems. That is way it is necessary to form a fundamentally new environmental policy of the European Union, based on the principles of partnership and concentration of efforts, which fully takes into account the degree of interaction between the institutions of the EU and the increasing influence of supranational political, economic, social and environmental actors of the European Union.

Key words: The European Union, environmental, environmental protection, ecological safety, the concept of sustainable development, the strategy of stable development.

About the author: GUSEV Alexey Aleksandrovich – doctor of political sciences, a specialist in the field of politics, economy and ecology of the European Union.

World Mass Media as the Instruments of Political Influence 101

V. Krikunova

Today it's impossible to analyze the international processes ignoring their reflection by mass media, which provide an involvement in conflicts and cooperation of not only officials, but the public as well, whose opinion needs to be considered. But the question of media neutrality and its distance from different groups of interest rises ever more sharply.

Key words: international conflicts, mass media neutrality, world public opinion, national and corporative interests.

About the author: KRIKUNOVA Valeria Vadimovna – applicant for Ph.d. of political science at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

The Sustainable development conception: ideological and practical aspects of the new world order's construction 109

G. Avtsinova

The article represents itself the review on the monograph, written by Pavlenko Vladimir B. and published in the end of 2011. The title is: «The “Sustainable development’s” myths: the “Global getting warmer” or the global “creeping” revolution?». The author marks, that the monograph’s vision considers the «Sustainable development’s» conception to be the ideological and practical instrument of blowing up and liquidation to large states sovereignties. So such a theories as «global getting warmer», «democracy», «human’s rights», «minorities rights», «market economy», «federalism» are inculcated in the public opinion with this view. The article stresses the official and documental basis of the monograph.

Key words: Ecology, «Sustainable development», «global getting warmer», global governance, global oligarchy, Club of Rome, the USSR’s collapse, conflict’s governance, peace building.

About the author: AVTSINOVA Galina I. – Doctor of philosophy, Professor.

Milestones and vectors of foreign policy of Peru 117

Z. Iwanowski

The monograph is devoted to the role and place of Peru in the international system through the history of this country. The author studies the territorial disputes with neighboring states during the formation of nation-state and problems of cross-border integration. Much attention is paid to the policy of Peru in the United Nations, so as to the main directions of foreign policy in the second half of the XX - early XXI century. The era of territorial disputes and conflicts is gradually replaced by a stage of active search for models of regional integration. The participation of Peru in the Union of South American Nations (UNASUR), the Rio Group, Andean Community of Nations (CAN) and other existing and potential associations is also analyzed.

Key words: Latin America, Peru, territorial disputes and conflicts, transnational integration, vectors of foreign policy, regional integration, free trade zones, the bilateral and multilateral cooperation, polycentric world.

About the author: IWANOWSKI Zbigniew W. – Dr of Science (Political Science), Ph.D (History), main scholar of Institute for Latin America, full professor of Moscow State Lomonosov University.

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

Е-mail: observer@ru.ru

Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 03.04.2012. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 203.